

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление «Филология»

№ 13

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010

Включен в Перечень специализированных научных изданий Украины
(приказ МОН Украины от 07.10.2016 № 1222)

Харьков
2016

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований лингвистов Украины и Германии в области когнитивно-дискурсивного анализа, когнитивной прагматики и прагмастилистики, лингвосинергетики, лингвистики текста на материале политических концептов английского и арабского языков; немецких текстов, в том числе, жанров малых форм.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 16 от 14 декабря 2016 г.)

Редактор:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Редакционная коллегия:

- Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.К. Гаспарян, докт. филол. наук (Ереванский государственный университет, Армения)
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Секретарь:

М.В. Котов, канд. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Периодичность – 2 выпуска в год.

© Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина, оформление, 2016

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 13

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Включено до Переліку спеціалізованих наукових видань України
(наказ МОН України від 07.10.2016 № 1222)

Статті даного випуску містять результати досліджень лінгвістів України та Німеччини в області когнітивно-дискурсивного аналізу, когнітивної прагматики і прагмастилістики, лінгвосинергетики, лінгвістики тексту на матеріалі політичних концептів англійської та арабської мов; німецьких текстів, в тому числі, жанрів малих форм.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 16 від 14 грудня 2016 р.)

Редактор:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Редакційна колегія:

- Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)
С.К. Гаспарян, докт. філол. наук (Єреванський державний університет, Вірменія)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манасенко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Фрімман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Меріфілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія))

Секретар:

М.В. Котов, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Періодичність – 2 випуски на рік

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

13

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Included in the list of specialized scientific publications in Ukraine
(The order of the Ministry of Education and Science of Ukraine
from 07.10.2016 № 1222)

The articles in this issue include the results of research of Ukrainian and German linguists in the field of cognitive discourse analysis, pragmatics and cognitive pragma-stylistics, linguistic synergetics, text linguistics on the material of political concepts in English and Arabic; German texts, including small forms genres.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

Editor:

Iryna Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)

A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)

L.R Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zeland)

V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)

Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrifield Institute for Cognition and the Arts, Heath; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)

S.K. Gasparyan, Doctor, Professor (Yerevan State University, Armenia)

Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia)

Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)

Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)

G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)

A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)

L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)

E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

V.G. Pasyok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)

V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)

S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Secretary:

M.V. Kotov, PhD, Associate Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4
(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Faculty of Foreign Languages

Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed

Published 2 issues a year

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
(Minutes № 6 of 28 May 2010)

СОДЕРЖАНИЕ

Bogomolov A. A QUEST FOR DEMOCRACY OR FOR A CONSERVATIVE SOCIAL IDEAL? A cognitive semantics perspective on the role of Sharia concepts in the discourse of the Egyptian Arab Spring	8
Донец П.Н. ЭЛЕКТРОННЫЕ МАССИВЫ ИНФОРМАЦИИ И КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	23
Ейгер Г.В. ТЕКСТ В МЕТАТЕКСТЕ (на материале жанров «малых форм»)	33
Жаботинская С.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ БАРАКА ОБАМЫ И ВЛАДИМИРА ПУТИНА (2014-2015 гг.)	43
Кузнецова А.В. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	92
Пихтовникова Л.С. ПРАГМАСТИЛИСТИКА ДИСКУРСА В СВЕТЕ ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ	114
Шевченко И.С. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ.....	131
Редакционная коллегия	142
Рекомендации авторам по оформлению статей	145

УДК 811.411.21'42

A QUEST FOR DEMOCRACY OR FOR A CONSERVATIVE SOCIAL IDEAL?

A cognitive semantics perspective on the role of Sharia concepts in the discourse of the Egyptian Arab Spring

A. Bogomolov, PhD (Kyiv)

A. Bogomolov. A quest for democracy or for a conservative social ideal? A cognitive semantics perspective on the role of Sharia concepts in the discourse of the Egyptian Arab Spring. This paper analyzes the discourse of the Egyptian Arab Spring from a linguistic anthropology and cognitive semantics perspective aiming to uncover a native view on the Egyptian revolution of January 25, 2011. I focus on three salient concepts of the revolutionary discourse: *ZULM* (*injustice, oppression, wrong*), *QIṢĀṢ* (*retaliation*), and *FULŪL* (a newly coined moniker for the enemies of the REVOLUTION). These concepts are interwoven with belief systems that shape Arab sociopolitical reality. The new Egyptians concept of REVOLUTION differs from its antecedents as modern electronic media has turned the January 25 revolution into a multimodal communication event. The discourse of the Egyptian Arab Spring appears to be far more conservative than the Western account of the revolution suggests and its key ideas have mostly been lost in translation provided by Western media.

Keywords: discourse, Egyptian Arab Spring, *FULŪL*, *QIṢĀṢ*, REVOLUTION, salient concept, *ZULM*.

А. Богомолов. У пошуках демократії чи консервативного суспільного ідеалу? Когнітивно-семантичний аналіз ролі шариатських концептів в дискурсі єгипетської арабської весни. У статті аналізується дискурс єгипетської арабської весни з точки зору лінгвістичної антропології і когнітивної семантики з метою розкрити місцеве уявлення про єгипетську революцію 25 січня 2011 року. Ми зосередилися на трьох важливих концептах революційного дискурсу: *ZULM* (*несправедливість, пригнічення, кривда*), *QIṢĀṢ* (*відплата*), і *FULŪL* (*назва-неологізм для ворогів революції*). Ці поняття переплітаються з системами вірувань, які формують арабську суспільно-політичну реальність. Новий єгипетський концепт РЕВОЛЮЦІЯ віддзеркалює зміну суспільних уявлень, викликане, в першу чергу тим, що сучасні електронні ЗМІ перетворили революцію 25 січня на акт мультимодальної комунікації. Дискурс єгипетської арабської весни видається набагато консервативнішим, аніж це могли собі уявити західні коментатори революційних подій, а його основні ідеї були здебільшого загублені у перекладі західних ЗМІ.

Ключові слова: дискурс, єгипетська арабська весна, РЕВОЛЮЦІЯ, салієнтний концепт, *FULŪL*, *QIṢĀṢ*, *ZULM*.

А. Богомолов. В поисках демократии или консервативного общественного идеала? Когнитивно-семантичный анализ роли шариатских концептов в дискурсе египетской арабской весны. В статье анализируется дискурс египетской арабской весны с точки зрения лингвистической антропологии и когнитивной семантики с целью раскрыть местное представление о египетской революции 25 января 2011. Мы сосредоточились на трех салиентных концептах революционного дискурса: *ZULM* (*несправедливость, угнетение, кривда*), *QIṢĀṢ* (*возмездие*), и *FULŪL* (*название-неологизм для врагов революции*). Эти концепты переплетаются с системами верований, которые формируют арабскую общественно-политическую реальность. Новый египетский концепт РЕВОЛЮЦИЯ отражает изменение общественных представлений, вызванное, в первую очередь, тем, что современные электронные СМИ превратили революцию 25 января в акт мультимодальной коммуникации. Дискурс египетской арабской весны представляется гораздо более консервативным, чем могли бы себе представить западные комментаторы революционных событий, а его основные идеи были большей частью потеряны в переводе западных СМИ.

Ключевые слова: дискурс, египетская арабская весна, РЕВОЛЮЦИЯ, салиентный концепт, *FULŪL*, *QIṢĀṢ*, *ZULM*.

1. Introduction

The recent Egyptian revolution was widely perceived as different from those of the old age, particularly, due to an innovative use of social networks and modern electronic media as instruments of empowerment and mobilization during the initial January 25 – February 11, 2011 massive sit-in rally in Cairo's Tahrir Square, which turned a street protest into a multimodal mass communication event. Egyptian revolutionaries, who picked up the torch from the successful Tunisian antecedent, had thereby inaugurated the so called Arab Spring – a series of anti-government protests and uprisings across the Arab countries. The word *spring* (rabī') of course metaphorically signified renewal and breakaway from the past. Here is a rather accurate account of how the events of the Arab Spring were perceived outside of the Arab world:

Almost overnight, the Middle East, which prior to the uprisings had been conceived almost solely as a space of authoritarian oppression and political stagnation, or as a breeding ground of what is seen as 'Islamic fundamentalism' and international terrorism, was transformed into a laboratory of political innovation and becoming to which progressive and revolutionary subjects and movements from Latin America to New York and Tel Aviv looked for inspiration and guidance.¹

Not only the left-leaning activists, but sober policy makers in the leading Western democracies, for all their trademark cautiousness and risk perceptions, were operating on a fundamentally similar reading of the Arab uprisings². World outside the Arab Spring countries seemed to grasp immediately what was going on. Obviously, such a rapid enlightenment could only come through the medium of a TV screen. But how much of this knowledge could be accounted for by merely reading graphic images and how much of it was based on a true analysis and understanding? How does such media inspired external perspective relate to a native participant's one? Crowds of people occupying vast public spaces, shouting 'Mubarak, go!'³, appeared to unambiguously signify nothing but a resolute popular rejection of authoritarianism. Powerful graphic images created by international media had not only profoundly influenced international public opinion, but contributed to empowering the local protesters themselves⁴. [] But when it comes to the native *verbal* discourse of the Egyptian revolution, the true language of the protest as spoken on streets of Cairo and other cities and reflected in local media coverage – most of it was lost in a cultural translation provided by international media, which tended to pick out mainly those sound bites that appeared to be consistent with the emerging image of an innovative democratic revolution, often unwittingly editing out the culturally idiosyncratic parts. However, should the enthusiastic supporters of the Egyptian revolution abroad be able to understand the native language and willing to listen, they would probably find the verbal manifestation of this highly ingenious and unusually massive protest movement astonishingly conservative, when it comes to the beliefs and knowledge bases embedded in it.

Amid the popular aspirations for change, the laudations of liberals praising the newly found national unity and precipitating the coming of democracy, it would be unfair to say that observers familiar with the local culture have totally failed to take heed of an Islamic tinge in the native concept of the revolution as opposed to how it looked from afar and what even some local parties

¹ Laura Junka-Aikio. Late modern Palestine: the subject and representation of the second intifada. New York, NY: Routledge, 2016, p. 135.

² For a brief account of early EU's response to the Tunisian and Egyptian revolutions, cf. Niklas Bremberg (2016) Making sense of the EU's response to the Arab uprisings: foreign policy practice at times of crisis, European Security, 25:4, 423-441, DOI: 10.1080/09662839.2016.1236019, pp. 430-432.

³ The actual Arabic posters contained only one word *irḥal* (go) with no name mentioned.

⁴ On the role of the international media in construing and promoting the January 25 protests, alongside other episodes of the Arab Spring, as a new pan-Arab democratic revolution and the role of media installations on the site of the Tahrir square protests in empowering the protesters cf. A. Bogomolov. The 18 Days that Changed Egypt: the Concept of REVOLUTION in the Egyptian Arab Spring Discourse. Skhodoznavstvo 2015, #70, pp. 11-34.

were trying to read into it. Writing only days after the downfall of Mubarak, an Egyptian-born American academic expressed serious reservation regarding the ambiguous nature and the likely outcome of the uprising:

It is not yet clear whether the Egyptian uprising will be a Velvet Revolution, as many have hoped, or an Iranian-style Islamic Revolution, but it is clear that all has not devolved into a Tiananmen Square crackdown. At least, not yet.⁵

In 2012, another local observer, an Arab ‘socialist’ intellectual found it striking how central a Sharia concept – QIṢĀṢ (*retaliation*, essentially, *an eye for an eye* principle) was for the discourse of the January 25 revolution⁶. Such cautious commentaries had been, however, rather an exception contrasted to the predominantly optimistic mood shared by the religious conservatives and liberals alike⁷.

A powerful role that the Islamic normative discourse, deeply rooted in its centuries old tradition, but also re-appropriated and transformed by modern days Islamists, played in shaping public discussion over the period of the Arab Spring – is not just an Egyptian, but a pan-Arab phenomenon. Similar influences may be noted in other Arab Spring countries raising a question as regards the validity of the dominant Western narratives, which tended to describe the Arab Spring as a modern democratic revolution. The particular national contexts, however, differ, and an analyst would find both commonalities and striking differences in revolutionary discourses of Tunisia, Yemen and Syria in terms of salience and sociopragmatic function of various traditional Islamic concepts⁸. Hence, for the sake of accuracy and consistency we have limited the scope of the present study to one Arab Spring country – Egypt.

January 25 protests in Tahrir square, Cairo were initiated by mostly secular left-leaning groups⁹. But media and wider public discussion¹⁰ scarcely referred to these groups’ affiliations to identify the harbingers of what was then seen as a profound sociopolitical change, preferring to describe them collectively as *šabāb at-tawra* (revolutionary youth) or simply ŠABĀB (youth). After the downfall of Mubarak several secular political forces and personalities appeared as strong contestants for power. International pollsters predicted only a marginal portion of votes to be given to Islamists in the upcoming post-Mubarak legislative elections of 2011 – 2012¹¹. According to the

⁵ Nezar AlSayyad. Military, Money, and Motives in Egypt

http://harvardpress.typepad.com/hup_publicity/2011/02/alsayyad-cairo-military-money-and-motives-in-egypt.html

⁶ The phrase is cited in an article titled Culture of Retaliation and Revenge (*ṭaqāfat al-qiṣāṣ wa l-intiqām*) by an Egyptian journalist Rola Kharsa published by an electronic publication al-Miṣrī al-Yawm, 14.2.2012 and is attributed to an unidentified ‘socialist, friend’ of the author – <http://m.almasryalyoum.com/news/details/52941>

⁷ For a colorful description of this mood and aspirations of democratic transition soon to come in the aftermath of Mubarak’s downfall see interview with Egypt’s most prominent figure and 2011 presidential hopeful, Dr. Mohamed El Baradei at the opening ceremony of the Annual Conference of the International Bar Association in 2011 – <http://www.ibanet.org/Article/Detail.aspx?ArticleUid=ee251c92-4849-4af6-875c-83f3d2380f50>

⁸ For the notion of *sociopragmatics* cf. Linda R. Waugh et al. 2016. Critical Discourse Analysis: Definition, Approaches, Relation to Pragmatics, Critique, and Trends in Alessandro Capone, Jacob L. Mey (eds.), *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society*, Springer Cham Heidelberg. NY, Dordrecht London, pp. 91–92

⁹ Most prominent among them were April 6 Youth Movement (*ḥarakat šabāb 6 ibrīl*) and a Trotskyite group called Revolutionary Socialists (*al-iṣtirākīyūn aṭ-ṭawriyūn*).

¹⁰ A characteristic narrative of the Revolution soon inundated major media and social networks, which for simplicity we will henceforth refer to as the discourse of the January 25 revolution in Egypt or simply the *revolutionary discourse*; this discourse dominated the Egyptian media and public discussion even after the downfall of the president Mursi in July 2013.

¹¹ The International Peace Institute gave 12% to the Muslim Brotherhood affiliated Freedom and Justice Party in both March 2011 and June 2011 polls and only 3% to the Muslim conservative Nour Party; secular parties led religious ones among voters expressing a voting choice 25% to 19% – <https://www.ipinst.org/images/pdfs/ipi-egyptpoll-june2011.pdf>

same polls, three secular figures led the presidential candidates' popularity lists with not a single Islamist figure in sight¹². The reality, however, turned out to be quite the opposite of these predictions¹³. While Egypt's military remained in control of the state, the freely elected, but powerless and soon to be dissolved, parliament came to be dominated by Islamist groups, most prominent among the Muslim Brotherhood's Freedom and Justice Party. The political cocktail mixing the Islamists' legitimacy with the military's hard power and economic might would not stand the test of time with Egypt's 1st democratically elected Islamist president being forcibly removed and in jail for life after just one year of in office. Young leftist revolutionaries having led both the initial January 25 – February 11, 2011 uprising and the anti-Muslim Brotherhood mass protests of summer 2013 also soon went to jail.

The circular outcome of the Egyptian revolution raises a number of questions. Was the January 25 revolution actually a democratic one? Why do we find the Egyptian society so profoundly divided by 2013 whereas in 2011 many spoke of a 'united nation'? How come the protests against autocratic government brought about an even stronger authoritarian state? The question that may give us a clue to answering these and other similar questions is the following. How an apparently democratic protest movement, characterized by an unprecedented mass mobilization that made every dormant liberal come out and speak up, initiated by not merely secular, but often staunchly atheist, activists – had ended up by bringing to power Islamists who only joined the revolution, when the fate of Mubarak was sealed? Some cite the organizational prowess, perseverance and the sheer size of Muslim Brotherhood. These assets did in fact play their role, but the true answer, in our opinion, is to be found elsewhere. It is in the very nature or the uprising, the ideas and beliefs that motivated the vast majority of the protesters and shaped their behavior through almost three years of political turmoil. These ideas had been molded and took their distinctive shape in the language of the uprising, demands and slogans, which mobilized the protesters, and the hot but enthusiastic public debate that evolved around the revolutionary events.

Conceptual framework that sustains the native narrative or revolution includes many concepts that are either overtly Islamic or, though appearing superficially lay, are in fact linked intrinsically to the religious and religiously inspired ideological discourses. Some of these superficially lay concepts also form essential part of argumentation in the Islamic normative discourse. One case in point is the concept of KARĀMA (*dignity*, but also *integrity*, including corporeal), which is part of the official motto of the January 25 revolution¹⁴. Other, supposedly lay, concepts, which even sound as loans from secular ideological discourses, such as the term '*adāla ijtīmā'iyya* (social justice), had blended into the language of political Islam long time ago¹⁵. Another group appears to be at least partly coreferential with the Islamic concepts in the narrative of revolution. Such is the link between T̪UWĀR (revolutionaries) and ŠABĀB aṭ-ṬAWRA (revolutionary youth) and ŠUHĀDA' (martyrs). Others have shared frame-semantic elements¹⁶. Such is the case of FULŪL (a new coinage meaning members and clients of the Ancien Régime¹⁷), which is linked to the Islamic

¹² 'Iṣām Šaraf – 74%, 'Amr Mūsā – 73%, Muḥammad Ṭaṇṭawī – 64%, according to IPI – ibid.

¹³ Muslim Brotherhood received 48% seats and the Muslim conservative Nour Party 28%, while the highest scoring among multiple secular parties had a mere 10%.

¹⁴ The Revolution's key 'official' motto in its full version included three value concepts *Bread, Freedom, Social Justice and Human Dignity* ('ayš, ḥurriyya, 'adāla ijmā'iyya, karāma insāniyya), in chants and on posters the slogan was often abridged to just three elements by omitting anyone of the three elements other than Freedom.

¹⁵ Sayyid Qutb (1906 – 1966), one of the most prominent 20th century's Arab Islamist thinkers uses this term extensively in his writings – see Section 2. Ancien Régime as *dawlat az-ZULM* for an appropriate quotation.

¹⁶ This term is used in the Fillmorean sense, cf. Fillmore, C.J. 1985. "Frames and the semantics of understanding". *Quaderni di Semantica* VI. 2. 222–254.

¹⁷ For more detail on this concept cf. Bogomolov, A. 2014. "Constructing political other in the discourse of the Egyptian Arab Spring". *Scripta Neophilologica Posnaniensia* XIV. 29.

concepts of QIṢĀṢ and ZULM as we shall see below. Others, such as NIZĀM ([Ancien] Régime) are often interpreted on the basis of Islamist political beliefs¹⁸. The prevalence of the Islamic element in the revolutionary discourse is by no means accidental. It is there because it is functionally necessary. Reasons for that are several: the religious concepts represent the single most commonly shared idiom of societal communication, are linked to beliefs firmly embedded in custom and reinforced through daily repetition as part of Islamic devotional and normative discourses, imperatives of the latter are widely perceived as God's commandments. In many cultures religious texts are cited with the purpose of making one's argument more convincing. The Arab Spring discourses are all saturated with the quotation from Sunna and the Quran. The difference between Arab and other cultures, however, is in that the Arab world had never been subjected to such strong influence of secularism as Europe was, and arguably never to such extent had any religion been so politicized as Islam in the 20th century. To whom the message dressed up in this peculiar religious garb had been addressed? The revolution is an argument about power and its intended primary recipient, therefore, had been the government or more broadly the elites. The interference of religious discourses, the prevalence of the Islamic or Islamist terms in the language of the revolution left its specific imprint on the actual political practice and shaped the flow of events. In Section 5 below, we shall demonstrate how they had contributed to the polarizing nature of the revolutionary discourse and, indirectly, through practice shaped by it, to deepening sociopolitical chasm that befell Egypt in the aftermath of a year-long rule of president Mursi and the ensuing military coup. In Sections 2-4 we shall illustrate the functional and broadly sociopragmatic aspects of the Islamic element in the revolutionary discourse by a brief analysis of two concepts QIṢĀṢ, ZULM, which in our opinion function as a kind of cipher key to the underlying meanings of the native revolutionary narrative. The third concept FULŪL that we propose to analyze in Section 5 below appears to be an intersection between the former two, while its analysis will illustrate how more powerful long established concepts contribute to creating new semantic entities that both reflect and help shape an emerging social reality.

The narrative of the revolution revolves around a dozen of concepts, some of which we have already mentioned above. This narrative represents a dynamic semantic structure describing the scenario of Revolution as seen by its participants and sympathizers. The narrative represents the Revolution as purposeful forward-going movement of the Egyptian People with positive change induced by the People's Will¹⁹, a movement directed against the Tyrant (Ṭāgiya, Zālim) and the State of Injustice (Dawlat aḏ-ZULM), whose henchmen (FULŪL) are being punished and thereby the innocent Blood of the Martyrs of the Revolution (Šuhadā' aṭ-Ṭawra) and those who suffered from the injustice before (the poor and oppressed – Mazlūmūn) is avenged through RETALIATION (QIṢĀṢ), etc.²⁰ In each particular text representing what could be described as the discourse of the revolution one may find elements of this narrative with the whole variety of texts complementing each other in recreating the story of the Revolution over and over again. But although built around a narrow set of key concepts and functioning in a rather hermetic manner, this narrative is not an isolated structure; on the contrary it is built of and serves as an entry point between the political

¹⁸ This point will also be illustrated below.

¹⁹ For the concept IRĀDAT aš-ŠA'B (People's Will) in the discourse of the Egyptian revolution cf A. Bogomolov. Kontsept IRADA(t) ASH-SHA'B (volia naroda) v diskursie "arabskoi viesny" (Concept IRĀDAT aš-ŠA'B [people's will] in the discourse of the Arab Spring). Skhodoznavstvo 2013, No. 64, pp. 15–27.

²⁰ In this paper we use the following notation: concepts are marked in all capital letters, e.g. QIṢĀṢ, while other semantic units that within the narrative or Revolution appear to be lower or higher in rank we mark by capitalizing only the initial letter, e.g. Zālim, Ṭāgiya and Mazlūm (pl. Mazlūmūn) are nominations that represent elements (semantic roles) within what could be described as the frame-semantic structure of the concept ZULM, Revolution here refers not to the concept of REVOLUTION in a more general sense, but to the narrative of January 25 Revolution as discussed above; within this narrative Šahid (pl. Šuhadā') appears to be a subset within the set that could be tagged TUWAR (REVOLUTIONARIES) together with another subset Šabāb aṭ-Ṭawra (Revolutionary Youth) – both specifying different context-specific aspects in the concept of TUWAR.

discourse and the religious discourses (normative and predicatory ones²¹). Although not strictly overlapping in terms of shared public discussion sites and textual dimension, these two types of discourses function in counterpoint to each other as two distinct but complementary²² modes as public commentary over the same sociopolitical reality²³ with different sets of speakers but largely the same audiences. Elements of the religious discourses also interfere with the political discourse more directly in what could be described as *citational mode*²⁴. Instances of the revolutionary discourse, which come in different genres, but particularly those produced by Muslim Brotherhood sympathizers and other conservative Muslims, aside from being built on the narrative of the revolution as outlined above are also full of quotations from the Quran and Sunna, which reinforce the Islamic dimension of the above cited conceptual framework.

Before going further, it seems appropriate now to bring together a few theoretical ideas, which we use in our analysis, to complement those already referred to in the footnotes above. We have chosen *concepts* as a convenient entry point to the study of cognitive semantics aspects of political discourse. The core structure of concepts may be described as a Fillmorean frame²⁵, while stable collocations composed of key nominations representing a concept²⁶ with various modifiers may express a vast range of ideas associated with it, which may either be foregrounded, or implied, or become irrelevant depending on specific context. These ideas often include culture-specific beliefs, which an analyst may explicate in the form of propositions²⁷, e.g. ‘*retaliation* is best performed in a *speedy* manner’²⁸. Stable collocations also indicate that a *conceptual metaphor* may be invoked²⁹. For instance, collocations of the noun *zulm* (injustice, oppression, wrong) with the derivatives of the verb *waqa* ‘(to fall) and spatial prepositions, e.g. *taht* (under), point to a metaphoric representation of ZULM as an *object falling from above*. The material we use in our study is based on a small corpus, which we have compiled based on the Egyptian media texts dating mainly to January 2011 – July 2013, classical Arabic dictionaries and religious texts as well works of Islamic scholars.

2. Ancien Régime as *dawlat az-ZULM*

When people are doing something beyond the basic daily routine, particularly, when it comes to extraordinary events involving large groups of actors, they seek explanations, and strive to

²¹ By the latter one we mean the discourse of the Friday mosque sermons, which often appear to be related to the daily events of political and social life, and traditionally play an important role in political debate and public mobilization.

²² The two discourses serve different but compatible functions, e.g. the religious discourse has a strong *regulatory* dimension, greater *persuasiveness*, but its referential scope is limited compared to the common political discourse – it cannot represent the political process in detail.

²³ Cf. the notion of *meta-cultural commentary* in D. Carbaugh. Cultural Discourse Analysis: Pragmatics of Social Interaction. in Alessandro Capone • Jacob L. Mey (Eds.), *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society* p. 566

²⁴ The predicatory and normative religious discourses, which are not confined to oral Friday sermons and occasional legal rulings, but nowadays also include vast collections of texts posted online, display a very high level of citationality; it is the principal medium for replenishing modern Muslims’ repositories of quotes from the Quran and Sunna, a gateway, through which the medieval depth of culture with its characteristic conceptual frameworks continues to blend into modernity.

²⁵ Cf. Fillmore, C.J. 1985. “Frames and the semantics of understanding”. *Quaderni di Semantica* VI. 2. pp. 222–254 and FrameNet, a web-based corpus, which draws on Fillmore’s frame semantics - <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/home>

²⁶ For instance, n. *zulm*, v. *zalam*, n. or adj. *zālim*, and synonymous units, including idioms, which we will illustrate below, in the case of ZULM.

²⁷ Cf. the notion of *cultural propositions* in Donal Carbaugh, Cultural Discourse Analysis: Pragmatics of Social Interaction in Alessandro Capone, Jacob L. Mey (eds.), *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society*, Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London 2016, p. 576–577.

²⁸ We will discuss this idea in more detail in appropriate section below.

²⁹ Cf. Lakoff, G. and M. Johnson. 2003. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.

provide them in order to justify their acts. In the discourse of the Egyptian revolution we find the following common explanations of why the January 25 revolution had to happen:

- (1) *ša'b t̄āra 'alā az-zulm wa al-fasād wa al-ifqār*³⁰ (people rose up against ZULM, corruption and impoverishment);
- (2) *ša'b t̄āra 'alā az-zulm wa al-fasād wa dīktātūriyyat ḥukm al-fard*³¹ (people rose up against ZULM, corruption and dictatorship of the rule of individual);
- (3) *ša'b t̄āra 'alā az-zulm wa al-fasād wa al-istibdād*³² (people rose up against ZULM, corruption and despotism);
- (4) *ša'b t̄āra 'alā az-zulm wa at-tuḡyān*³³ (people rose up against ZULM and tyranny)

The fact that it is ZULM that is seen as the single most important reason behind the Egyptian revolution is evident from its syntactic position as the head term in a coordinated row. It is notable also that ZULM appears to be a common concept for different ideological discourses: while phrases (3) and (4) on our list sound like instances of the Islamist (political Islam) discourse identifiable by its characteristic terms *istibdād* (despotism) and *tuḡyān* (tyranny), item (1), but, particularly, item (2) are rather characteristic of leftist discourse.

The phrase *dawlat az-zulm* (the state of ZULM) appears to be the preferred description of the Ancien Régime in the discourse of the Egyptian revolution³⁴, cf.:

tilka ad-dawla allatī taḥnuq aš-ša'b wa tata'ālā 'alayh ḥāra dīdahā aš-ša'b al-miṣrī bi-rummatihi fī yanāyir, lam takun a ḥ-ḥawra dīd mubārak ša ḥsiyyan, wa lākin kānat dīd *dawla zālīma* bi-jamī' mu'assasātihā wa ajhizatihā al-idāriyya, wa lan yuktamal intṣār a ḥ-ḥawra dūna hadm *dawlat az-zulm* (...) ḥattā tastatī'a ḥ-ḥawra an tabnī dawlatihā al-badīla...³⁵

That state, which strangles the people and rises above it, [which] the whole of the Egyptian people has made revolution against it in January, was not a revolution against Mubarak personally, but was against *oppressive/injust* (congnate of *zulm* – A.B.) *state* with all its institutions and administrative bodies, and the victory of the revolution will never be complete until the ruining of the state of ZULM (...) until the revolution will be able to build its alternative state...

Such role of ZULM in the political discourse is by no means an innovation. According to S. Khatab, a key ideologue of modern political Islam Sayyid Qutb was using the terms 'tyranny' and 'oppression' to describe the contemporary sociopolitical order in Egypt as early as in 1925 – 1939³⁶. In doing so he certainly was not alone. Much later, Muḥammad 'Abd al-Salam Faraj, a leader and ideologue of a violent extremist group that assassinated the president Anwar as-Sadat, during his official interrogation in 1982 also referred to 'the *oppression* and the violence of the State against Sharia and against Muslims'³⁷ (emphasis added – A.B.). Qutb had effectively

³⁰ From an article on oppositional website Mada Masr of 15 Feb, 2015 – <http://goo.gl/YTaVp0>

³¹ <http://www.ahram.org.eg/NewsPrint/344315.aspx>

³² <http://goo.gl/FrHhEe>

³³ The newly elected President Mursi's speech on the anniversary of the July 23 revolution in 2012 - http://aymanamerprees.blogspot.com/2012_07_01_archive.html

³⁴ It has returned about 11,500 results for the Egyptian sites, as of 25 March 2015; the 2nd most frequent synonymous nomination – *nizām az-zulm* (the regime of ZULM) returned about 2,920 results on Google search and *an-nizām az-zālīm* – about 1,970 results (as of May 6, 2016).

³⁵ An article titled 'The State and the Army... between ruining and construction' (*ad-dawla wa al-jayš ... bayn al-ḥadm wa al-binā'*). In *al-Yasār at-Ṭawrī* (The Revolutionary Left), January 31, 2012 <https://elthawry.wordpress.com/2012/01/31>

³⁶ Sayed Khatab. *The Political Thought of Sayyid Qutb. The theory of jāhilyyah*. Routledge. London, NY, 2006, p. 62; although Khatab does not provide Arabic equivalents for these terms, it appears to be clear that by the latter term he must have meant *zulm*.

³⁷ Sayed Khatab. *The Power of Sovereignty. The political and ideological philosophy of Sayyid Qutb*. Routledge. London, NY, 2006, p. 205.

developed this centuries old Islamic concept³⁸ into a brief theory of *power* and *state*. Here is a paragraph from Qutb's last and arguably most important book *Ma'ālim fī at-Ṭariq* (Signposts on the Road)³⁹ describing an ideal society:

... wa taṭahhar al-mujtama' min az-zulm bi-jumlatihi, wa qāma an-nizām al-islāmī ya'dil bi-'adl aḷlāh wa yazin bi-mīzān aḷlāh wa yarfā' al-'adāla al-ijitmā'iyya bi-smi-llāh...⁴⁰

... and the society was purified from ZULM in its entirety and the Islamic order had risen [which] administers justice by Allah's justice and weighs by Allah's scales and raises the social justice in the name of Allah...

There is no doubt that any member of an Islamist political organization, including the ex-president Muhammad Mursi, would endorse this ideal.

Plentiful linguistic evidence suggests that the frame-semantic structure of ZULM in Classical Arabic represented a social transaction between *peers* rather than a powerful individual (oppressor, tyrant) and a disenfranchised common person, as one may conclude from reading modern Arabic texts. Here are some illustrations in support of this thesis. The idea of *complaining* about an act of *zulm* in Arabic is expressed by a group of derivatives of the same root, which in modern usage include the 5th verbal form *taẓallam* (complain/ask for redemption of injustice), and *maẓlima* (subject of complaint, item to be redeemed)⁴¹. Respective glosses in the classical dictionaries describe a situation, when Patient of ZULM (*maẓlūm*) may directly approach the Agent of ZULM (*ẓālim*) *asking* him to redeem the damage, which implies an equal power status of both parties, cf. the following gloss from Lisān al-'Arab: *az-ẓulāmat" wa az-ẓalīmat" wa al-maẓlimat": mā taṭlubuh" 'inda az-ẓālim* (the matter of complaint⁴² [is] what you ask/seek from the wrongdoer)⁴³. Another characteristic form, which went out of use in modern language is the 6th verbal form *taẓālama* (to wrong, do injustice *to each other*), which now may only be encountered in quotations of old religious texts (Quran and Sunna). Here is one of the most often cited texts: *yā 'ibādī innī ḥarramtu az-zulma 'alā nafsī wa ja'altuhu muḥarraman fa-lā taẓālamū* (oh my servants, I have prohibited ZULM upon myself and made it prohibited, therefore, do not wrong each other)⁴⁴.

In modern political discourse, on the contrary, the Agent of ZULM (Offender) is often depicted as a powerful entity and the Patient (Injured party) – as a powerless common person. When the latter semantic role is filled in with plural or collective noun, such as *ša'b* (people), the Agent would be often specified as a despotic Ruler (Ṭāgiya, Zālim). Moreover, the frequent collocations of the noun *zulm* (injustice, oppression, wrong) with the derivatives of the verb *waqa'* (to fall) and such spatial prepositions as *taḥt* (under), point to a metaphoric representation of ZULM

³⁸ Derivatives of \sqrt{zlm} root occur in the Quran about 200 times – one of the highest occurrence rates in the Muslim holy book. The authoritative collection of hadith Ṣaḥīḥ al-Buḥārī has a whole special chapter dedicated to ZULM, titled *Kitāb al-Maẓālim* (the Book of Outrages/Wrongs).

³⁹ Gilles Kepel has called 'Ma'ālim...' 'What is to be done' of the Islamist movement (Gilles Kepel. *Jihad: expansion et déclin de l'islamisme*. Editions Gallimard, 2000; cited through Russian translation, Zhil Kepel. *Dzhikhad*. Moscow, Lodomir, 2004, p. 31).

⁴⁰ Sayyid Qutb. *Ma'ālim fī at-Ṭariq* Bayrūt, al-Qāhira, Dār aš-Šurūq, 1979, p. 29.

⁴¹ Although the idea of Complaint may be also expressed by a more generic verb *šakā/yaškū* (to complain), it appears that the native speakers give preference to the cognate verb, for instance the phrase *yaškū ẓulm* (he complains of injustice) returned 18,000 results on Google search, while the synonymous *yataẓallam* – 164,000 results (data as of 1 August, 2016).

⁴² The gloss contains three synonyms, of which the 1st one is also used in the sense of the *act* of complaining.

⁴³ Lisān al-'Arab. Beirut: Dār ʿĀdir, 1955–1956, 15 vols.; vol. *Zā'*; other examples could also be found in classical dictionaries.

⁴⁴ The text represents an instance of so called *sacred* or *divine* hadith (*ḥadīṭ qudsī*), i.e. type of hadith containing a direct speech of Allah as opposed to the bulk of hadith citing acts and sayings of the prophet Muḥammad; cf. Ṣurūḥ al-Ḥadīṭ. Jāmi' al-'Ulūm wa al-Ḥikam. Ibn Rajab al-Ḥanbalī. Mu'assasat ar-Risāla, 2001/1422 h., *Hadīṭ* # 24 - http://library.islamweb.net/newlibrary/display_book.php?idfrom=125&idto=130&bk_no=81&ID=26##

as an *object falling from sky*, i.e. an area outside of human normal scope of vision/control, which conveys an idea of INJUSTICE as an unpredictable fatal force, reflecting an extreme *power distance*⁴⁵.

The obvious tension between the notion of ZULM as an *act of power* par excellence and as a *transaction among peers* (or equals in the face of deity, as it appears in the above cited divine hadith) has the potential of being used as a rhetorical device of discursive defiance and empowerment. The whole ideology of modern political Islam, exemplified in writings similar to the above cited passage from S. Qutb, is based on projecting the simple reality of early medieval society as reflected in classical religious texts of the Quran and Sunna on Arab modernity, deploying it as a basis for moral critique of the contemporary society.

3. QIṢĀṢ: power of the weak

As a rallying motto QIṢĀṢ comes in use at a very early phase of the uprising, it is used as part of a rhymed chant *al-qīṣāṣ al-qīṣāṣ ḍarbū ihwatnā bi-r-raṣaṣ* (Retaliation! Retaliation! They hit our brothers with bullets). According to a witness account, the chant was first used immediately after the mass rally under the slogan *jum 'at al-ḡaḍab* (Friday of Wrath), on the 4th day of Tahrir square protests, when an estimated 1,000 of protestors were killed. It was then repeated in various forms at multiple protest rallies throughout Egypt.

In the narrative or revolution, particularly, in texts citing *revolutionary demands* (maṭālib aṭ-ṭawra), QIṢĀṢ often occurs in collocations with adjectives *sarī'* (speedy, fast), *'ājil* (immediate) and *nājiz* (prompt, complete). This illustrates the deeply embedded belief that QIṢĀṢ⁴⁶ should be performed as *fast as possible* once an offense has occurred. The cultural premise underlying such usage may be formulated in the form of a proposition 'justice should be performed immediately after a crime'⁴⁷. This idea is sharply contrasted to the European notion of REVENGE as *a dish best served cold*, let alone a more complex juridical concept of *due process*. Such an apparent discrepancy in cultural premises warrants an explanation. Apparently, the idea of the immediacy of punishment for the crime stems from another firmly established belief regarding the nature of crime and punishment which is discussed in the texts on Islamic jurisprudence. This belief is encoded in the form of a few intertwined conceptual metaphors. In the Islamic normative discourse QIṢĀṢ is seen as a method of *healing* (taṣaffī) for the pains of people affected by the crime, such as relatives of the victim and the community at large, and *preventing* (zajr) the crime from reoccurrence, cf:

... wa al-qīṣāṣ huwa fi'l mujnī 'alayhi aw fi'l waliyihī bi-jānin mitla fi'lihi aw šibhahu, wa hikmatuhu at-taṣaffī wa bard ḥarārat al-ḡayz, wa qad šarra'a allāhu qīṣāṣ zajran 'an al-'udwān wa istidrākan lamā fi an-nufūs, wa idāqatan li-l-jānī mā adāqahu al-mujnī 'alayhi, wa fīhi baqā' wa ḥayāt an-naw' al-insānī

... and QIṢĀṢ is an act of the injured party or the act of his next of kin [in respect] of the offender same as his act or similar [to] it, and its *wisdom [is] the healing and cooling the heat of anger*; and Allah has legislated QIṢĀṢ to *prevent the aggression and anticipate (forestall) what [is] in the souls*, and let the offender taste what he let taste the injured party, and in it [is] the survival and life of the human kind⁴⁸

⁴⁵ *Power distance* is one of the so called *dimensions of national culture*, a concept introduced by Geert H. Hofstede, defined as 'the degree to which the less powerful members of a society accept and expect that power is distributed unequally' – cf. <https://geert-hofstede.com/national-culture.html> cf. also Hofstede, Geert. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values* (2nd ed.). Beverly Hills CA: SAGE Publications, 1984, pp. 92–153.

⁴⁶ Or, by extension JUSTICE ('ADĀLA) in general, for QIṢĀṢ functions as a *prototype* in the set of judicial and extra-judicial practices specifying JUSTICE.

⁴⁷ For the notion of *cultural proposition* cf. Donal Carbaugh, *Cultural Discourse Analysis: Pragmatics of Social Interaction* in Alessandro Capone, Jacob L. Mey (eds.), *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society*, Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London 2016, p. 576–577.

⁴⁸ Ṣāliḥ bin Fawzān bin 'Abdullah al-Fawzān. al-Mulaḥḥaṣ al-Fiḥī. Dār al-'Āṣima. ar-Riyāḍ. 1423 h., part 2, p. 476 <http://shamela.ws/browse.php/book-11811/page-895>

Here *anger*, seen as a natural spontaneous reaction to *injury*, is metaphorically represented as a *hot* substance, possibly *fire*. Its location is identified as *nufūs* (souls). The reason we believe that underlying image schema is *fire* (other alternative could be *boiling water*) is that what is happening in the souls needs to be forestalled *quickly*, and it is the fire that needs to be extinguished as quickly as possible for its tendency to spread rapidly around. Heat may be burning not only the *souls* of but also the *hearts* of the injured party, cf.:

kamā akkad ‘alā ḍarūrat taḥqīq al-‘adāla wa ittiḥāḍ al-ijrā’āt wa sann al-qawānīn al-lāzima wa as-sarī‘a fī al-qīṣās kay tabrud qulūb ahālī aš-šuhadā’ wa yataḥaqqaq al-itsqrār al-manšūd⁴⁹

[He] also stressed the need to implement justice and take measures and adopt the necessary and speedy laws on QIṢĀṢ *in order for the hearts of the relatives of martyrs to cool down and the aspired stability to be achieved.*

Heat that has engulfed the *souls* or *hearts* of the injured is presented here not as an individual but a communal concern. Retaliation is meant to ensure social peace. When it comes to society or community, the image of human collective underlying the notion of QIṢĀṢ appears to be that of a family and the latter is metaphorically conceptualized as *tree*. Below is a characteristic text again representing the Islamic normative discourse that allowed reconstructing these underlying meanings. The segment discusses one of the so called *šurūt al-qīṣās* (conditions of QIṢĀṢ):

allā yakūn al-qātil aṣlan li-l-maqtūl fa-lā yuqtaṣṣu min wālid bi-qatl waladihi, wa walad waladihi...

so that the killer not be a *source* (lit. *root*) of the killed, and father shall not be retaliated against for slaying his son and the son of his son

It is from this perspective apparently that the most cited Islamic text on QIṢĀṢ needs to be understood: *wa lakum fī al-qīṣās ḥayātun yā ūlī al-albāb la‘allakum tattaqūn* (and [there is] for you in QIṢĀṢ *life*, o owners of minds (i.e. intelligent or reasonable people – A. B.) may you have fear [of God])’ (Quran 2:179). Life is metaphorically represented as TREE that grows from father to son, the entailment of this metaphor is that if you kill the father you will undercut the root and the tree won’t grow, retaliation should be performed on an offshoot in the manner of gardener eliminating a malicious outgrowth. A common idiom describes QIṢĀṢ as *aḥḍ dam aḍ-ḍaḥyā* (taking blood of the victims) or *aḥḍ al-ḥaqq min mujnī* (taking the rightful property from the Offender) – *blood*, which is taken from the Offender within the source domain of the metaphor LIFE as TREE corresponds to the *juices* that are returned to source when a malicious outgrowth gets undercut. Social responsibility of Retaliator within these cognitive metaphorical representations is construed as an act of natural justice, something deeply embedded in LIFE itself. Within this system of beliefs, it is not merely social but divine responsibility to avenge the victim of crime; as such it is a source of an immense empowerment for those related to the injured party and by extension to their entire community, for the matter is not seen from an individual but from a collective perspective and when performing or asking for retaliation they are observing a divine commandment, fulfilling or asking to fulfill God’s will. Here is an often cited verse from the Quran, which explicitly describes QIṢĀṢ as a (source of) POWER:

wa man qutila maẓlūman fa-qad ja‘alnā li-waliyyihi *sulṭānan* fa-lā yusrif fī al-qatli innahu kāna manšūran (Quran 17: 33)

And whoever is killed unjustly, we have given his next of kin *power*, but let him not exceed limits in killing. Indeed, he has been supported.

⁴⁹ From an article on Miṣr 11 website (www.masr11.com), the quotation is attributed to a ‘political analyst’ Muḥsin Šalabī – <http://goo.gl/8L8afM>

Another issue that is often discussed in the Islamic normative tradition is the responsibility of a Muslim ruler (*ḥākim*) for ensuring a just QIṢĀṢ. From this perspective when people demanded QIṢĀṢ at a mass rally such demands represented a strong challenge to the authorities. The argument around QIṢĀṢ, a shared value for all parts of the Egyptian society, its *promptness* or *appropriateness* represented effectively a dispute for power. By calling on the authorities to submit to *people's will* and threatening with a *people's QIṢĀṢ*, the revolutionaries affectively staged a powerful symbolic offensive against the government. While QIṢĀṢ had probably been used as a political motto for the first time during the January 25 revolution, it mobilized the whole depth of culture to empower the protesters.

4. ZULM and QIṢĀṢ – complementary concepts

The first known Arabic dictionary Kitāb al-‘Ayn compiled by al-Ḥalīl ibn Aḥmad al-Farāhīdī (8th cent. AD) provides the following gloss for the noun *zulm*: *wa az-zulmu aḥḍuka ḥaqqa ḡayrika* (and *zulm* [is] your taking of someone else's property/right). This idea is reiterated through the whole Arab lexicographic tradition and commentaries to the *hadith*⁵⁰ up until now. The nominations representing QIṢĀṢ, on the other hand, include the following characteristic idioms: *aḥḍ dam aḍ-ḍahāyā* (taking of the victims' blood), *aḥḍ al-ḥaqq min* [Offender] (taking the right, i. e. a rightful property, from Offender), and, finally, the tautological *aḥḍ al-qīṣās* (taking of QIṢĀṢ). The frame-semantic structures of the two concepts ZULM and QIṢĀṢ appear to have an overlapping element – Theme. ZULM appear to be construed as Taking of *right/rightful property* from the Injured party by the Offender, while QIṢĀṢ represents Taking (back) of the same Theme by the Retaliator from the Offender and Giving it to the party, which stands to inherit the *right/property* from the Injured part – i.e. the next of kin (*walī ad-dam* – i.e. lit. *the nearest in blood*).

Here is an interesting *hadith* text, which illustrates the connection between ZULM and QIṢĀṢ even more explicitly:

idā ḥalaṣa al-mu'minūna min an-nār ḥubisū bi-qanṭara bayna al-jannati wa an-nār fa-yataqāṣṣūna *mazālima* kānat baynahum fī ad-dunyā ḥattā idā naqū wa huḍḍibū uḍina lahum bi-duḥūl al-janna⁵¹

Once the Muslims escape from the fire (*i.e.* hell) they will be held at a bridge between the paradise and fire (*i.e.* hell – A.B.) and *retaliate to each other*⁵² *wrongdoings* (a cognate of *zulm*) [that] were between them in [this] world so that when they become pure and are rectified (corrected, set right, improved), it will be permitted to them to enter the paradise...

What binds the two concepts together at the level of cultural premises embedded in them could be described as *a moral economy principle*, which appears to be similar to *debts should be repaid* principle, much and long discussed in the European books on ethics⁵³.

⁵⁰ Ibn Ḥajar Al-‘Asqalānī (1372 – 1449) in his commentary to Hadith 2308 of the Ṣaḥīḥ collection provides the following definition for *mazālim* (another derivative of the root \sqrt{zlm}): *ism li-mā uḥiḍa bi-ḡayr ḥaqq* (name for what was taken without right) – cf. Hadith 2308 in Aḥmad b. ‘Alī b. Ḥajar al-‘Asqalānī. Dār ar-Rayyān li-t-Turāṭ. 1407 h./1986 m.

http://library.islamweb.net/newlibrary/display_book.php?idfrom=4432&idto=4433&bk_no=52&ID=1549#docu

⁵¹ Hadith 2308 in Aḥmad b. ‘Alī b. Ḥajar al-‘Asqalānī. Dār ar-Rayyān li-t-Turāṭ. 1407 h./1986 m. http://library.islamweb.net/newlibrary/display_book.php?idfrom=4432&idto=4433&bk_no=52&ID=1549#docu

⁵² This meaning is expressed by the reciprocal 6th verbal form, cognate of *qīṣās* (retaliation).

⁵³ See, for instance, Rosalind Hursthouse. What does the Aristotelian Phronimos know? in L. Jost, J. Wuerth (eds.) *Perfecting Virtue. New Essays on Kantian Ethics and Virtue Ethics*. Cambridge University Press, 2015, p. 42, where this principle is cited in discussion of the classical Greek concept of *phronesis* (prudence, moral intelligence).

5. Enemies [that have to be] defeated: FULŪL

The Egyptian revolutionary discourse uses a broad variety of nominations in reference to enemies of the revolution, the remnants of the Ancien Régime: *baqāyā* (remainders, remnants), *ḍulūl an-nizām as-sābiq* (tails of the Ancien Régime), *abnā' an-nizām as-sābiq* (sons of the Ancien Régime) and *rumūz an-nizām as-sābiq* (symbols of the Ancien Régime). It is, however, the new coinage *fulūl* that soon became the preferred term and the reason behind this choice was not that it was merely more expressive or new. We shall demonstrate that the term took prevalence and developed into a whole new concept because of functional reasons, its sociopragmatic capacity. It complemented the two powerful concepts that we described above by linking the slot(s) of Agent/Offender in the frame semantic structures of both ZULM and QIṢĀṢ. Together the three concepts formed a complete set needed for formulating the ideas that shaped the emerging political practice of the revolutionaries, their immediate action plan.

In the revolutionary discourse FULŪL are portrayed as all those implicated in multiple acts of ZULM committed under the auspices of the Ancien Régime (*dawlat aẓ-ZULM*), engagement in wrongdoings (*mazālim*) is their essential characteristic, cf.:

al-fulūl hum man ista'ādū wa tarabbahū wa kasabū min ḥarām amwāl hādā aš-ša'b al-miskīn, al-fulūl hum man saḥaw min nawmihim wa-ktašafū anna dawlat aẓ-zulm qad saqaṭat ilā ġayr ruj'a wa kānū yata'ayyašūna 'alā aẓ-zulm⁵⁴

FULŪL are [those] who have sought returns and made profit and gained and robbed the forbidden property of this poor people, FULŪL are [those] who woke up from their sleep to find that the state of injustice had fallen with no [possibility of] return, while they had been feeding on injustice...

The phrase *ḥarām amwāl hādā aš-ša'b* (forbidden property of this poor people) here corresponds to the *right/rightful property* as the Theme in (unlawful) Taking frame underlying the concept of ZULM, while specifying it with more detail and thus rhetorically reinforcing it; *aš-ša'b al-miskīn* (the poor people) is a nomination synonymous to *mazlūmūn* (the oppressed, victims of ZULM). But what is even more interesting about FULŪL is that this specific nomination allowed incorporating into it the scenario of *punishment* (i.e. effectively QIṢĀṢ). While Arabic dictionary glosses for *fulūl* (pl. of *fall*) begin with describing it as 'breaks, or notches in the edge of a sword, etc.', already the late 13th century Lisān al-'Arab cites 'defeat' among the meanings of the verb *falla* and 'defeated people' – among the meanings of *fulūl* (pl.). In modern Arabic before the Egyptian revolution of 2011 the word *fulūl* would only be used in reference to 'derbies of a defeated army'⁵⁵. The *moral economy principle* embedded in the concept of QIṢĀṢ calling for every wrong to be matched with a qualitatively equivalent counter-action (*lex talionis* principle) also finds reflection in a proverb – *lā yafullu al-ḥadīd illā al-ḥadīd* (*nothing but the iron notches the iron*), which conveys a meaning similar to that of the English proverb *one nail drives out another*. The proverb, in which the verbal cognate of *fulūl* – *falla/yafullu* may be read as both 'notch' and 'defeat', was extensively cited in the Egyptian revolutionary discourse and had probably contributed to the salience of FULŪL.

While, as we have shown above, meanings associated with FULŪL had been strongly affected by those of the two other more powerful concepts, a peculiar characteristic of ZULM appears to be of particular relevance, viz. ZULM is always attributed to individual agency. Here is an excerpt from a sermon that characteristically depicts ZULM as an immanent quality of human psyche:

⁵⁴ <http://www.masress.com/almessa/29168>

⁵⁵ It is not a meaning provided by any modern bilingual dictionary known to us, neither by any standard Arabic dictionary, such as al-Munjid, but our own reconstruction based on corpus data that we compiled; the usage is rather infrequent and occurs mainly in texts on military history or similar matters.

... fa-inna az-zulm^a tabī‘a bašariyya tanzi‘u ilayhā an-nafs, wa tanḥadiru ilayhā at-tabā‘i‘, fa-hiya jibilla mutajaddira fī nafs al-insān “wa ḥamalahā al-insān^u innahu kāna zalūm^{an} jahūl^{an}”⁵⁶

... for ZULM [is] human nature [that] the self yearns (is inclined to), and the characters roll down to it, and it is an innate quality/natural disposition⁵⁷ rooted in human self “and the man bore it, indeed he was *zalūm* (adjective cognate of *zulm* – A.B.) and ignorant” (Quran 33:72)⁵⁸

It is notable how the language of simple physical reality is metaphorically deployed to construct human inner world, where psychological predisposition is represented as the natural downward rolling tendency of rounded objects placed on top of a slope. ZULM, by entailment, appears to be located at the bottom of the universe of human soul⁵⁹, in respect to human nature it has an overwhelming power of a gravitational pull.

While ZULM is construed as a paramount social evil and the notion of *dawlat az-ZULM* depicts the whole of Egypt as being under the spell of ZULM, it is still specific individuals who are implicated in it. The State of Injustice is not conceived of as a *system* or an *arrangement*, for which the metaphor of State as Machine common to many languages could be deployed, but rather a *community of evil individuals*, those, who ‘gained and robbed the forbidden property of this poor people’. Within this worldview, EVIL is always personified and, therefore, in order to eliminate it one simply has to go after the bad guys. It is in line with this perspective that pictures of FULŪL as pests or snakes became common in the Egyptian media during the revolutionary years, graphically representing the metaphor ENEMY as PEST, common to a whole family of conservative and right-wing discourses.

With these ideas embedded into the notion of political opponent a peculiar political practice took rise. In the immediate aftermath of the downfall of Mubarak a nation-wide campaign under the heading *Imsak Fulūl* (catch FULŪL) was launched by young revolutionaries aimed at ‘isolating’ (*azl*) and ‘marginalizing’ (*iqṣā’*), i.e. effectively compiling lists of FULŪL to press for their removal from public offices at every level and ostracizing them by all possible means⁶⁰. Scale of the practice has contributed considerably to an unprecedented polarization of the Egyptian society.

6. ZULM/QIṢĀṢ as a cipher key to the revolutionary discourse

The material cited above may produce a false impression that it is only part of the texts containing the concepts represented explicitly that matter, and one may possibly find many other texts on the subject of the Egyptian revolution, which would be constructed around some other concepts and ideas. With a relatively large text below we will demonstrate how not only those texts

⁵⁶ An excerpt from a *ḥuṭba* (sermon) titled *Zulm an-Nafs* (the wronging of self) by a Saudi *ḥaṭīb* (preacher) Sheikh ‘Abdullah bin ‘Abd-ul-‘Azīz al-Mibrad – <http://www.islamlight.net/index.php?option=content&task=view&id=1807>

⁵⁷ An on-line dictionary www.almaany.com, which incorporates a broad range of classical and modern Arabic dictionaries cites *ḥilqa* (creation, innate peculiarity of character, natural disposition, nature etc. – H. Wehr. A dictionary of Modern Written Arabic. Ed. J. Milton Cowan. Spoken Languages Inc., Ithaca, NY 1976) as an equivalent to this relatively rare word.

⁵⁸ Two metaphors are deployed in this text: ZULM as *gravitation force* (i.e. a pull coming from outside of the Self) and ZULM as *plant* (i.e. an entity going deep inside the Self) – the two metaphors although inconsistent appear to be coherent in Lakoffian sense as they both emphasize the power of ZULM over individual and the innate nature of this power.

⁵⁹ *Vices* in this metaphorical model are placed at the bottom of Soul as Container, while virtues are at the top, consistent with spatial metaphors GOOD is UP and BAD is DOWN as described in Lakoff, G. and M. Johnson. 2003. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.

⁶⁰ A Google search for *qā’ima bi-asmā’ fulūl* [...] (the list with the names of FULŪL, the square brackets stand for any specific geographic locality) returned 5490 references. For one of the earlier lists dated 9 Nov. 2011 see an article with characteristic title *Bawwābat 25 yanā’ir tufaḍḍih asmā’ fulūl al-waṭanī wa al-muwālīn lahum fī rubū’ miṣr baynahum iḥwānī* (the 25 January Gateway debunks names of FULŪL of the National [Democratic Party] and their loyalists throughout Egypt, among them a Muslim Brotherhood member) – <http://january-25.org/post.aspx?k=47056>

that explicitly foreground the two concepts, but many more texts, ultimately the entire discourse of the revolution, were infused by the powerful semantics of these concepts:

ammā al-*qatala wa as-saffāhīn* fa-innā nas'alu ʾallaha 'azza wa jalla an yaj'ala hāḍihi *ad-damā'* az-*zakiya min aš-šuhadā'* (...) la'nat^{an} 'alayhim (...) ilā yawm al-qiyāma (...) kamā nas'alu tabāraka wa ta'ālā *an yaj'ala kull at-taḍhiyāt* (...) min kull al-muslimīn wa al-muslimāt hiya *ḍarībatan tuḥarrīn* al-umma min kull 'ubūdiya illā li-llah wa [tu'ammin? – A.B.] *ḥuṣūlahā 'alā kull ḥuqūqihā al-mašrū'a...*⁶¹

As for the *murderers and slaughterers*, we ask Allah Almighty to make this *pure blood of the martyrs* (...) a *curse upon them* (...) until the Doomsday (...) as we ask the Most Blessed and the Highest to *make all sacrifices* (...) of all Muslims (masc. & fem.) a *tax to liberate* the nation from all bondage but that of Allah and [ensure] its *attainment of all its lawful rights...*

The text, which comes at the denouement of the revolution, differs in modality from the standard revolutionary discourse. It sounds less as promise and more as a threat and is infused with characteristic Islamist concepts, such as *'udūdiyya* (bondage, slavery). The text, however, still reproduces the same revolutionary narrative as outlined above with all its protagonists named and a progressive movement from the reign of ZULM through QIṢĀṢ to a closure (*tašaffī*), without ever explicitly naming the two concepts. The *moral economy principle* underlying the concepts of ZULM and QIṢĀṢ is reinstated with the help of a new metaphor, where the fiscal term *tax* stands for the *blood* of the martyrs. The rule of the qualitative equivalence of losses and gains thus remains observed and relief is granted to the Injured party in exchange for the losses it has incurred. The divine power is explicitly invoked to endorse the transaction.

7. Conclusions

Islamic concepts in the discourse of the Egyptian revolution may not be dismissed as a mere rhetoric. They are core concepts in the narrative of the revolution, which helped the protesters make sense of what was going on and informed their behavior. This narrative has emerged spontaneously from the political practice. The manner, in which this narrative emerged, may be compared to the assembling of a tiling puzzle: the best fitting elements are the ones that remained in place when the puzzle had been complete. The pattern that thus emerged was that, which would best mobilize and empower, be grounded in the most commonly shared beliefs and express the most commonly shared aspirations and goals.

Unlike ZULM, which had long been a staple of the discourse of defiance to the autocratic regimes, the theme of QIṢĀṢ had never before been exploited in rallying chants during mass protests⁶². Such innovation raises the issue of authorship: whoever it was someone had to do it first. Creativity of anonymous activists interplayed in invoking this and other concepts that contributed to shaping the narrative of the revolution with the convention rooted in culture. During the early days of the Tahrir square uprising, the Revolutionary Socialists debated the appropriateness of the religious term QIṢĀṢ, which as convinced atheists they found rather unsettling, as a rallying motto of the protests⁶³. The debate was concluded by what appeared to be then a wise decision – to go on using the term for its being part of 'the language of the masses'. This piece of unique anecdotal evidence throws light on a peculiar interplay of intention and convention in shaping the narrative of

⁶¹ Ummat al-ahdāf as-sāmiya wa t-taḍhiyāt al-ḡāliya. Risāla min Muḥammad al-Badī', al-muršid al-'ām li-l-iḥwān al-muslimīn. 20.08.2013 (An truncated excerpt from what appears to be the last epistle penned by supreme guide of the Muslim Brotherhood Muhammad Badi' before his incarceration titled 'The Umma of High Goals and Precious Sacrifices') – <http://www.daawa-info.net/letter.php?id=437>

⁶² That is our observation from years of following the Egyptian and Arab news also confirmed by Egyptians in personal communications with the author.

⁶³ Personal communication with a witness of the debate.

January 25 revolution. What would best achieve the desired communicative goal was the language firmly grounded in convention.

The way a narrative grounded in Islamic beliefs has emerged as the ideology of the uprising is consistent with the history of a gradual decline of the secular ideas of Arab nationalism, socialism and anticolonial struggle, which informed all the previous sociopolitical transformations, and the rise of Islamism as the key discourse of political defiance. In this context, it was only natural that the most powerful Islamist force, the Muslim Brotherhood, would appear as the strongest claimant for power in the aftermath of the successful overthrow of Mubarak, even though the Islamists played a merely subsidiary role during the January 25 uprising. The Islamists claimed victory as a playwright would claim fame after the director had been applauded away from the scene. The ultimate failure of the Islamists and their defeat was also embedded in the same ideas that both guided and motivated the protesters and brought them to power. But when put in action these ideas led to practices such as the Catch Fulūl campaign, deepening the already existing divides and producing an unprecedented polarization within the Egyptian society, which resulted in another uprising, now directed against the winners of the January 25 revolution, laying grounds for a military coup and even more violence and outrage.

To conclude this paper we will come back to the issue that we raised in the Introduction, which has also bothered many analysts since 2011: was the January 25 revolution a democratic one or, to put in a milder way, an antiauthoritarian one, as many foreign observers initially believed? Our answer is this: the question appears to be beside the point. It would be fair to say that people, who participated in the uprising or identified with it in a different manner, all sought JUSTICE and felt that their country had been doing them WRONG. The ‘revolutionary youth’ who started the uprising and excelled in the art of public mobilization believed that the uprising was the embodiment of their, new left or Trotskyite, ideals of social justice, liberals who supported the revolution hoped that it would bring democracy to Egypt and perhaps the rest of the Arab world. But these groups soon lost their chance to lead largely because their high expectation and language they spoke had been foreign to the majority of their compatriots. Ideas, which however prevailed and guided masses of people through years of turmoil, were the ones of religiously inspired social and political conservatism. And these ideas were no antidote against authoritarianism and were grounded in the notion of JUSTICE formulated in purely moral terms. The projection of the simple world of medieval Islam as reflected in the religious normative and the political Islam’s discourses did empower the protesters and discomfited their opponents at the onset of the uprising, but the pan-moralistic view of the society that they reflected proved to be inadequate when confronted with the complexities of political and social life.

Bogomolov Alexander, Ph.D. (linguistics) – Director, A.Yu. Krymsky Institute of the Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Hrushevsky Street, 4, Kyiv, 01001), e-mail: alex28aug@gmail.com

Богомолов Александр Викторович – кандидат филологических наук, директор Института востоковедения им. А.Е. Крымского, НАН Украины (ул. Грушевского 4, Киев, 01001), e-mail: alex28aug@gmail.com

УДК 811.161.1

ЭЛЕКТРОННЫЕ МАССИВЫ ИНФОРМАЦИИ И КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

П.Н. Донец (Харьков, Украина)

П.Н. Донец. Электронные массивы информации и концептологический анализ. Статья посвящена возможностям, открывающимся для концептологического анализа при использовании метода поиска по ключевому слову и по маске в больших массивах информации. К последним относятся: а) электронные версии обычных словарей, б) онлайн-словари и в) архивы средств массовой информации. Поиск в электронных словарях позволяет установить этимологию прямого наименования концепта, его сигнификат (ядро), парадигматические связи и соответствующее семейство слов. Поиск в онлайн-словарях представляет интерес, прежде всего, с точки зрения синтагматических связей концепта, в частности т.н. «коокуренностей». Полезным в этом отношении может оказаться также поиск в архивах СМИ, но основная его ценность видится в возможности установления референциала концепта (совокупности отражаемых им референтов). Потенциал метода поиска по ключевому слову и по маске в больших массивах информации иллюстрируется на примере немецкого концепта GRENZE (ГРАНИЦА). Основным выводом исследования состоит в том, что применение этого методакратно облегчает и убыстряет поиск и обработку языкового материала в целях концептологического анализа.

Ключевые слова: концепт, концептологический анализ, онлайн-словарь, поиск по ключевому слову и по маске, референциал концепта, электронный словарь, электронный массив информации.

П.М. Донець. Електронні масиви інформації та концептологічний аналіз. Стаття присвячена можливостям, що відкриваються для концептологічного аналізу при використанні методу пошуку за ключовим словом чи маскою у великих масивах інформації. З-поміж останніх виділяють такі: а) електронні версії звичайних словників, б) онлайн-словники та в) архіви засобів масової інформації. Пошук в електронних словниках дає змогу встановити етимологію прямого найменування концепту, його сигніфікат (ядро), парадигматичні зв'язки і відповідне сімейство слів. Пошук в онлайн-словниках викликає інтерес, передусім, з погляду синтагматичних зв'язків концепту, зокрема т.з. «коокуренностей». Корисним при цьому може виявитися також пошук в архівах ЗМІ, але основна його цінність полягає у можливості встановлення референціалу концепту (сукупності відображених ним референтів). Потенціал методу пошуку за ключовим словом і маскою у великих масивах інформації проілюстровано на прикладі німецького концепту GRENZE (МЕЖА, КОРДОН). Основний висновок дослідження полягає в тому, що застосування цього методу кратно полегшує і прискорює пошук та обробку мовного матеріалу з метою концептологічного аналізу.

Ключові слова: електронний масив інформації, електронний словник, концепт, концептологічний аналіз, онлайн-словник, пошук за ключовим словом і маскою, референціал концепту.

P.N. Donec. Large arrays of information and the conceptological analysis. The paper concerns the means for using the keyword and mask search in large arrays of information. The latter include the electronic versions of conventional dictionaries, online dictionaries and media archives. The search in electronic dictionaries makes it possible to set the etymology of direct nomination of the concept, its significate (core), paradigmatic relations and the corresponding word family. The search in online dictionaries is of interest primarily in terms of syntagmatic relations of the concept, in particular the so-called «cooccurrences». The media archives search mainly contributes to identifying the concept referential, i.e. the set of referents represented by this concept. The purpose of the study is to illustrate possible ways of keyword and mask search in large arrays of information on the example of the German concept GRENZE (BORDER, BORDERLINE, FRONTIER). The study shows that the use of this method considerably simplifies and speeds up the search and processing of language material and its conceptological analysis.

Key words: concept, concept referential, conceptological analysis, electronic arrays of information, electronic dictionary, online dictionary, search by keyword and by mask.

1. Введение

Появление электронных словарей и других банков данных, охватывающих большие массивы дискурса (например, многолетних архивов различных СМИ) и позволивших поиск по ключевому слову или по маске, произвело настоящую революцию в методике лингвистических исследований, в разы облегчив отбор и анализ исследуемого языкового материала, что касается и весьма актуального ныне концептологического анализа.

Эти возможности иллюстрируются в настоящей статье на примере немецкого концепта GRENZE и на материале его манифестаций в таких массивах информации, как: 1) электронные версии традиционных словарей (в частности, этимологического, толкового и синонимического словарей Duden, идеографического словаря Dornseiff, двуязычных словарей в оболочке Lingvo), 2) онлайн-словари (в частности, Лейпцигский онлайн-словарь и Маннгеймский онлайн-словарь OWID) и 3) большие массивы дискурса (в частности, электронный архив еженедельника «Die Zeit» за 1994–2009 гг.).

2. Процедура концептологического анализа

Современный концептологический анализ отличается комплексностью и включает в себя обычно несколько этапов:

- 1) этимологический,
- 2) семасиологический,
- 3) ономасиологический,
- 4) психолингвистический и логико-когнитивный (среди прочего, определение прототипа соответствующего класса, а также построение фрейма),
- 5) дискурсивно-дистрибутивный.

Что касается электронных словарей, то они могут принести пользу, прежде всего, на этапах 1–3.

3. Результаты анализа и их обсуждение

3.1. Концептологический анализ с помощью электронных версий традиционных словарей

Электронные словари можно разделить на два типа: закрытые (аналоги «бумажных») и открытые – онлайн-словари, словник, дефиниции, переводы и прочие данные в которых постоянно подвергаются изменениям.

Электронные версии бумажных словарей ничем не отличаются от своих оригиналов и могут быть одно- и двуязычными, толковыми и переводными, этимологическими и фразеологическими, орфографическими и синонимическими и т.д.

Применительно к немецкому языку стандартным является семейство словарей «Duden», которое представлено и в электронном виде, причем поиск по ключевому слову и по маске можно осуществлять сразу во всех представленных в нем словарях.

Как было отмечено выше, концептологический анализ целесообразно начинать с этимологического этапа, поскольку это дает возможность определить «зародыш» соответствующего концепта и динамику его развития.

Этимологический словарь Duden выдает следующую историю слова *Grenze*:

The screenshot shows the 'Office-Bibliothek' search interface. The search term 'Grenze' is entered in the search bar. The search results list 'Grenze' as the top result. The main content area displays the definition from the 'DUDEN Herkunft [SW]' dictionary:

Grenze: Das im 13. Jh. aus dem *Westslaw.* entlehnte *greniz[e]* hat sich von den östlichen Kolonisationsgebieten aus allmählich über das *dt.* Sprachgebiet ausgebreitet und das heimische Wort ²Mark „Grenze, Grenzgebiet“ (s. d.) verdrängt. *Poln.* *granica* „Grenze“, *tschech.* *hranice* „Grenze“, *russ.* *granica* „Grenze“ gehören zu der *slaw.* Wortgruppe von *russ.* *gran'* „Grenze“ (vgl. *Granne*). Abl.: **grenzen** (15. Jh.), beachte dazu **angrenzen** und **begrenzen**; **Grenzer** „Grenzwächter, Grenzsoldat“ (15. Jh.).

Наиболее вероятной причиной вытеснения исконно германского слова *Mark* заимствованным из западно-славянских наречий *granica* представляется то, что именно зона контакта со славянским населением, скорее всего, воспринималась немцами как «настоящая» граница – дело в том, что рубежи Священной Римской империи на севере и юге были, большей частью, естественными (моря и горы), а на западе – достаточно размытыми, в связи с претензией этого государственного образования на универсализм, с его мультиэтническим характером, с одной стороны, и культурным родством этих этносов – с другой.

Определение сигнификата (ядра) концепта удобно начинать с анализа дефиниции соответствующего слова в толковом словаре – в нашем случае, «Duden – Das Bedeutungswörterbuch»:

Office-Bibliothek

Datei Bearbeiten Suchen Ansicht ?

Suche: Grenze

Erweiterte Suche

Gesamt Suchergebnis

"Grenze" gefunden: 13

Grenze

Grenze

Grenze

Grenze

Grenze

Grenze

Grenze

Eine »Grenze« hat Tyrannenm...

Der »Rhein« - Deutschlands St...

Grenze

Oder-Neiße-Grenze, Oder-N...

Der Rhein - Deutschlands Stro...

Eine Grenze hat Tyrannenmacht

Grenze

Installierte Bücher
(für die Suche aktivieren/deaktivieren):

Neues Buch installieren...

Vordefinierte Buchauswahl:
Alle Bücher

Zusätze

DUDEN
Bedeutungs-
wörter-
buch

Duden - Das Bedeutungswörterbuch

Gren|ze ['grɛnt͡sə], die; -, -n:

1. a) *(durch entsprechende Markierungen gekennzeichneten) Geländestreifen, der politische Gebilde (Länder, Staaten) voneinander trennt: über die Grenze gehen; die Grenzen zwischen Deutschland und Frankreich; die Grenze zu Tschechien; an der Grenze nach Bayern stauten sich die LKWs; einen Flüchtling über die Grenze bringen; die Grenze (der Grenzübergang) war gesperrt; er ist über die grüne Grenze gegangen (ugs.; hat illegal, an einem unkontrollierten Abschnitt das Land verlassen); jmdn. über die Grenze abschieben.*
Zus.: Landesgrenze, Staatsgrenze.

b) *Trennungslinie zwischen Gebieten, die im Besitz verschiedener Eigentümer sind oder sich durch natürliche Eigenschaften voneinander abgrenzen: die Grenze des Grundstücks verläuft unterhalb des Waldstücks; eine Grenze ziehen, berichtigen; dieser Fluss bildet eine natürliche Grenze.*

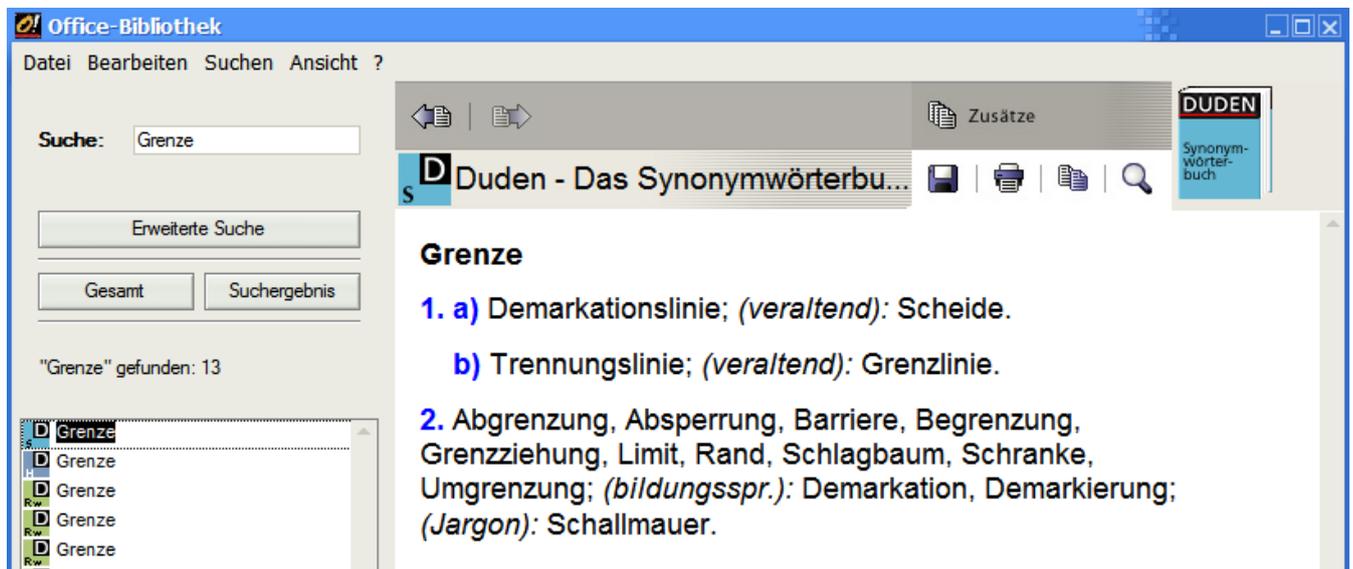
c) *<mit Attribut> (nur gedachte) Trennungslinie zwischen unterschiedlichen oder gegensätzlichen Bereichen, Erscheinungen o. Ä.: die Grenze zwischen Kitsch und Kunst; etwas bewegt sich an der Grenze zum Kriminellen; die Grenze des Erlaubten überschreiten.*
Syn.: ↑Schallmauer.

2. *Begrenzung, Abschluss[linie], Schranke: eine zeitliche Grenze; jmdm., einer Entwicklung sind enge Grenzen gesetzt; sein Ehrgeiz kannte keine Grenzen (war grenzenlos, maßlos); etwas ist in Grenzen (in einem bestimmten Maß) erlaubt.*
Syn.: Maß.

Как показали данные нашего исследования (см. [Донец 2005; Донец 2005; Donec 2014]), это толкование вряд ли можно признать удачным, но отправной точкой для анализа оно вполне может послужить («линия», «линия, разделяющая две сущности»; «линия, означающая окончание чего-либо»; «линия барьера для чего-либо» и т.д.).

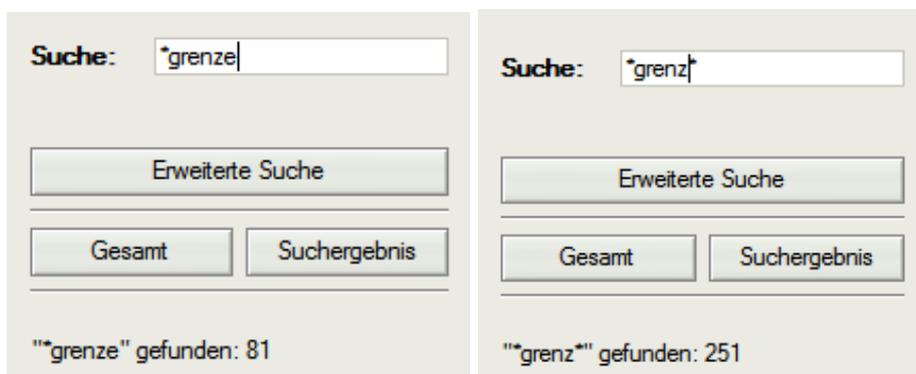
Здесь мы также можем обнаружить отдельные «семемы» Grenze, которые в онтологическом смысле соответствуют крупным подтипам отражаемого феномена: «барьер», «окончание», «мера» и т.д.

Решению этой же задачи способен послужить и анализ синонимов соответствующего слова, что означает переход к ономасиологическому уровню анализа:

На роль таких «семем» могут, в частности, претендовать *Barriere*, *Limit* и *Rand*.

В электронных словарях Duden существует также возможность поиска по т.н. маске, с помощью астериска (звездочки).

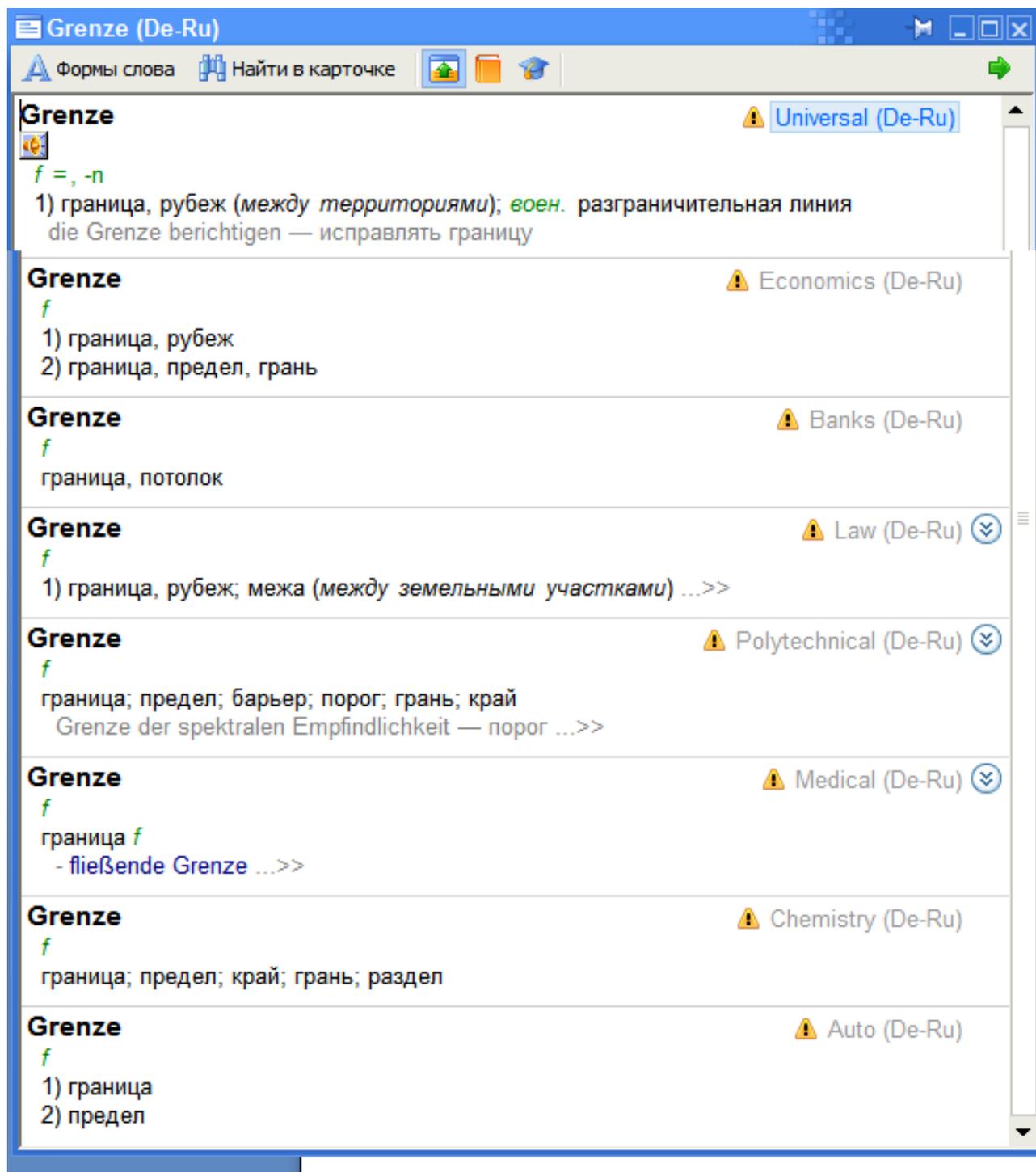
Введя стимул ***grenze**, мы получим список сложных слов с компонентом *-grenze*, охватывающий 81 лексему. Он может, в частности, оказаться полезным при построении типологии границ.

Стимул ***grenz*** дает нам возможность получить практически все семейство слов вокруг корня *-grenz-* (251 единица), которое может обрабатываться под самыми различными углами зрения. Если говорить о концепт-анализе, то полученный список способен стать отправной точкой для определения *prototipina* концепта (в понимании Э. Рош), то есть наиболее частотного «типичного» представителя класса. Результаты анализа указанного лексического семейства говорят о том, что примерно 2/3 слов с корнем *-grenz-* имеют отношение к семеме «государственная граница» – другими словами, именно эта семема концепта является прототипической. Эти результаты в целом подтверждаются данными дискурсивно-дистрибутивного анализа, а также результатами проведенного нами психолингвистического эксперимента.

Устройство электронной версии словаря Duden предусматривает также вариант т.н. «полнотекстового поиска» (Volltextsuche) слова, позволяющего найти не только заглавные лексемы (леммы), но и все остальные случаи его употребления. В словаре имеется три рубрики, в которых может встретиться искомая лексема: 1) словник как таковой (список толкуемых слов), 2) дефиниции (толкование) различных слов, где фигурирует, в нашем случае, *Grenze* и 3) иллюстрации его употребления в тех или иных, как правило, литературных произведениях или текстах публицистического жанра. В последних, правда, искомое слово может оказаться случайно, не имея прямого отношения к собственно лемме,

а вот вторые способны представлять интерес с точки зрения концепт-анализа, в частности, в плане установления сетки его идеографических связей (см. [Донец 2009]).

Определенную пользу способен принести также поиск в таких двуязычных (переводных) словарях, как всем известная серия словаря Lingvo, который, как известно, состоит из набора «оцифрованных» универсальных и специализированных обычных словарей. Этот поиск может, среди прочего, показать, какие субконцепты преобладают в различных подязыках:

Одним из самых трудных для лексикографического поиска типом словарей являются идеографические (тезаурусные) словари, каковым для немецкого языка является словарь Дорнзайфа, поскольку они устроены по иному принципу, и слова в них систематизируются не по алфавиту, а по понятийным полям. Электронная версия словаря способна облегчить решение этой проблемы. Отдельного электронного издания словаря Дорнзайфа нам обнаружить не удалось, однако он присутствует в качестве составной части известного

онлайн-словаря Лейпцигского университета [http://wortschatz.uni-leipzig.de/cgi-bin/wort_www?Wort=Grenze&site=1&cs=1&x=0&y=0], см. нижнюю часть соответствующей статьи (**Dornseiff-Bedeutungsgruppen**):

Links zu anderen Wörtern:

- Synonym von: **Grenzlinie**
- Grundform: **Grenze**
- ist ein(e) **Begrenzung**
- Teilwort von: **Grenze zwischen, über die Grenze, nahe der Grenze, An der Grenze, bis zur Grenze, innerdeutsche Grenze, an der Grenze von, obere Grenze, deutsch-deutsche Grenze, untere Grenze, die Grenze ziehen, Hart an der Grenze, oberste Grenze, äußerste Grenze, An die Grenze, Grüne Grenze, Schmuggel über die Grenze, Grenze schließen, Überschreitung der Grenze, Eine Grenze hat Tyrannenmacht, eine Grenze festlegen, Steine an der Grenze, sich der Grenze nähern, Berg an der Grenze, frei Grenze**

- Synonym von: **Demarkationslinie, Trennungslinie, Scheidelinie**
- Form(en): **Grenzen, Grenze**
- Unterbegriffe: **Ende, Rand, Limit, Obergrenze, Altersgrenze, Extrem, Landesgrenze, Gemarkung, Armutsgrenze, Strafraumgrenze, Stadtgrenze, Schmerzgrenze, Seegrenze, Scheide, Höchstgrenze, Untergrenze, Staatsgrenze, Schneefallgrenze, Kapazitätsgrenze, Beitragsbemessungsgrenze, Verwaltungsgrenze, Einkommensgrenze, Leistungsgrenze, Belastungsgrenze, Lohnuntergrenze, Millionengrenze, Grundstücksgrenze, Gemeindegrenze, Westgrenze, Toleranzgrenze, Südgrenze, Nordgrenze, Promillegrenze, Ostgrenze, Freigrenze, Kreisgrenze, Milliarden-grenze, Kantongrenze, Versicherungspflichtgrenze, Zuverdienstgrenze, Landgrenze, Waldgrenze, Baumgrenze, Schuldengrenze, Außengrenze, Gemarkungsgrenze, Gehaltsobergrenze, Oder-Neiße-Grenze, Defizitgrenze, Ortsgrenze, Kostenobergrenze**

Dornseiff-Bedeutungsgruppen:

- 1.16 Landbezirk: **Begrenzung, Grenze**
- 3.17 Außen: **Fassade, Grenze, Oberfläche, Peripherie, Rand, Schliff, Straßenseite, Überzug, Vorderseite**
- 3.22 Umgrenzung, Rand: **Baulinie, Demarkationslinie, Gemarkung, Grenze, Grenzfluss, Grenzlinie, Grenzsperre, Grenzstein, Grenzwall, Landesgrenze, Limes, Rubikon, Scheidelinie, Staatsgrenze, Trennungslinie, Zonengrenze**
- 4.34 Trennen: **Absperrung, Fahne, Flagge, Grenze, Scheide, Scheidelinie, Symbol, Wand, Wasserscheide**

С точки зрения концептологического анализа эти подразделы не представляют значительного интереса – уж слишком малочисленный и разнородный материал они охватывают. Единственное, на что здесь стоит, пожалуй, обратить внимание, так это на появление в списках фреймовых элементов (**Fahne, Flagge, Symbol**), а также индивидуальных представителей класса (**Limes, Rubikon, Zonengrenze**).

3.2. Концептологический анализ с помощью электронных онлайн-словарей

Аналогичный упрек можно высказать и в адрес самого онлайн-словаря (см. верхнюю часть статьи) – что, прежде всего, касается раздела Teilwort von: («...является частью...») и особенно Unterbegriffe : («видовые понятия»), в котором смешаны типы (Ende, Rand, Limit, Extrem) и подтипы, количество которых, в принципе, с трудом поддается обзору.

Кроме того, в статье отсутствует раздел «таксон верхнего уровня», которым в нашем случае, очевидно, является *Linie*.

Гораздо более ценным в отношении концепт-анализа представляется OWID – еще один электронный онлайн-словарь корпусного типа, разрабатываемый в Институте немецкого языка Маннгейма, что в особенности касается раздела т. н. «коокурентностей» [<http://corpora.ids-mannheim.de/ccdb/?preload=http://corpora.ids-mannheim.de/ccdb/db/4772/4772656e7a65/t4772656e7a6500.html?src=elex>]:

770202 verschiedene Kookkurrenzpartner gespeichert

Grenze als Kookkurrenzpartner **suchen**

alphabetisch nach Kohäsion nach Wortart

Suchmuster (regexp) verwenden

Wort	Synsemantika				
	ohne	mit			
überschreiten	32475	32475	entfernen	4071	4071
nahe ®	29917	29917	verlaufen	4036	4036
nahen	23962	23962	untere ®	3802	3802
innerdeutsch	23832	23832	überquert	3439	3439
überschritten	22958	22958	Öffnung	3404	3404
jenseits ®	21906	21906	beiderseits ®	3241	3241
entlang ®	14850	14850	albanisch	3102	3102
grünen	10976	10976	gelegen	3088	3088
magisch	9031	9031	Mazedonien ®	3055	3055
Belastbarkeit ®	8882	8882	diesseits ®	3002	3002
polnisch	8389	8389	nördlich	2956	2956
grün	7471	7471	angelangt ®	2798	2798
tschechisch	6874	6874	mazedonisch	2735	2735
Kilometer ®	6628	6628	Ungarn ®	2718	2718
überqueren	6300	6300	Flüchtling	2682	2682
Albanien ®	5648	5648	Polen ®	2660	2660
unweit ®	5611	5611	syrisch	2652	2652
Kosovo ®	5149	5149	Pole	2649	2649
zwischen ®	4876	4876	anlangen	2614	2614
ungarisch	4838	4838	Pakistan ®	2614	2614
entfernt ®	4720	4720	Nähe	2607	2607
illegal ®	4645	4645	obere ®	2591	2591
schmuggeln ®	4616	4616	Pol	2543	2543
ober	4197	4197	holländisch	2516	2516
Afghanistan ®	4155	4155	Tschechien ®	2485	2485
			Leistungsfähigkeit ®	2470	2470

К каким же выводам можно придти на основе изучения первых по частотности 50 «попаданий»? Во-первых, они подтверждают высказанный ранее тезис о прототипичности территориальной (чаще всего, государственной) границы для этого концепта – к иным «семемам» («лимит», «предел») относятся разве что *Belastbarkeit* и *Leistungsfähigkeit*.

Значительное число коокуренностей связано с пространственным положением самой границы или тех или иных субъектов/объектов по отношению к ней: *nah*, *unweit*, *entfernt*, *verlaufen*, *gelegen*, *anlangen*, *Nähe* и т.д.

Многие «попадания» можно отнести к фрейму концепта (под которым мы понимаем его иерархические и коллатеральные связи с другими концептами в лингвокультурном сознании носителя соответствующих языка и культуры). Так, самое частотное действие, связанное с «границей», – это ее пересечение (*überschreiten, überschritten, überqueren, überquert*). Встречаются также нелегальная транспортировка через границу отдельных предметов (*schmuggeln*) или ее нелегальное пересечение отдельными лицами (*Flüchtling*) Чаще всего в немецкоязычном дискурсе обнаруживается упоминание границ ближайших соседей ФРГ (*innerdeutsch, polnisch, tschechisch, ungarisch, holländisch*), либо стран, где в последнее время имели место пограничные конфликты (*Albanien, Kosovo, Afghanistan, Mazedonien, Pakistan*) и т.д.

3.3. Концептологический анализ с помощью электронных версий архивов СМИ

Приведенные данные онлайн-словарей были получены в результате автоматической компьютерной обработки больших массивов дискурса. Лингвистические исследования, однако, часто требуют более точных результатов, которые можно получить только путем гораздо более тонкого «ручного» анализа. Такую возможность дает поиск по ключевому слову в электронных архивах различных органов СМИ, предлагаемых, в том числе, в форме CD- или DVD-ROM. Ниже (слева) приводятся результаты поиска по стимулу «Grenze» в электронном архиве еженедельника «Die Zeit» за 1994–2009 гг.

Дата	Число попаданий
53/2009	32
53/2009	76
53/2009	65
53/2009	50
53/2009	15
53/2009	26
53/2009	4
49/2009	40
49/2009	1
49/2009	10
49/2009	11
49/2009	13
49/2009	17

Eintrag 1 von 5471

AUSGABE 53/09, Chancen

Gottes Wort im Oderbruch

Die Menschen ziehen weg aus den Dörfern Ostbrandenburgs. Der Berliner Vikar Robert Parr ging den entgegengesetzten Weg. Autor: Scholter, Judith.

Damit nicht auch noch Gott diese Gegend verlässt, ist Robert Parr nach Golzow gekommen. «Das sieht ja grausam aus», dachte er, als er zum ersten Mal hier ausstieg, außer dem verlassenem Bahnhäuschen weit und breit nichts, woran er sich orientieren konnte außer an seinem Glauben. Parr, 29, kommt eigentlich aus Berlin. Er ist Vikar, ein evangelischer Pfarrer in Ausbildung. Seit gut einem Jahr lebt er im Oderbruch, 15 Kilometer von der polnischen Grenze entfernt, in einem Dorf mit 954 Einwohnern.

Как видим, общее число «попаданий» составило 5741 – объема языкового материала (полученного буквально за секунду), более чем достаточно для описания различных граней концепта GRENZE. С помощью одного клика компьютерной «мыши» можно развернуть

каждое из них в полный текст статьи с указанием года и номера издания, названия статьи и ее автора, страницы (см. колонку справа, где представлен фрагмент одной из таких статей). Искомое слово будет при этом выделено красным цветом.

В аспекте концептологического анализа этот материал интересен, прежде всего, тем, что позволяет с относительно небольшими затратами времени и усилий определить *референциал* концепта, то есть классы референтов, отражаемых им в общественном дискурсе.

4. Итоги и перспективы исследования

Подводя итоги вышеизложенного и оценивая дальнейшие **перспективы** исследований, отметим, что потенциал, открываемый компьютерными методами обработки лексикографического материала и больших массивов дискурса, еще не до конца осознан в лингвистике. Однако даже первые опыты использования таковых дают основания утверждать, что они способны кардинально облегчить решение, по крайней мере, части задач, стоящих перед языкознанием и другими смежными направлениями науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донец П.Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке: семасиологический угол зрения / П.Н. Донец // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». – 2005. – № 3 (12). – С. 18–22.
2. Донец П.Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке: ономасиологический угол зрения / П.Н. Донец // Вестник Харьков. нац. ун-та имени В.Н. Каразина. – 2006. – № 726. – С. 3–5.
3. Донец П.Н. Электронные словари и концептологический анализ зрения / П.Н. Донец // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. – № 1(3). – С. 101–105.
4. Донец П.Н. Метод электронно-лексикографического поиска и концептология / П.Н. Донец // Вестник Харьков. нац. ун-та имени В.Н. Каразина. – 2012. – № 1023. – С. 6–9.
5. Donec P. Die GRENZE: eine konzeptanalytische Skizze der Limologie / P. Donec. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2014.

REFERENCES

- Donec, P.N. (2005). Konzept «GRENZE» v nemeckom jazyke: semasiologičeskij ugol zrenija [The concept «GRENZE» in German: a semasiological point of view]. *Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. – Volgograd State Pedagog. Univ. Messenger*, 3 (12), 18–22 (in Russian)
- Donec, P.N. (2006). Konzept «GRENZE» v nemeckom jazyke: onomasiologičeskij ugol zrenija [The concept «GRENZE» in German: an onomasiological point of view]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin Kharkiv Uni. Messenger*, 726, 3–5.
- Donec, P.N. (2009). Elektronnyje slovari i konceptologičeskij analiz [Electronic dictionaries and the conceptological analysis]. *Vestn. Mosk. gor. ped. un-ta. – Moscow State Ped. Univ. Messenger*, 1(3), 101–105.
- Donec, P.N. (2012). Metod elektronno-leksikografičeskogo poiska i konceptologija [The method of electronic-lexicographic search and conceptology]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin Kharkiv Uni. Messenger*, 1023, 6–9.
- Donec, P. (2014). *Die GRENZE: eine konzeptanalytische Skizze der Limologie*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Павел Николаевич Донец – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: p_donec@list.ru
Pavel Donets – PdD, Full professor, German Language and Translation Dept., V.N. Karazin Kharkiv University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: p_donec@list.ru

УДК 81'42:82-1.09

ТЕКСТ В МЕТАТЕКСТЕ
(на материале жанров «малых форм»)
Г.В. Ейгер (Хамельн, Германия)

Г.В. Ейгер. Текст в метатексте (на материале жанров «малых форм»). Статья посвящена исследованию различных видов и способов метаописания текста, так называемым самохарактеризующимся текстам. Самохарактеристика (метаописание) текста и жанра, в котором он написан, может содержаться в самом тексте, а также в прилегающем описании. Первый способ характерен для малых жанров, таких, как афоризм, пословица, басня, сказка, анекдот и т.п.; второй способ применяется, в основном, к более развернутым текстам в виде предисловий, комментариев, послесловий. Цель данной работы – создание матрицы различных видов/способов вербальной самохарактеристики текстов различных жанров, сконцентрированной в метатексте. В работе исследован процесс самоосознания жанра, в котором написан тот или иной текст. Перечисленные виды самохарактеристики жанра не являются исчерпывающим перечнем; кроме того, метатекст, в котором сконцентрирована самохарактеристика жанра, возможен и иного вида.

Ключевые слова: анекдот, афоризм, басня, малый жанр, метаописание, метатекст, пословица, самохарактеризующиеся тексты, самохарактеристика, сказка, текст.

Г.В. Ейгер. Текст у метатексті (на матеріалі жанрів «малих форм»). Стаття присвячена дослідженню різних типів та способів метаопису тексту, так званим текстам, що характеризують самі себе. Самохарактеристика (метаопис) тексту і жанру, в якому він створений, може міститися у самому тексті, а також в описі, що додається. Перший спосіб характерний для малих жанрів, таких як афоризм, приказка, байка, казка, анекдот і т. ін.; інший спосіб застосовується, в основному, до більш розгорнутих текстів у вигляді передмов, коментарів, післямов. Метою цієї роботи є створення матриці різновидів /способів вербальної самохарактеристики текстів різних жанрів, що концентрується в метатексті. У роботі вивчається процес самоусвідомлення жанру, в якому створений певний текст. Указані різновиди самохарактеристики жанру не є вичерпаним переліком; окрім того, метатекст, у якому концентрується самохарактеристика жанру, може мати й інший вигляд.

Ключові слова: анекдот, афоризм, байка, казка, малий жанр, метаопис, метатекст, приказка, самохарактеристика, текст, тексти, що самі себе характеризують.

G.V. Eyger. Text in metatext (on the material of small form genres). The article investigates different types and methods of text metadescription, so-called self characterised texts. Self characteristics (metadescription) of the text and the genre it presents may be in the text itself, as well as in the adjacent description. The former method is inherent to small genres, such as aphorism, proverb, fable, fairy tale, anecdote, etc.; the latter method is applied mainly to more expanded texts in the form of introductions, comments, and afterwords. The article aims to create a matrix of different kinds/methods of verbal self characteristics of texts of various genres, concentrated in metatext. The process of self-realization of the genre that a text features have been studied in the paper. These kinds of self characteristics genre don not make a comprehensive list; moreover, there can be a metatext of a different form, wherein the genre self characteristics is concentrated.

Keywords: anecdote, aphorism, fable, fairy tale, metadescription, metatext, proverb, self characterised texts, self characteristics, small genre, text.

1. Введение

Метаописания текста и устного высказывания широко исследуются в последнее время. Однако эта большая и сложная тема нуждается, с одной стороны, в обобщении уже имеющихся данных, а, с другой стороны, в расширении поля изучения, что и обуславливает **актуальность** проблемы исследования. Некоторым аспектам этой проблемы и посвящена данная статья, в которой рассматриваются метаописания в самом тексте и непосредственно примыкающие к нему авторские интерпретации и специально характеризующие данный жанр или конкретный метатекст. Данная работа выполнена в русле исследований жанров малых форм в разных аспектах, разработанных на факультете иностранных языков сотрудниками и выпускниками кафедр английской и немецкой филологии [Пихтовникова 2000; Самохина 2012; Сотникова 1996; Яремчук 2014; Pichtownikowa 2008].

Объектом исследования в работе являются метаописания в текстах малых форм и некоторых других текстах. **Предметом** исследований является сущность самохарактеристики текста, содержащаяся в метаописании.

Цель данной работы – создание матрицы различных видов и способов вербальной самохарактеристики текстов различных жанров, сконцентрированной в метатексте. **Материалом** исследования послужили тексты малых форм: пословицы, афоризмы, народные приметы, загадки, анекдоты, эпиграммы, частушки, басни, сказки, каламбуры, стихотворения и др. на немецком, украинском и русском языках.

2. Самохарактеризующиеся тексты

Самохарактеризующиеся тексты (далее – СТ) – это тексты, в содержании и форме которых присутствует характеристика жанра в целом или его свойств.

А. Пословица

- (1) *Sprichwörter sind wie Schmetterlinge – einige werden gefangen, andere fliegen davon.*
- (2) *Sprichwörter sind die Weisheit der Straßen.*
- (3) *Ein Sprichwort trägt nicht, der Himmel fällt nicht, Hochmut währt nicht.*
- (4) *Kein Sprichwort lügt, sein Sinn nur trägt.*
- (5) *Sprichwörter lehrt die Erfahrung.*
- (6) *Sprichwort, Wahrwort.*
- (7) *Wie das Land, so das Sprichwort.*
- (8) *Sprichwörter sind auserkoren zum Schlüpfen für gespitzte Ohren.*
- (9) *Sprichwörter wohnen im ewigen Krieg.* [Sprichwörterlexikon 1988]
- (10) *Прислів'я та приповідки – народної мудрості дітки – короткі та міткі.*

Отметим, что пословица (4) применима и для характеристики загадки.

Вот как самохарактеризуется пословица и ее аспекты в сборнике В. Даля [Даль 1879]: «На пословицу, что на дурака, и суда нет»; «От пословицы не уйдешь»; «Пословица ведется, как изба веником метется»; «И на твою честь пословица есть»; но «Пень не околица, а глупая речь не пословица», да и «Не всякая пословица при всяком молвится»: «Иная пословица не для Ивана Петровича», «Пословицы век не сломятся».

Б. Афоризм

- (11) *Ein Aphorismus braucht nicht wahr zu sein, aber er soll die Wahrheit überflügeln. Er muss mit einem Satz über sie hinauskommen.*
- (12) *Richtige Aphorismen kommen nicht aus dem Gehirne, sondern aus dem Leben. Aus einem verdrießlichen Arsch fährt kein Furz heraus.*
- (13) *Der gute Aphoristiker kann uns bei Stromausfällen helfen.* [Kurz und mündig 1989]

В примере (13) афоризм характеризуется через его автора.

Для анализа афоризмов представляет интерес фиктивный диалог между журналистом и известными немецкими афористами относительно жанра «афоризм». Косвенная

самохарактеристика может считаться здесь таковой только в связи с вопросом интервьюирующего:

(14) – *Aphorismen, Reflexionen, Sentenzen, Maximen – legt in der Kürze die Würze?*

G. C. L.: Es ist keine Kunst, etwas kurz zu sagen, wenn man etwas zu sagen hat.

VM: Magere Flöhe beißen scharf.

P. A.: Es heißt: Sei kurz und bündig! Ich würde vorschlagen: Sei kurz und mündig!

– *Aphorismen werden des öfteren auch Spruchweisheiten genannt. Dürfen Weisheiten parteilich sein?*

G. C. L.: Alle Unparteilichkeit ist artifiziert. Der Mensch ist immer parteiisch und tut recht daran. Selbst Unparteilichkeit ist parteiisch... von der Partei der Unparteiischen.

VM: Auf Gemeinplätzen weidet jeder sein Vieh.

– *Muss man als Aphoristiker alle Probleme überschauen oder sollte man einige besser übersehen?*

VM: Es ist ein böses Jucken, wo man nicht kratzen darf.

K. K.: Ich lasse mich nicht hindern zu gestalten, was mich hindert zu gestalten.

– *So ist praktisch jeder Aphorismus ein Avantgardist des Sturm und Drang?*

P. H.: Es gibt Stürme, die eine Schlafmütze aufhaben... [Benyoëtz 2000].

Жанр афоризма в русской словесности стал интенсивно развиваться, особенно в последние годы. «Афоризм – это сокращенный роман», «Афоризм – это роман, из которого удалено все лишнее». Некоторые афоризмы характеризуют жанр как таковой или иконически выражают принадлежность к одному подвиду жанра, например, парадоксальному: «Мысль изреченная есть ложь», «Всякий афоризм обобщает» (парадоксы множества), «Не надо никогда говорить «нет»» и др.

В. Загадка

(15) «*Ни на что не похожа, но существует тоже*» (загадка)

(16) «*Одни небылицы, но скрывают лица*» (загадки)

(17) «*Одна нелепица к другой лепится, но все нелепицы к бревну крепятся*» (загадка, состоящая из нескольких частей)

Любопытная комбинация афоризма и загадки содержится в следующем высказывании: «*Gibt es ein anderes Wort für Synonym?*».

Г. Аллитерация (Stabreim) – это шутовское стихотворное произведение (обычно двустишие), по-видимому, характерное только для немецкого фольклора и построенное по принципу звуко-семантического хиазма (АВ ВА). Раньше это была своего рода словесная игра – соревнование (иногда с ограничением времени). Создать такое двустишие сложно, поскольку оно должно отвечать трем требованиям: 1) иметь форму хиазма, 2) быть кратким и 3) по возможности смешным и/или остроумным. Однако автору удалось обнаружить целую поэму, каждая строка которой имела форму данного типа текста. В настоящее время эта разновидность фольклора встречается редко, преимущественно в граффити. Классический пример, обычно приводимый в учебниках по стилистике и словарях: «*Ich gehe in den Birkenwald, denn meine Pillen wirken bald*». Самохарактеризующуюся аллитерацию (Stabreim) можно представить в следующем виде: «*Wenn man die Wörter rüttelt, wie mit dem Besen Schleim, so entsteht mitunter ein Schüttelreim*».

Д. Частушка

В нашей выборке (1374) [Горелов 2007] не удалось обнаружить самохарактеризующиеся частушки; конечно, путем художественно-мыслительного эксперимента можно было бы создать такую, но мы предпочитаем для доказательства возможности и естественности рассматриваемых произведений привести отрывок из стихотворения «Частушиное» Д. Быкова в «Новой газете»: «*О народная частушка, прочим жанрам нос утри! С виду девочка-простушка, но пророчица внутри*».

Е. Каламбур

Прямой самохарактеризации каламбура обнаружить не удалось, но каламбуры-самоиллюстрации все же встречаются: «Даже к финским скалам хмурым обращаюсь с каламбуром» (сами эти две строчки образуют каламбур).

Ж. Народные приметы

Метавключения встречаются (хотя и редко) в шуточных народных приметах: „*Ich reime gern, das mit Wonne, und diesen Sommer für die Tonne*“.

3. Стихотворения разных видов

В стихотворениях наиболее полно раскрывается сущность жанра, его основные черты, материал исследования и пр., поскольку это очень емкий жанр, допускающий разные размеры, открытый для любой тематики и в лирической, философской, юмористической тональности может не только характеризовать любые поэтические произведения, но и свой собственный жанр. Для нас представляет интерес сборник стихотворений, посвященных поэтическому творчеству и его результатам. В сборнике представлены в немецком переводе произведения писателей разных стран. Они дают общую картину творческого процесса, каким его видят эти писатели [Benyoetz 2000], определения поэтического творчества, поэтических жанров и отдельных представителей жанра. В большинстве случаев определение самого понятия «поэзия», «стихотворение», «поэтическое творчество» носят малоконкретный, образный, неясный характер. Материал для создания стихотворений, некоторые особенности структуры, ритм и размер описываются более конкретно:

„Das Gefühl des Gewinns

*Das Gefühl des Gewinns bei der Überlegung,
Gedichte seien Erkenntnisträger.*“ (Elke Elb)

*„Wer den Dichter will verstehen,
muss ins Dichter Lande gehen“* (J. W. Goethe)

„Mein bestes Gedicht?

Ich schrieb es nicht.

Aus tiefster tiefe stieg es.

Ich schwieg es.“ (Mascha Kaléko)

„Tief zu denken und schön zu empfinden ist vielen gegeben.

Dichter ist nur, wer schön sagt, was er dacht' und empfand.“ (Geibel)

Имеются разнообразные стихи о роли рифмы и белых стихах (Детлеф фон Берн), о словах (Р. Рильке, Р. Герхардт и многие другие), о конкретных жанрах (Р. Герхардт, П. Гейзе). Брейтон Брейтенбах создал своеобразное стихотворение из сорока определений поэзии. Приводим отрывок из этого стихотворения:

„Dichtung ist

Dichtung ist ein merkwürdiger Zeitvertreib

Dichtung ist eine Möglichkeit, etwas zu bewahren, was nicht zu bewahren ist

Dichtung ist eine Do-it-yourself-Überlebenstechnik

Dichtung ist ein Do-it-yourself-Überlebensdrang

Dichtung ist eine Improvisation über den Pessimismus

Dichtung ist Bewusstsein, das mit Hilfe von Wörtern durchgeht

Dichtung ist ein Rinnsal des Bewusstseins

Dichtung ist ein Geschenk der Vorfahren

Dichtung ist unser Fluch für die Sünden unserer Vorfahren

Dichtung ist eine verbale Weitergabe einer Leidenschaft von Wörtern, die in Stille endet

Dichtung ist Politik oder die Erscheinungsform von Politik

Oder die Erscheinungsform der Erscheinungsform von Politik

Oder die Politik der Erscheinungsformen

Dichtung ist Sprache, die ein Risiko eingeht

Dichtung ist Sprache, die an den Rändern ausfranst

Dichtung ist existentielle Kommunikation

Dichtung ist verstümmelte Prosa

Dichtung ist eine Rekonstruktion von bereits Existierendem

Dichtung ist eine Tautologie der Stille

Dichtung ist Übersetzen in eine nicht vorhandene Sprache

Dichtung ist eine Vergewaltigung des Gedichts“ [Der ewige Brunnen 2005: 51]

Обнаруживаются стихотворения, которые в самом тексте содержат самооценку (не характеризую жанр в целом); обычно она содержится в конце текста. В нижеприведенном стихотворении последняя строчка, иконически завершая текст, выражает самоироничную его оценку автором:

„**Kurz vor Schluss**

Schön ist der Wein, bevor er getrunken,

schön ist das Schiff, bevor er gesunken,

schön ist der Herbst, solange noch Mai ist,

schön ist der Leutnant, solange er aus Blei ist.

Schön ist das Glück, wenn man es nur fände!

Schön ist dies Buch, denn gleich ist's zu Ende.“ (H. Erhardt)

В следующем стихотворении из самого текста ясно, что речь идет о шуточном произведении; последняя строчка эксплицирует это, являясь своеобразным ироничным метавысказыванием:

„*Dunkel war 's, der Mond schien helle,*

Schnee lag auf der grünen Flur,

als ein Auto blitzeschnelle

langsam um die Ecke fuhr.

Drinne saßen stehend Leute,

schweigend ins Gespräch vertieft,

als ein totgeschößner Hase

auf der Sandbank Schlittschuh lief. <...>

'ne Kuh, die saß im Schwalbennest

mit sieben jungen Ziegen,

die feierten ihr Jubelfest

und fingen an zu fliegen.

Der Esel zog Pantoffeln an,

ist übers Haus geflogen,

und wenn das nicht die Wahrheit ist,

so ist es doch gelogen.“ (автор неизвестен)

Заключительная строка следующего стихотворения (в переводе с английского С. Маршака) полифункциональна: она обосновывает краткость песенки, а с другой стороны (с учетом предтекста) содержит косвенное предположение о дальнейшем развитии событий:

«*Три мудреца в одном тазу*

Пустились по миру в грозу,

Будь попрочнее старый таз

Длиннее был бы мой рассказ».

В приводимом ниже стихотворении последние две строки эксплицитно выражают мысль: «это стихотворение не реальное отображение действительности, а создание стихотворца»:

«*Nisten Vögel die im Haar,*

Rufe schnell ein Dromedar.

Fressen Ziegen deine Hand,

frage nach dem Elefant’.

*Beißt ein Holzpferd dich ins Bein,
sage laut: Ist nur ein Reim.»* (ТАУСК)

Таким образом, здесь виртуальная реальность выражена дважды: в основном тексте и в заключающем метавысказывании.

Своеобразным метавысказыванием в последней строке является предложение закончить читателю стихотворение самому. Так, стихотворение Р. Мирси «Три судьбы» (восемь строк) заканчивается так:

*«Жил человек с бородой и усами –
А остальное придумайте сами».*

И. Басня

В баснях не обнаружена ее самохарактеристика, однако во многих баснях есть заключительная метачасть – мораль; эта часть строится по разным моделям: «*Мораль сей басни такова...*», «*Мораль легко здесь угадать...*». Встречаются басни без морали, выраженной в развернутой форме, например, в виде пословицы или фразы, которая позже становится пословицей, или же басни, в которой автор считает эксплицитное выражение морали не нужным: «*Нужна ли здесь мораль?*» – «*Едва ль*».

К. Анекдот

Анекдот ввиду специфики этого жанра обычно не содержит самохарактеристику его в целом, однако отдельные аспекты и описание его употребления встречаются.

«Лифт не работает. Нам на 13 этаж. Чтобы не было скучно, на каждом этаже будем рассказывать анекдоты». Добравшись до 13-го этажа, рассказчик говорит: «Слушай последний анекдот: «Я забыл ключ на первом этаже».

Сталин Рыкову: «Ты, говорят, рассказываешь обо мне анекдоты?» «О тебе анекдоты?! Это анекдот!»

«Что ты все время рассказываешь анекдоты о евреях? Расскажи о других». «Хорошо. Идут два китайца, один говорит: «Слушай, Абрам...»»

Л. Сказка

Метасказок обычно не бывает, за исключением, возможно, литературных сказок. Нам встретился следующий любопытный пример такой (юмористический) сказки, в которой пародируются сюжеты разных сказок двумя персонажами (названия известных сказок выделены).

*«Der alte Wolf
Auch ‘Märchen
Der Wolf, verkalkt und schon fast blind,
traf eine junge Dame:
„Bist du nicht Rotkäppchen, mein Kind?“
Da sprach die Dame: „Herr, Sie sind...!
Schneewittchen ist mein Name!“
„Schneewittchen? Ach, dann bist du die
mit diesen sieben Raben?“
Sie antwortet: „Lassen Sie
sich lieber gleich begraben!
Mit sieben Zwergen hatt’ ich mal
zu tun – das waren nette..!“
„Ach ja! Du durftest nicht zum Ball,
und Erbsen waren nicht dein Fall,
besonders nicht im Bette...!“
Da lachte sie hell ha-ha-ha,
dann: „Darf ich Sie was fragen?“*

*Sie fraßen doch die Großmama,
wie hab'n Sie die vertragen?“*

*„Das ist nicht wahr, dass ich sie fraß,
ich krümmte ihr kein Härchen!*

*Die Brüder Grimm, die schrieben das
Für kleine Kinderchen zum Spaß –
das sind doch alles Märchen...!“* (Н. Erhardt)

В самом тексте сказок могут быть клишированные концовки и включения типа: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» (некоторые замедленные темпы повествования), «И я там был, и мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало», завершающие счастливый конец, включения рассказчика, «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок» (нечто вроде морали, которую должен вывести сам читатель).

В таком же духе написана и «Книжкина колыбельная» Р. Мухи.

М. Эпиграмма

В следующих эпиграммах И. В. Гете дается образная дефиниция эпиграмм и (прямо или косвенно) указываются некоторые ее черты:

„Epigramme, seid nicht so frech“. Warum nicht?

Wir sind Überschriften, die Welt hat die Kapitel des Buchs.“

„Ob ein Epigramm wohl gut sei? Wer kann es entscheiden?

Weiß man doch eben nicht stets, was er sich dachte, der Schalk.“

В переводе слово „der Schalk“, относящееся к автору эпиграммы, преобразовано в «шельма», относящиеся к самой эпиграмме. Такие переносы автор ↔ текст, как мы видели, не редки в метатекстах малых форм.

3. Метатексты, прилегающие к основному

Это могут быть:

А) предисловия к сборникам, написанные разными авторами и (реже) самим автором стихов, а также предваряющие сборник стихи автора, например, Einleitungsgedicht (Uhland).

Б) Развернутые комментарии к стихам.

В связи с этим представляет интерес книга [Jahrbuch der Lyrik 1995], составленная Энцербергером, в которой 36 авторов комментируют в разных аспектах свои стихи, помещенные выше. Комментарии позволяют глубже понять эти стихи (особенно с учетом разных направлений и течений в современной литературе) или вообще сделать их доступными для читателя. В газете „Frankfurter Allgemeine“ также периодически публиковался раздел со специально подобранными (наиболее интересными, по мнению составителя) стихами и комментариями разных авторов и литературоведов. По-видимому, такие публикации имеют будущее.

В) Некоторые сборники стихов предваряют предисловия, обычно написанные литературоведами или (реже) самими авторами. Такие предисловия в отличие от прозаических сборников довольно короткие. Предисловия к другим жанрам малых форм чаще носят более пространственный характер.

Г) Послесловия обычно пишут литературоведы. В развернутых послесловиях возможны подробные комментарии. «Обрамление», то есть предисловие и послесловие к одному сборнику, встречаются редко.

4. Отдельные метатексты встречаются в СМИ и в специальных сборниках в виде отдельных статей и в жанрах малых форм.

А) Метатексты – малые формы

И.В. Гете написал следующее стихотворение:

„Vieles hab ich versucht, gezeichnet, in Kupfer gestochen,

*Oel gemalt, in Thon hab ich auch manches gedruckt,
Aber unbeständig, und nichts gelernt noch geleistet;
Nur der Meisterschaft nah bracht ich ein einzig Talent:
Deutsch zu schreiben, und so verderb ich unglücklicher Dichter,
In dem schlechtesten Stoff, leider nun Leben und Kunst. “*

Это – эпиграмма глубоко личного содержания: суть ее не в том, что писать по-немецки – негодное дело, а в том, что Гете отказывается от профессиональных занятий изобразительным искусством, что всегда было его мечтой, и это вызывает в нем горькие чувства. Ф.Г. Клопшток (1724-1803) в 1796 г. откликнулся на эпиграмму Гете колючими стихами от имени немецкого языка:

*«Гете! Печалишься ты, что писать принужден по-немецки?
Если б узнал ты меня, может быть, так не жалел!»*

На переводы С. Маршака в XX веке была написана следующая (по нашему мнению, несправедливая), косвенно ориентированная на текст, эпиграмма: *«При всем при том, при всем при том, при все при том при этом, Маршак остался Маршаком, а Роберт Бернс – поэтом»*. Здесь первые две строки – цитата из одного перевода С. Маршака.

Б) Пародии в подавляющем большинстве случаев представляют собой критику текстов разных типов и в разных аспектах. Иногда для наглядности перед пародией помещается отрывок из критикуемого произведения. Широко известны сборники пародии Александрова, Гафта и др.

Любопытны псевдометатексты, написанные как бы от лица читателей (кстати, письма читателей о текстах также являются метатекстами):

*«Читал я басню Михалкова –
И что ж такого?
Ведь я ж не бобер,
А генерал-майор».* (то есть «не нужно здесь обобщать»).

Автор этой эпиграммы (направленной против определенного типа читателя), выступая в личине читателя, критикует текст.

У В. Гафта в одной его самоэпиграмме есть строки *«...он набил на этом руку, остальное мы набьем»* (критикуется резкость, обидность его эпиграмм). Здесь эпиграмматист, также выступая от лица читателя, критикует сам себя.

Схожую эпиграмму написал в день своего рождения сам на себя Р. Вагнер в период, когда его творчество не признавалось или было малоизвестно:

*„Im wunderschönen Monat Mai
Kroch Richard Wagner aus dem Ei.
Ihm wünschen, die zumeist ihn lieben,
- Er wäre besser drin geblieben. “*

По тем же признакам А.Фейербах написал самоэпитафию:

*„Hier liegt Anselm Feuerbach,
Der im Leben manches malte,
Fern vom Vaterlande – ach –
Das ihn immer schlecht bezahlte. “*

В форме малых жанров написаны тексты, иронизирующие над жанрами, представителями которых они сами являются, например, *„Scheitern einer Ballade“* и *„Sonett“* Р. Герхардта.

5. Выводы

В работе исследован процесс самоосознания жанра, в котором написан тот или иной текст. Перечисленные виды самохарактеристики жанра, видимо, не являются исчерпывающим перечнем; кроме того, метатекст, в котором сконцентрирована

самохарактеристика жанра, возможен и иного вида. Перспективой работы является поиск других креативных способов создания самохарактеристики, а следовательно, и иных видов метатекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов А. Русская частушка / А. Горелов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 272 с.
2. Даль В. Пословицы русского народа. 2 тома / В. Даль. – С.-Петербург, Москва : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – 1392 с.
3. Піхтовнікова Л.С. Еволюція німецької віршованої байки: Жанрово-стилістичні аспекти : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04, 10.01.04 / Лідія Сергіївна Піхтовнікова. – К., 2000. – 427 с.
4. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США : [монографія] / В.О. Самохіна. – [Вид. 2-е, перероб. і доп.]. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 360 с.
5. Сотникова С.І. Мовні засоби комічного в німецьких народних казках : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / С.І. Сотникова. – Харків, 1996. – 17 с.
6. Яремчук І.М. Німецькомовна притча: лінгвостилістичний та прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Інна Михайлівна Яремчук. – Львів, 2013. – 286 с.
7. Benyoetz E. Die Zukunft sitzt uns im Nacken. Aphorismen / Elazar Benyoetz. – München und Wien : Carl Hanser Verlag, 2000. – 280 S.
8. Der ewige Brunnen: Ein Hausbuch deutscher Dichtung / Ludwig Reiners, Albert von Schirnding (Hrsg.). – München : Verlag C. H. Beck, 2005. – 1139 S.
9. Enzensberger M. (Hrsg.). Die Hölderlin Ameisen / Manfred Enzensberger (Hrsg.). – Köln : DuMont Kunst- und Literaturverlag, 2003. – 254 S.
10. Jahrbuch der Lyrik 1995/96. Poesie der Poesie. / Joachim Sartorius. – München : Verlag C. H. Beck, 1995. – 1139 S.
11. Kurz und mündig: Aphorismen / Gabriel Berthel. – Rudolstadt : Greifenverlag, 1989. – 222 S.
12. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13–21 Jahrhundert / Ukrainische Beiträge zur Germanistik / L. Pichtownikowa. – Band 5. – Aachen : Shaker Verlag, 2008. – 322 S.
13. Sanders D. Zitatelexikon: Sammlung von Zitaten, Sprichwörtern, sprichwörtlichen Redensarten und Sentenzen / D. Sanders. – Leipzig : Weber, 1899. – 712 S.
14. Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Horst und Annelies Beyer. – Leipzig : VEB, 1988. – 714 S.

REFERENCES

- Benyoetz, E. (2000). *Die Zukunft sitzt uns im Nacken. Aphorismen*. Munich and Vienna: Carl Hanser.
- Berthel, G. (Ed.). (1989). *Kurz und mündig: Aphorismen*. Rudolstadt: Greifenverlag.
- Beyer, H., & Beyer, A. (Eds.). (1988). *Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Leipzig: VEB.
- Dal, V. (1879). *Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian folk]*. St. Petersburg and Moscow: M.O. Wolf Publ.
- Enzensberger, M. (Ed.). (2003). *Die Hölderlin Ameisen*. Cologne: DuMont Kunst- und Literaturverlag.

- Gorelov, A. (2007). *Russkaya chastushka [Russian humorous rhyme]*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
- Pichtownikowa, L. (2008). *Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13. – 21. Jahrhundert* (Band 5). Aachen: Shaker Verlag.
- Pikhtovnikova, L. (2000). *Evolutsiya nimetskoi virshovanoi baiky: Zhanrovo-stylistychni aspekty [Evolution of the German Poem Fable: Genre and stylistics aspects]*. Doctoral dissertation, Taras Shevchenko Kyiv National University, Kyiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Reiners, L., & Schirnding, A. (Eds.). (2005). *Der ewige Brunnen: Ein Hausbuch deutscher Dichtung*. München: Verlag C. H. Beck
- Samokhina, V. (2012). *Zhart u suchasnomu komunikatyvnomu prostori Velykoyi Brytaniyi ta SSHA [Joke in the communicative space of Great Britain and USA]*. Kharkiv: V.N. Karazin National Univ. Publ.
- Sanders, D. (1899). *Zitatenlexikon: Sammlung von Zitaten, Sprichwörtern, sprichwörtlichen Redensarten und Sentenzen*. Leipzig: Weber.
- Sartorius, J. (Ed.). (1995). *Jahrbuch der Lyrik 1995/96. Poesie der Poesie*. Munich: C.H. Beck.
- Sotnykova, S. (1996). *Movni zasoby komichnoho v nimetskykh narodnykh kazkakh [Language Comic Means in the German Folk Fairy-Tales]*. Cand. diss. synopsis, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Yaremchuk, I. (2013). *Nimetskomovna prytycha: linguostylistychnyi i pragmatychnyi aspekty [German Parable: stylistics and pragmatics aspects]*. Candidate dissertation, Ivan Franko Lviv National University, Lviv, Ukraine (in Ukrainian).

Генрих Вильгельмович Ейгер – доктор филологических наук, профессор, г. Хамельн (Германия); e-mail: yeuger@rambler.ru

Genrikh Yeyger, PhD, Full professor, Hammeln, Germany; e-mail: yeuger@rambler.ru

УДК 811.112.2'38

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ
БАРАКА ОБАМЫ И ВЛАДИМИРА ПУТИНА (2014-2015 гг.)¹****С.А. Жаботинская (Черкассы, Украина)**

С.А. Жаботинская. Концептуальные метафоры в публичных речах Барака Обамы и Владимира Путина (2014-2015 гг.). В данном пилотном исследовании рассматриваются концептуальные метафоры, реконструированные путем анализа метафорических языковых выражений (МВ), конвенциональных для политического дискурса и используемых в освещении тем ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА и СВОЯ СТРАНА (АМЕРИКА / РОССИЯ) как центральных в публичных речах политиков. Фактические данные, источником которых являются речи президентов, размещенные на официальных Интернет-сайтах, проанализированы в соответствии с методикой, разработанной ранее автором статьи. Эта методика, опирающаяся на наработки теории концептуальной метафоры, представляет алгоритм для выявления и дальнейшего исследования концептуальных метафор в тематически когерентном дискурсе, где они объективированы множественными МВ, число которых может достигать десятков и сотен. Анализ таких МВ в соответствии с разработанной процедурой дает развернутое представление о референтном и коррелятивном пространствах целостной метафорической системы, а также о результатах их перекрестного картирования, зависящих от типа дискурса. В данной статье, посвященной политическому дискурсу, системы концептуальных метафор, отслеженных в публичных речах каждого из президентов, обсуждаются по отдельности и в сравнении. Результаты исследования демонстрируют мировоззренческие установки политиков, а также роль концептуальной метафоры как инструмента для воздействия на общественное сознание. Приложение к статье содержит описание реконструкции концептуальных метафор в речах каждого их политиков, а также результаты сравнения этих речей в плане ключевых идеологических концептов метафорического нарратива.

Ключевые слова: ключевые идеологические концепты, концептуальные метафоры, методика исследования для множественных данных, Обама и Путин, политический дискурс.

С.А. Жаботинська. Концептуальні метафори у публічних промовах Барака Обами і Володимира Путіна (2014-2015 рр.). У цьому пілотному дослідженні розглядаються концептуальні метафори, реконструйовані шляхом аналізу метафоричних мовних виразів (МВ), конвенційних для політичного дискурсу і вживаних у висвітленні тем ПОЛІТИКА, ЕКОНОМІКА та СВОЯ КРАЇНА (АМЕРИКА / РОСІЯ), що є центральними в публічних промовах політиків. Фактичні дані, джерелом яких є промови президентів, розміщені на офіційних Інтернет-сайтах, проаналізовано у відповідності до методики, розробленої раніше автором статті. Ця методика, базована на доробку теорії концептуальної метафори, надає алгоритм для виявлення і подальшого дослідження концептуальних метафор у тематично когерентному дискурсі, де вони об'єктивовані множинними МВ, число яких може сягати десятків і сотень. Аналіз таких МВ за встановленою процедурою надає розгорнуте уявлення про референтний та корелятивний простори цілісної метафоричної системи, а також про результати їхнього перехресного мапування, які залежать від типу дискурсу. У цій статті, присвяченій політичному дискурсу, системи концептуальних метафор, виокремлених у публічних промовах кожного з президентів, обговорюються порізно й у порівнянні. Додаток до статті містить опис реконструкції концептуальних метафор у промовах кожного з політиків, а також результати порівняння промов у плані ключових ідеологічних концептів метафоричного нарративу.

Ключові слова: ключові ідеологічні концепти, концептуальні метафори, методика дослідження множинних даних, Обама і Путин, політичний дискурс.

S.A. Zhabotynska. Conceptual metaphors in the public speeches of Barack Obama and Vladimir Putin (2014-2015). This pilot study discusses conceptual metaphors reconstructed via analysis of linguistic metaphorical expressions (ME) which, being conventional for political discourse, signify POLITICS, ECONOMY, and AMERICA / RUSSIA target conceptual domains as the highlights of the politicians' public speeches. The data – ME coming from B. Obama's and V. Putin's speeches obtained from official Internet resources – are processed according to the methodology developed earlier by the author of this paper. Grounded on the findings of Conceptual Metaphor Theory, this methodology represents an algorithm for exposure and further description of conceptual metaphors employed in a thematically coherent discourse, and manifested by multiple ME numbering dozens and over. Their analysis, aiming to portray the metaphorical system as a whole, enables an in-depth study of the target and source conceptual domains, and a thorough account of their cross-mapping influenced by the discourse type. In this study, focused on political discourse, the systems of conceptual metaphors tracked in the public speeches of each president are regarded separately and in comparison. The obtained results expose the speakers' ideological worldviews, and the workings of conceptual metaphors as instruments for exerting influence on the public. The supplement to this paper demonstrates reconstruction of conceptual metaphors in the speeches of each politician, and compares these speeches with regard to ideological key concepts of the metaphoric narrative.

Key words: conceptual metaphors, ideological key concepts, methodology for multiple data, Obama and Putin, political discourse.

Введение

В этом пилотном исследовании, осуществленном на пересечении политической и когнитивной лингвистики, представлены результаты анализа концептуальных метафор, отслеженных в публичных политических речах Барака Хуссейна Обамы, президента США (2008 – 2017), и Владимира Владимировича Путина, президента России (2000 – 2008, 2012 – ныне), в период 2014 – 2015 гг.

Политические речи являются разновидностью политического дискурса, где значительная роль отведена метафоре. В лингвистических работах она традиционно рассматривается как сугубо языковое средство – метафорические выражения (МВ), обслуживающие политический дискурс. Однако в последнее время исследования политических метафор приобрели новую, лингвокогнитивную направленность, связанную с появлением и развитием теории концептуальной метафоры [Lakoff & Johnson 1980; Lakoff 1993; Lakoff & Johnson 1999; Kovecses 2000; 2002 и др.] как операции мышления, лежащей в основе языковой метафоры. Положения этой теории используются в многочисленных современных исследованиях концептуальных метафор политического дискурса (см., например, [Баранов, Караулов 1991; Anderson 2001; Чудинов 2001; Яворська, Богомолв 2010]) и позволяют углубить понимание политической метафоры как когнитивного механизма идеологического воздействия.

Цель данной статьи состоит в выявлении и систематизации концептуальных метафор в официальных публичных речах Б. Обамы и В. Путина, а также в уяснении роли метафорической системы как инструмента идеологического влияния, осуществляемого на общество ведущими политиками. **Фактический материал** представлен МВ, выявленными в текстах, полученных из официальных Интернет-ресурсов: 195 МВ из 15 речей Б. Обамы и 158 МВ из 15 речей В. Путина. Тексты речей имеют континуальность на конкретном временном отрезке (февраль 2014 – сентябрь 2015 у Б. Обамы; август 2014 – сентябрь 2015 у В. Путина). Используемые в текстах МВ относятся преимущественно к конвенциональным и именуют концепты, входящие в состав таких понятийных сфер, как ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА и АМЕРИКА (Б. Обама) / РОССИЯ (В. Путин). Для анализа фактического материала используется **комплексная методика** анализа концептуальных метафор, представленных множественными языковыми данными, фигурирующими в тематически когерентном дискурсе [Жаботинская 2011; 2013б; 2013в]. Применение этой методики в настоящем исследовании является продолжением ее апробации (с внесением некоторых теоретических новаций), осуществленной ранее в работах,

посвященных анализу концептуальных метафор в англоязычных словосочетаниях языка науки (3320 МВ) [Бровченко 2011] и языка маркетинга (1192 МВ) [Радченко 2012].

Темы, обсуждаемые в данной статье, имеют такую последовательность: политический дискурс и метафора; основные положения теории концептуальной метафоры, релевантные для данного исследования; применяемая в нем методика анализа концептуальных метафор; концептуальные метафоры в речах Б. Обамы; концептуальные метафоры в речах В. Путина; сравнительный анализ концептуальных метафор в речах Б. Обамы и В. Путина.

Теоретические положения исследования вносят вклад в разработку методологического аппарата, используемого при изучении концептуальных метафор. Применение этих положений к конкретным данным может представлять интерес для практики анализа вербальных PR-технологий.

Политический дискурс и метафора

Дискурс является комплексным коммуникативным феноменом, связанным с речью как процессом особого употребления языка, зафиксированным в текстах и зависимым от экстралингвистических факторов [Демьянков 2002; Чернявская 2006; Шевченко 2011 и др.]. По определению Н. Д. Арутюновой [1990: 137], дискурс есть «речь, погруженная в жизнь». Дискурс в целом имеет четыре основных компонента: адресант (говорящий), текст, адресат и ситуация / контекст, – которые в политическом дискурсе специфицируются. В качестве адресанта / говорящего выступает конкретная личность-политик, политическая партия, частная или государственная институция, в том числе средства массовой информации, отражающие политическую позицию определенной социальной группы. Адресатом становится народ или же большие группы людей, которые иногда имеют схожие политические воззрения, но которые в целом не дифференцируются на более персональном уровне². Сообщение (текст), передаваемое адресату, направлено как на формирование определенного знания, так и на внедрение в общественный менталитет некоторых ценностных стереотипов – оценочных норм и верований [van Dijk 1988: 74–75; Чабан 1997: 11]. Контекстом политического дискурса могут быть публичные выступления политиков, парламентские или президентские дебаты, дискуссии по ключевым социальным и политическим вопросам, международные переговоры и пр. [Шейгал 2000: 256–257].

В политическом дискурсе идеологическое использование языка становится проявлением идеологического мышления адресанта, а также способом донесения до адресата соответствующих идеологических концепций [Чабан 1997: 12]. К основным целям политического дискурса относятся: установление общественного консенсуса, формирование и обоснование определенных политических и социально-идеологических стратегий, поддержание или разрушение статус-кво, внедрение в массовое сознание желаемой идеологии [Лук'янец 2002: 22], «политически верных» оценок. Политический дискурс выполняет регулятивную функцию [Шейгал 2000: 85]. Его задачей является не столько описание (референция), сколько убеждение адресата, влекущее за собой его намерения и действия, для чего предоставляются необходимые обоснования [Bauley 1985: 104].

С учетом упомянутых выше составляющих дискурса, термин «политический дискурс» имеет широкое и узкое понимание. В широком понимании он предстает как репрезентация социального и физического миров, идеологических по своей сути. С одной стороны, политический дискурс является социальным взаимодействием, при котором люди общаются в реальной социальной ситуации, а с другой стороны – конструкцией реальности, знанием, воплощенным в своеобразную форму [Чабан 1997: 11]. Исследование политического дискурса в его широкой интерпретации осуществляется политологическими студиями. В более узком понимании политический дискурс есть текстовое сообщение, несущее «отпечаток» своего политического контекста. Исследования такого сообщения (как отдельного текста, так и совокупности текстов) входит в круг задач языковедческих студий,

получивших название «политическая лингвистика» [Чудинов 2001; Chomsky 2004; Lakoff 2008; Будаев, Чудинов 2012] и рассматривающих разные виды текстов политической тематики с учетом особенностей их дискурсивного контекста. Последний способствует интерпретации содержания политического текста в его целостности, не сводимой лишь к языковым моментам: понимание сути и цели сообщения требует знаний фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых смыслов, сюжетных схем и мотивов, типичных для конкретной эпохи [Демьянков 2002: 43].

При исследовании языкового материала в политической лингвистике используется критический и дескриптивный анализ. Критический анализ направлен: на изучение средств, при помощи которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе; на выяснение того, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство; на определение способов языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, осуществляя поиск путей для предупреждения социальных конфликтов. В термине «критический анализ» определение «критический» подчеркивает обычно скрытую для неспециалистов связь между языком, властью и идеологией [Будаев, Чудинов 2012: 55–56]. В дескриптивном анализе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной идеологической оценки (особенно связанной с политическими убеждениями автора), что обусловлено не отсутствием гражданской позиции, а представлениями о критериях научной объективности исследования [там же: 59].

Среди многочисленных вариантов дескриптивного анализа политического дискурса существуют и те, которые посвящены изучению метафоры. Это, в частности, *теория дискурсивного понимания метафоры* (Й. Вальтер, Й. Хельмиг, Р. Хюльссе), в которой метафора рассматривается не как способ аргументации, а как социальный феномен, как отражение общих для определенной группы людей представлений, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности». Согласно этой теории, сам дискурс порождает метафоры, которые становятся «агентами дискурса». При этом индивидуально-когнитивным особенностям политической коммуникации отводится малозначимая роль [там же, с. 60]. Ныне изучение дискурсивной политической метафоры приобретает лингвокогнитивную ориентацию [там же: 43–48].

Данное исследование, выполненное на материале публичных речей Б. Обамы и В. Путина, представляет дескриптивный анализ политических метафор. Таковые рассматриваются как «агенты» политического дискурса, то есть явление, зависящее не только от говорящих, но и от особенностей дискурсивного контекста – общения в политической среде. При этом МВ, фигурирующие в выступлениях двух политиков в 2014–2015 гг., обсуждаются с позиций теории концептуальной метафоры, углубляющей наработку исследований, посвященных метафоре как языковому инструментарию политического дискурса.

Концептуальная метафора и ее составляющие

Традиционно, метафора понимается как номинативное средство или стилистический троп, в котором слова и выражения используются в переносном значении на основе подобия именуемых явлений. Традиционная трактовка получает расширение в теории концептуальной метафоры (ТКМ) [Lakoff & Johnson 1980; Lakoff 1993; Lakoff & Johnson 1999 и др.], одной из основных школ когнитивной лингвистики – современной научной парадигмы, ставящей целью объяснение языковых и речевых явлений с учетом их связи с системой мышления. Согласно ТКМ, за метафорой как фактом языка и речи стоит метафора как когнитивный механизм, предназначенный для обработки информации об абстрактных, перцептивно не воспринимаемых объектах путем их сравнения с объектами конкретными, имеющими перцептивную основу. В концептуальной метафоре имеет место

взаимодействие не только отдельных концептов, но и целых *доменов*, или широких понятийных областей, включающих различные смежные концепты [Жаботинская 2013б: 104].

В концептуальной метафоре задействованы целевой и исходный концепты или домены. **Целевой концепт / домен** (*target concept / domain*), осмысляемый с помощью метафоры, есть **концептуальный референт**. Привлекаемый для сравнения **исходный концепт / домен** (*source concept / domain*) есть **концептуальный коррелят** (о соотносительности русскоязычных и англоязычных терминов см. [Жаботинская 2013б: 106]). Референт и коррелят должны принадлежать к разным понятийным пространствам, то есть они должны быть разведенными в мысли. При сравнении референта с коррелятом имеет место **перекрестное картирование** (*cross-mapping*) [Lakoff 1993: 245]: определенные характеристики коррелята проецируются на определенные характеристики референта. Метафорическое картирование включает **инференции** (*entailments, inferences*) [Lakoff & Johnson 1999: 47]: составляющие коррелятивного домена, непосредственно не явленные в языковой форме, могут быть выведены из неё. Например, в концептуальной метафоре СПОР ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ / ARGUMENT IS A JOURNEY (*We'll proceed in a step-by-step fashion. We have covered a lot of ground*) участники спора уподобляются путникам, сам спор сродни их движению, а прогресс в споре – пройденному пути [Evans & Green 2006: 299]. Инферируется имплицитная составляющая коррелятивного домена «путники», которая отсутствует в метафорическом выражении [Жаботинская 2013б: 104–105].

Выборочность характеристик референта, представленных с помощью метафоры, связана с явлением **высвечивания / сокрытия** (*highlighting / hiding*): если референт структурируется в терминах конкретного коррелята, последний высвечивает одни свойства референта и одновременно скрывает, оставляет неактивированными другие свойства [Evans & Green 2006: 303–304]. Тем самым осмысление различных характеристик референта может требовать нескольких коррелятов. Несколько коррелятивных концептов / доменов, относящихся к одному референту, формируют **диапазон метафоры** (*range of metaphor*) [Kovecses 2002: 64]. Коррелятивный концепт / домен может, в свою очередь, взаимодействовать не только с одним референтным концептом / доменом, но и с целым их рядом. Несколько референтных концептов / доменов, относящихся к одному корреляту, образуют **спектр метафоры** (*scope of metaphor*) [Kovecses 2000: 80]. Результатом взаимодействия референтного и коррелятивного доменов становится, как правило, целый ряд метафорических выражений (их количество может достигать до нескольких десятков и даже сотен), анализ которых требует определенной процедуры обработки материала.

Методика исследования концептуальных метафор

В данном исследовании используется методика анализа концептуальных метафор, представленных множественными языковыми данными [Жаботинская 2011; 2013б; 2013в] (большими тематически объединенными массивами метафорических выражений – МВ), которая опирается на упоминаемые выше основные понятия ТКМ. Эта методика включает комплекс процедур, позволяющих осуществить более детальный анализ сфер референтов и коррелятов концептуальных метафор, а также способа взаимодействия этих сфер (перекрестного картирования). Излагаемая далее последовательность анализа массива МВ включает и дополняет положения, изложенные в предыдущих работах автора статьи.

1. Рассмотрение **референтной сферы** концептуальных метафор; определение объема общего референтного пространства – понятийного участка, обозначенного анализируемыми МВ; структурирование референтного пространства, выделение в нем *доменов* (тематически когерентных частей) и *концептов*, входящих в состав доменов; представление структуры референтного домена в виде сетевой или матричной концептуальной модели (принципы их построения изложены в [Жаботинская 2013а]).

2. Анализ общей **коррелятивной сферы** концептуальных метафор: корреляты МВ, именующих каждый из референтных доменов, тематически группируются в коррелятивные *домены* (более широкие, обобщенные понятия).
3. Определение **способа взаимодействия** референтной и коррелятивной сфер (их перекрестного картирования).

3.1. Установление связи коррелятивного и референтного доменов, то есть выведение **формульной схемы** (обобщенной формулы) концептуальной метафоры. При этом следует учитывать фактор конгруэнтности картирования коррелятивной сферы на референтную [Жаботинская 2013а: 32; 2013б]. Конгруэнтное картирование соотносится с введенным Дж. Лакоффом понятием «структурная метафора события» (*event structure metaphor*) [Lakoff 1993: 220]. В структурной метафоре один концепт / домен метафорически структурируется в терминах другого [Lakoff & Johnson 1980: 14]. «Структурная метафора события» включает несколько взаимосвязанных конститутивных метафор и их инференций, которые используются для осмысления одного и того же события. Так, общая метафора «ЖИЗНЬ есть ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ / LIFE IS A JOURNEY» слагается из более конкретных метафор <Состояния есть места / States are locations> (*He's at a crossroad in his life*), <Изменение есть движение / Change is motion> (*He went from his forties to his fifties without a hint of a mid-life crisis*), <Причины есть силы / Causes are forces> (*He got a head start in his life*), <Цели есть пункты назначения / Purposes are destinations> (*I can't even seem to get where I want to be in life*) и пр. [Evans & Green 2006: 299]. Метафорическое картирование, при котором в коррелятивном домене отслеживается только одно событие, структурно проецируемое на референтный домен, можно назвать **конгруэнтным картированием**. Его результатом становится одна концептуальная структурная метафора, для которой и выводится определенная обобщенная (схемная) формула.

Однако во множественных языковых данных нередки случаи **неконгруэнтного картирования**, при котором проекция коррелятивного домена на референтный домен сопровождается метафорическим сопоставлением разных событий (каждое из которых имеет свою структуру) и, как следствие, образованием не одной, а нескольких автономных концептуальных структурных метафор. Это имеет место, когда:

- а) один и тот же концепт в референтном домене соотносится с разными концептами коррелятивного домена, и это соотношение несовместимо в рамках одной корреляции. Например, при наличии метафорической связки «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА (референтный домен) есть ПУТЬ (коррелятивный домен)» под нее могут быть подведены конкретные МВ *его постоянно сопровождают невзгоды* (где невзгоды есть «попутчик идущего») и *он вынужден преодолевать невзгоды* (где невзгоды есть «препятствия на пути»). Поскольку жизненные невзгоды не могут быть «попутчиком» и «препятствием» в одном и том же коррелятивном событии, метафорическая связка в данном случае требует двух концептуальных метафор, передаваемых обобщенными формулами «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА есть ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ» (где невзгоды могут быть «попутчиком») и «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА есть ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ НА ПУТИ» (где невзгоды есть «препятствия»);
- б) один и тот же концепт в коррелятивном домене соотносится с разными смежными концептами определенного референтного домена, и это соотношение несовместимо в рамках одной корреляции. Например, в референтном домене ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА идентифицируются концепты КАРЬЕРА и ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, оба из которых могут быть осмыслены как ПУТЬ (*они далеко ушли в своей профессии; они далеко зашли в своих отношениях*). Со всей очевидностью, здесь необходимы две метафорические формулы «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ В ПРОФЕССИИ есть ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ» и «УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ есть ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ».

Неконгруэнтное картирование требует спецификации, расщепления формульной схемы концептуальной метафоры на несколько подсхем, несколько концептуальных метафор в пределах одной связки между референтным и коррелятивным доменами.

3.2. Выведение перечня концептуальных метафор (по формульным схемам) для каждого референтного домена; установление типичности этих метафор для референта (по количеству МВ, то есть по их номинативной плотности).

3.3. Понятийное соотнесение составляющих референтного и коррелятивного доменов концептуальной метафоры, развертывание ее обобщенной формулы в **формульное описание**, соответствующее «структурной метафоре события» при конгруэнтном картировании.

4. Анализ **связи референтной сферы с коррелятивной**: (а) установление метафорического диапазона для каждого референтного домена / концепта – по количеству проектируемых на него коррелятивных доменов / концептов; (б) определение степени метафоризации референтных доменов и концептов – по количеству МВ и объему метафорического диапазона.
5. Анализ **связи коррелятивной сферы с референтной**: (а) установление метафорического спектра для каждого коррелятивного домена / концепта – по количеству референтных доменов / концептов, на которые он проектируется; (б) определение метафорического потенциала каждого коррелятивного домена / концепта – по количеству и объему метафорического спектра. Метафорический потенциал связан с лингвокультурным и дискурсивным факторами: коррелятивные домены, имеющие высокий метафорический потенциал, могут не совпадать в разных культурах и в разных тематически гомогенных коммуникативных практиках.

Апробированная ранее на различном дискурсивно когерентном материале, изложенная выше комплексная методика анализа концептуальных метафор, представленных множественными МВ, определяет ход и данного исследования, осуществляемого в два этапа.

На **первом этапе** МВ, выявленные в речах каждого из президентов, Б. Обамы и В. Путина, рассматриваются в соответствии с такой процедурой:

- МВ, с учетом их значений, распределяются на тематические группы, соответствующие референтным доменам «своя страна – АМЕРИКА / РОССИЯ», «ЭКОНОМИКА» и «ПОЛИТИКА»; в составе доменов идентифицируются концепты (связи между ними остаются имплицитными, то есть используется матричная модель домена);
- у МВ, именующих каждый из референтных доменов, определяются корреляты, которые далее тематически группируются в коррелятивные домены;
- выводятся формульные схемы концептуальных метафор, связанных с референтным доменом; формульные схемы разворачиваются в формульные описания, которые демонстрируют особенности перекрестного картирования референтного и коррелятивного доменов; устанавливается типичность концептуальных метафор для каждого из референтных доменов;
- референтные домены анализируются на предмет их метафорического диапазона и степени метафоризации; коррелятивные домены анализируются на предмет их метафорического спектра и метафорического потенциала.

На **втором этапе** системы концептуальных метафор, выявленные в речах Б. Обамы и В. Путина и проанализированные в указанном выше порядке, сравниваются между собой, и по результатам сравнения делаются выводы относительно мировоззренческих ориентиров, которые, будучи представлены в речах политических лидеров, отображают суть идеологического противостояния между Америкой и Россией.

Концептуальные метафоры в речах Б. Обамы

В публичных речах Б. Обамы было выявлено 195 МВ (см. обработку языкового материала в Приложении А), тематически соотнесенных с анализируемыми референтными доменами АМЕРИКА (15 МВ – 7,7%), ЭКОНОМИКА (68 МВ – 34,9%) и ПОЛИТИКА (112 МВ – 57,4%). По количественным показателям – плотности МВ – наиболее проминантным является домен ПОЛИТИКА. Домены конституируются одним или более концептами, задействованными в образовании ряда концептуальных метафор (КМ), типичность которых определяется по количеству МВ, именующих домены.

Референтный домен АМЕРИКА (15 МВ) представлен концептом «Америка», фигурирующим в двух КМ с такой разверткой метафорических схем (здесь и далее см. примеры в Приложении А):

- (типловая) КМ «АМЕРИКА есть ЧЕЛОВЕК» (13 МВ): сильный, успешный человек; то, что дает человеку силы /ДЕМОКРАТИЯ/; человек-лидер, получивший достойное наследство /СВОБОДУ/ и выучивший урок /ОПЫТ ПРОШЛОГО/; человек, стоящий рядом с друзьями /ДРУГИМИ СТРАНАМИ/ и разделяющий с ними свои дающие силу ценности /ДЕМОКРАТИЮ/; человек, который не стоит в стороне, когда на другого /УКРАИНУ, ее суверенитет и территориальную целостность/ нападают; человек-донор, отдающий свою кровь /ПОМОЩЬ/ тем, кто в ней нуждается /БЕЖЕНЦАМ/;
- КМ «АМЕРИКА есть МАЯК» (2 МВ): маяк, который стоит на фундаменте /ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ/ и свет которого /РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЩЕСТВО/ показывает путь миру.

Референтный домен ЭКОНОМИКА (АМЕРИКИ) (68 МВ) включает концепт «Экономика», задействованный в шести КМ:

- (типловая) КМ «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ» (20 МВ): растение, которое кто-то /ВЛАСТИ США и ОБЩЕСТВО/ выращивает, применяя удобрения /ИНВЕСТИЦИИ, УВЕЛИЧИВАЮЩИЕСЯ ЗАРПЛАТЫ/; растение, которое быстро растет; средство /ТОРГОВЛЯ/, ускоряющее рост растения;
- (типловая) КМ «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» (19 МВ): путь, которым идет человек /НАЦИЯ/, преодолевая препятствия /КРИЗИСЫ/ и ускоряя шаг; шаги /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, которые делают на пути; цель, к которой идут /БЛАГОСОСТОЯНИЕ УРОВНЯ СРЕДНЕГО КЛАССА/ и которая для многих пока недостижима; тот, кто тормозит движение /УСТАРЕВШИЕ ЗАКОНЫ, ПРОИЗВОДСТВА/; старая ржавая лестница /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ/, по которой нельзя подняться вверх; тот /ВЛАСТИ США/, кто помогает двигаться вперед, предоставляя средства передвижения и средства защиты /НОВЫЕ КАРЬЕРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ/; путь, по которому человек /НАЦИЯ/ успешно идет вперед;
- (типловая) КМ «ЭКОНОМИКА есть ЧЕЛОВЕК» (13 МВ): человек, переживший падение в пропасть /ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС/ и выздоравливающий после него благодаря лекарству /ЭКОНОМИЧЕСКИМ МЕРАМ/; человек, возобновивший силы; сильный человек; человек, который идет вперед, ускоряя шаг;
- КМ «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ» (8 МВ): здание, стоящее на фундаменте /УСИЛИЯХ ОБЩЕСТВА, ЗНАНИЯХ/; здание, которое строят, восстанавливают и перестраивают; здание, ставшее надежным убежищем для всей семьи /НАЦИИ/; часть здания /РЫНОК/, открываемая ключом /СОГЛАШЕНИЕМ/;
- КМ «ЭКОНОМИКА есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ» (6 МВ): игровое поле, где игроки /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ/ играют по одинаковым правилам /ЗАКОНАМ/ и где должна быть вся команда /ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА/; игроки /МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ/, которые изменяют правила игры;
- КМ «ЭКОНОМИКА есть СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО» (2 МВ): спасательное

средство, поднимающее людей из пропасти /ОБНИЩАНИЯ/; спасательное средство /ЭКОНОМИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА СРЕДНИЙ КЛАСС/, которое двигают вперед.

Референтный домен **ПОЛИТИКА** (112 МВ) включает четыре концепта – «Политика» (86 МВ), «Политическая система» (16 МВ), «Политический союз» (7 МВ) и «Мир» (3 МВ), – представленные восемью концептуальными метафорами:

- (типовая) КМ «ПОЛИТИКА есть БОРЬБА» (51 МВ): борьба за ценности /БЛАГОСОСТОЯНИЕ АМЕРИКИ И МИРА, ДЕМОКРАТИЮ, ОБРАЗОВАНИЕ/; борьба с врагом /ТЕРРОРИЗМОМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЕЙ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА, БОЛЕЗНЯМИ, БЕДНОСТЬЮ/, который тянет человечество в темень; доспехи и оружие /ЗАКОНЫ, МЕРЫ, САНКЦИИ/, используемые в борьбе; тот, кто возглавляет борьбу /АМЕРИКА/; союзники в борьбе /ДРУГИЕ СТРАНЫ/;
- (типовая) КМ «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» (31 МВ): путь /ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА/, которым человек /АМЕРИКА/ шел вперед раньше и идет теперь; которым человек /АМЕРИКА, ЕЁ РУКОВОДСТВО/ идет вперед по поручению общества /НАРОДА АМЕРИКИ/; которым человек /АМЕРИКА/ идет вперед к цели /БЛАГОСОСТОЯНИЮ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ, РЕШЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ/; вехи на пути /МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ/; те /ДРУГИЕ СТРАНЫ/, кто присоединяется к человеку /АМЕРИКЕ/, идущему к своей цели; путь, который расширяют; путь /УСПЕШНАЯ ПОЛИТИКА/, который не является легким и прямым, на котором есть заторы; факел /ВЕРА В ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ/, который несут те /СТРАНЫ МИРА/, кто идет впереди; путь, который должен вести только вперед /ПОЛИТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА/, а не назад /ПОЛИТИКА КОНФЛИКТОВ И НАСИЛИЯ/; те /СТРАНЫ МИРА/, кто, объединившись, идут вперед правильным путем /ПОЛИТИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА/; те /ДРУГИЕ СТРАНЫ (Иран, Россия), ИХ ЛИДЕРЫ/, кто выбирает неправильный путь /ПОЛИТИКУ НАСИЛИЯ И НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЗАКОНОВ/ и кого изолируют;
- КМ «ПОЛИТИКА есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ» (3 МВ): игровое поле, где играют игроки /СТРАНЫ МИРА/, возглавляемые капитаном /АМЕРИКОЙ, ЕЁ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ/, ведущим к победе;
- КМ «ПОЛИТИКА есть КНИГА» (1МВ): книга, главы которой /ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУРСЫ/ пишут политики;
КМ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть ЗДАНИЕ» (16 МВ): здание /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, которое возводит строитель /АМЕРИКА, ДРУГИЕ СТАНЫ/; которое имеет краеугольный камень /НАТО, ОТНОШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ/; для которого создают опоры /ДОВЕРИЕ, ПОМОЩЬ, ВОЗМОЖНОСТИ, ИДЕАЛЫ, ЗАКОНЫ/; которое укрепляют; здание /ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ/, которому придает крепость фундамент /ВЗАИМОПОНИМАНИЕ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ/; хрупкое здание /НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ/, которое рушится;
- КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЗДАНИЕ» (4 МВ): здание /ООН/, заложенное строителями /ПРЕДЫДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ/ и имеющее фундамент /ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ/, который может проржаветь;
- КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЧЕЛОВЕК» (3 МВ): сильный, крепкий человек /НАТО/, имеющий центральный орган – сердце /АМЕРИКУ/;
- КМ «МИР есть СЕТЬ» (3 МВ): сеть, имеющая узлы /СТРАНЫ/ и связи между ними /ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/, которые выковывают кузнецы /НАЦИИ/.

Референтные домены демонстрируют различную степень метафоризации, что зависит от их метафорического диапазона (числа коррелятивных доменов) и количества МВ (табл. 1).

**Концептуальные метафоры в речах Б. Обамы:
референтные домены и концепты**

Референтные домены и концепты	Кол-во МВ	%	Метафорический диапазон: корреляты	Кол-во МВ	%
АМЕРИКА Америка	15 15	7,7 7,7	Америка есть ЧЕЛОВЕК Америка есть МАЯК	15 13 2	7,7 6,7 1,0
ЭКОНОМИКА Экономика	68 68	34,9 34,9	Экономика есть РАСТЕНИЕ Экономика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ Экономика есть ЧЕЛОВЕК Экономика есть ЗДАНИЕ Экономика есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ Экономика есть СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО	68 20 19 13 8 6 2	34,9 10,3 9,8 6,7 4,1 3,0 1,0
ПОЛИТИКА Политика	112 86	57,4 44,1	Политика есть БОРЬБА (со злом, за блага) Политика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ Политика есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ Политика есть КНИГА	112 51 31 3 1	57,4 26,2 15,9 1,5 0,5
Политическая система	16	8,2	Политическая система есть ЗДАНИЕ	16	8,2
Политический союз	7	3,6	Политический союз есть ЗДАНИЕ Политический союз есть ЧЕЛОВЕК	4 3	2,1 1,5
Мир	3	1,5	Мир есть СЕТЬ	3	1,5
Всего	195	100		195	100

Наибольшую степень метафоризации имеет референтный домен ПОЛИТИКА (57,4% МВ, семичленный метафорический диапазон). Высокая степень метафоризации присуща домену ЭКОНОМИКА (34,9% МВ, шестичленный диапазон). Степень метафоризации домена АМЕРИКА остается невысокой (7,7% МВ, двучленный диапазон).

Коррелятивные домены, задействованные в образовании метафор, наделены разным метафорическим потенциалом, определяемым по объему метафорического спектра (количеству концептов, представляющих референтные домены) и по номинативной плотности коррелятивного домена (табл. 2).

По результатам анализа, в корпусе данных наибольший метафорический потенциал имеют коррелятивные домены ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (26,7% МВ, двучленный спектр) и БОРЬБА (25,6% МВ, одночленный спектр). Средний метафорический потенциал демонстрируют коррелятивные домены ЧЕЛОВЕК (14,9% МВ, трехчленный спектр), ЗДАНИЕ (14,4% МВ, трехчленный спектр), РАСТЕНИЕ (10,3% МВ, одночленный спектр). Прочие коррелятивные домены имеют сравнительно низкий метафорический потенциал.

**Концептуальные метафоры в речах Б. Обамы:
коррелятивные домены**

Коррелятивные домены	Кол-во МВ	%	Метафорический спектр: референтные концепты	Кол-во МВ	%
ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ	52	26,7	Политика Экономика	32 20	16,4 10,3
БОРЬБА (со злом, за блага)	50	25,6	Политика	50	25,6
ЧЕЛОВЕК	29	14,9	Экономика Америка Политический союз	13 13 3	6,7 6,7 1,5
ЗДАНИЕ	28	14,4	Политическая система Экономика Политический союз	16 8 4	8,2 4,1 2,1
РАСТЕНИЕ	20	10,3	Экономика	20	10,3
ИГРОВОЕ ПОЛЕ	9	4,6	Экономика Политика	6 3	3,1 1,5
СЕТЬ	3	1,5	Мир	3	1,5
МАЯК	2	1,0	Америка	2	1,0
КНИГА	1	0,5	Политика	1	0,5
СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО	1	0,5	Экономика	1	0,5
Всего	195	100		195	100

Концептуальные метафоры в речах В. Путина

В публичных речах В. Путина выявлены 158 МВ (см. обработку языкового материала в Приложении Б), тематически согласованные с референтными концептуальными доменами РОССИЯ (55 МВ – 34,8%), ЭКОНОМИКА (45 МВ – 28,5%) и ПОЛИТИКА (58 МВ – 36,7%). Более высокую номинативную плотность МВ имеют домены ПОЛИТИКА и РОССИЯ. Домены включают концепты, участвующие в образовании концептуальных метафор, среди которых есть типовые для каждого из референтных доменов.

Референтный домен **РОССИЯ** (55 МВ) представлен концептами – «Россия» (25 МВ), «История России» (19 МВ) и «Историческая память» (11 МВ), – явленными в восьми концептуальных метафорах с такой разверткой метафорических схем (здесь и далее см. примеры в Приложении Б):

- (типовая) КМ «РОСИЯ есть ЗДАНИЕ» (16 МВ): здание, имеющее фундамент /МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ И МНОГОКОНФЕССИАЛЬНОСТЬ НАРОДА/; здание-дом, которое заложил и обустроил строитель /ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР/ – отец семьи /РУССКОЙ НАЦИИ/; дом, который ныне укрепляют, обустривают и защищают его сплоченные обитатели /ГРАЖДАНЕ РОССИИ/; дом семьи /НАРОДОВ РОССИИ/, где поддерживают братьев /КРЫМ/ и приветствуют их возвращение под родной кров; доброжелательный дом, открытый для друзей /СТРАН-ПАРТНЕРОВ/;
- КМ «РОСИЯ есть ЧЕЛОВЕК» (8 МВ): человек, который будет идти вперед, нейтрализуя угрозы и преодолевая препятствия /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ/, создаваемые им самим или же недружелюбными соседями /ДРУГИМИ СТРАНАМИ/;

человек, который внес большой вклад /ПОБЕДУ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ/ в мировую сокровищницу; честный человек, которого другие /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ несправедливо обвиняют в наличии амбиций; человек, к разумным мыслям которого другие /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ не прислушиваются;

- КМ «РОСИЯ есть РАСТЕНИЕ» (1 МВ): растение, имеющее глубокие корни /ИСТОРИЮ, ДУХОВНОСТЬ/;
- КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» (9 МВ): путь, где существуют ключевые повороты, этапы, места и важные вехи /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ (Крещение, битва Александра Невского, присоединение Крыма)/; тот /НАРОД РОССИИ/, кто идет по пути, преодолевая трудности и препятствия; то /ПОБЕДА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ/, что в пути было украдено злодеями /ПРЕДАТЕЛЯМИ/; тот /НАРОД РОССИИ/, кто ныне идет по пути вперед к своей цели и имеет опору /ОПЫТ ПРОШЛОГО/;
- КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть КНИГА» (6 МВ): книга-летопись, страницы которой ныне собирают; книга, в которой вычеркнули страницы /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ (Первую мировую войну)/; в которой некоторые страницы /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ (Первую мировую войну)/ только сейчас открывают; в которой некоторые страницы /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ (Вторую мировую войну)/ пытаются переписать;
- КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть ЗДАНИЕ» (4 МВ): здание, части которого /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ/ восстанавливают и объединяют друг с другом.
- КМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ есть ЦЕННОСТЬ» (9 МВ): ценность, которую берегают и передают по наследству; ценность, излучающая свет, которую ставят на пьедестал;
- КМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ есть ИСТОЧНИК» (2 МВ): источник, который питает членов одной семьи /НАРОДЫ РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ/.

Референтный домен **ЭКОНОМИКА** (РОССИИ) (45 МВ) представлен концептом «Экономика», задействованным в четырех концептуальных метафорах:

- (типová) КМ «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ» (20 МВ): здание, которое имеет достаточную прочность; здание, которое укрепляют, стабилизируют; открытое здание; механизмы, инструменты /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, необходимые для укрепления здания; механизмы /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, которые запускают;
- КМ «ЭКОНОМИКА есть ТЕРРИТОРИЯ» (8 МВ): территория /ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ РЫНКИ/, которую завоёвывают, осваивают и расширяют; территория /МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА/, разделенная демаркационными линиями; территория /МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛОВ/, куда кому-то /РОССИИ/ ограничен доступ;
- КМ «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ» (1 МВ): растение, которое кто-то /РОССИЯ/ должен вырастить;
- (типová) КМ «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» (16 МВ): путь, имеющий различные направления /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ, СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ/; путь с препятствиями /НЕГАТИВНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ/, которые следует устранять; путь, по которому следует идти вперед; тот, кто идет впереди /РЕГИОНЫ/; то, что способствует движению вперед /ОБОРОННАЯ ОТРАСЛЬ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ/; шаги /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ/, которые уже сделали и которые следует сделать.

Референтный домен **ПОЛИТИКА** (58 МВ) содержит четыре концепта – «Политика» (36 МВ), «Политическая система» (4 МВ), «Политический союз» (7 МВ) и «Мир» (11 МВ), – участвующих в образовании десяти концептуальных метафор:

- (типová) КМ «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» (14 МВ): путь, имеющий различные направления и подходы /ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ, КОНЦЕПЦИИ, КУРСЫ/; путь, которым люди /СТРАНЫ МИРА/ идут к конечной цели

/БЛАГОПОЛУЧИЮ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ/; ориентиры /БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ/, значимые вехи /МЕЖДУНАРОДНЫЕ САММИТЫ/ на пути к цели; то /ДОБРАЯ ВОЛЯ, ДИАЛОГ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, чем вымощен путь; путь, на котором попутчики /СТРАНЫ-ПАРТНЕРЫ/ ускоряют шаг; путь, которым что-то /ИДЕИ, ИНИЦИАТИВЫ/ продвигают вперед; средства /МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ/, ускоряющие движение по пути; путь, которым кто-то /РОССИЯ/ идет прямо, а кто-то /СТРАНЫ, НЕ СОГЛАСНЫЕ С ПОЛИТИКОЙ РОССИИ/ идет в обход; тот /ДРУГАЯ СТРАНА (Украина), ЕЁ РУКОВОДСТВО/, кто выбирает ложный путь /НЕПРАВИЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ/;

- (типовая) КМ «ПОЛИТИКА есть БОРЬБА» (11 МВ): борьба, которая ведется с врагом /ТЕРРОРИЗМОМ, БЕЗЗАКОННИЕМ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА/; оружие /СМИ, ИНФОРМАЦИЯ/, используемое врагом в борьбе; механизм /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)/, обеспечивающий безопасность;
- КМ «ПОЛИТИКА есть ЗДАНИЕ» (5 МВ): здание /МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА/, имеющее фундамент, основу /МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО/; механизм, инструмент /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (ШОС); СОВЕЩАНИЯ/, с помощью которого строят здание;
- КМ «ПОЛИТИКА (ЗАПАДА) есть НЕЧЕСТНАЯ ИГРА» (4 МВ): игра, где кто-то /СТРАНЫ ЗАПАДА/ манипулируют объектами /СЛОВАМИ, ГРУППИРОВКАМИ ЭКСТРЕМИСТОВ/; чужая игра на шахматной доске /ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ/; игра, правила которой кто-то /СТРАНЫ ЗАПАДА/ переписывают в угоду избранным /США, ВЕДУЩИМ СТРАНАМ ЕВРОПЫ/;
- КМ «ПОЛИТИКА (ЗАПАДА) есть НЕЧЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ» (2 МВ): товар /РЕВОЛЮЦИИ/, который кто-то /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ незаконно экспортирует; товар /ПРАВДА/, на распространение которого кто-то /НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ (США и их союзники)/ устанавливает монополию;
- КМ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть ЗДАНИЕ» (4 МВ): здание-пирамида /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, на вершине которого сидят те /США/, кто считает себя самым сильным; здание /ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ (Ливии)/, которое рушится и которое следует восстановить и укрепить;
- КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЗДАНИЕ» (7 МВ): здание /ООН/, стоящее на фундаменте /ДОБРОЙ ВОЛЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ЧЕСТНОСТИ/; здание /ООН/, расшатывание которого опасно; здание /ООН, ШОС/, которое следует укреплять; здание /НАТО/, расширение которого опасно;
- КМ «МИР есть ЗДАНИЕ» (6 МВ): здание, имеющее фундамент /СХОЖИЕ ЦЕННОСТИ/; хрупкое здание, которое следует беречь; здание /МИР, ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО/, которое должно быть спокойным и материально благополучным домом; средство для сохранения дома /ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (Ялтинская система)/;
- КМ «МИР есть СЕТЬ / ЦЕПЬ» (4 МВ): сеть, имеющая узлы /СТРАНЫ/ и связи между ними /ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/, которые следует укреплять и восстанавливать; сломанное звено /СТРАНА (Украина)/ цепи /СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА/;
- КМ «МИР есть ПОЛЕ РАСТЕНИЙ» (1 МВ): поле, растения /СТРАНЫ/ которого имеют разные корни /КУЛЬТУРУ, ИСТОРИЮ/.

Среди **референтных доменов** наибольшую степень метафоризации (табл. 3) демонстрируют домены ПОЛИТИКА (36,7% МВ, семичленный метафорический диапазон) и РОССИЯ (34,8%, семичленный диапазон). Домен ЭКОНОМИКА имеет среднюю степень метафоризации (28,5% МВ, четырехчленный диапазон).

**Концептуальные метафоры в речах В. Путина:
референтные домены и концепты**

Референтные домены и концепты	Кол-во МВ	%	Метафорический диапазон: корреляты	Кол-во МВ	%
РОСИЯ	55	34,8		55	34,8
Россия	25	15,8	Россия есть ЗДАНИЕ	16	10,1
			Россия есть ЧЕЛОВЕК	8	5,1
			Россия есть РАСТЕНИЕ	1	0,6
История России	19	12,0	История России есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ	9	5,7
			История России есть КНИГА	6	3,8
			История России есть ЗДАНИЕ	4	2,5
Историческая память	11	7,0	Историческая память есть ЦЕННОСТЬ	9	5,7
			Историческая память есть ИСТОЧНИК	2	1,3
ЭКОНОМИКА	45	28,5		45	28,5
Экономика	45	28,5	Экономика есть ЗДАНИЕ	20	12,7
			Экономика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ	16	10,1
			Экономика есть ТЕРРИТОРИЯ	8	5,1
			Экономика есть РАСТЕНИЕ	1	0,6
ПОЛИТИКА	58	36,7		58	36,7
Политика	36	22,9	Политика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ	14	8,9
			Политика есть БОРЬБА	11	7,0
			Политика есть ЗДАНИЕ	5	3,2
			Политика (Запада) есть НЕЧЕСТНАЯ ИГРА	4	2,5
Политическая система	4	2,5	Политика (Запада) есть НЕЧЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ	2	1,3
			Политическая система есть ЗДАНИЕ	4	2,5
Политический союз	7	4,4	Политический союз есть ЗДАНИЕ»	7	4,4
Мир	11	6,9	Мир есть ЗДАНИЕ	6	3,8
			Мир есть СЕТЬ / ЦЕПЬ	4	2,5
			Мир есть ПОЛЕ РАСТЕНИЙ	1	0,6
Всего	158	100		158	100

Коррелятивные домены, проецируемые на референтное пространство, имеют разный метафорический потенциал (табл. 4). Наибольший метафорический потенциал демонстрирует домен ЗДАНИЕ (39,1% МВ, семичленный спектр). Достаточно высокий метафорический потенциал имеет домен ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (24,6% МВ, трехчленный спектр). Метафорический потенциал прочих коррелятивных доменов сравнительно невысок, хотя он несколько повышается у домена БОРЬБА (7,0% МВ, одночленный спектр).

**Концептуальные метафоры в речах В. Путина:
коррелятивные домены**

Коррелятивные домены	Кол-во МВ	%	Метафорический спектр: референтные домены	Кол-во МВ	%
ЗДАНИЕ	62	39,2	Экономика	20	12,6
			Россия	16	10,1
			Политический союз	7	4,5
			Мир	6	3,8
			Политика	5	3,2
			Политическая система	4	2,5
			История России	4	2,5
ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ	39	24,6	Экономика	16	10,1
			Политика	14	8,9
			История России	9	5,6
БОРЬБА (со злом, за блага)	11	7,0	Политика	11	7,0
ЦЕННОСТЬ	9	5,7	Историческая память	9	5,7
ЧЕЛОВЕК	8	5,1	Россия	8	5,1
ТЕРРИТОРИЯ	8	5,1	Экономика	8	5,1
КНИГА	6	3,9	История России	6	3,9
ИГРА	4	2,5	Политика	4	2,5
СЕТЬ / ЦЕПЬ	4	2,5	Мир	4	2,5
РАСТЕНИЕ	3	1,8	Россия	1	0,6
			Мир	1	0,6
			Экономика	1	0,6
ИСТОЧНИК	2	1,3	Историческая память	2	1,3
ТОРГОВЛЯ	2	1,3	Политика	2	1,3
Всего	158	100		158	100

**Сравнительный анализ концептуальных метафор
в речах Б. Обамы и В. Путина**

Сравнительный анализ концептуальных метафор в речах президентов дан ниже по таким аспектам, как степень метафоризации референтов, метафорический потенциал коррелятивов, содержание сообщения как результата перекрестного картирования референтной и коррелятивной сфер.

Степень метафоризации референтов (доменов и концептов) связана с приоритетностью темы, содержание которой говорящий хочет донести до адресата – народа страны, возглавляемой президентом, а также международной общественности. В речах Б. Обамы и В. Путина такими темами являются АМЕРИКА / РОССИЯ (как страна в целом), ЭКОНОМИКА и ПОЛИТИКА. Сравнение характеристик, определяющих степень их метафоризации, дано в табл. 5.

**Референтные сферы концептуальных метафор
в речах Б. Обамы и В. Путина**

Барак Обама	Владимир Путин
<p>1. Референтный домен ПОЛИТИКА (57,4% МВ, семичленный диапазон) Референтные концепты: ПОЛИТИКА (44,1% МВ) ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (8,2% МВ) ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (3,6% МВ) МИР (1,5% МВ)</p>	<p>1. Референтный домен ПОЛИТИКА (36,7% МВ, семичленный диапазон) Референтные концепты: ПОЛИТИКА (22,9% МВ) МИР (6,9% МВ) ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (4,4% МВ) ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (2,5% МВ)</p>
<p>2. Референтный домен ЭКОНОМИКА (АМЕРИКИ) (34,9% МВ, шестичленный диапазон) Референтный концепт: ЭКОНОМИКА (34,9% МВ)</p>	<p>3. Референтный домен ЭКОНОМИКА (РОССИИ) (28,5% МВ, шестичленный диапазон) Референтный концепт: ЭКОНОМИКА (28,45% МВ)</p>
<p>3. Референтный домен АМЕРИКА (7,7% МВ, двучленный диапазон) Референтный концепт: АМЕРИКА (7,7% МВ)</p>	<p>2. Референтный домен РОССИЯ (34,8% МВ, семичленный диапазон) Референтные концепты: РОССИЯ (15,8% МВ) ИСТОРИЯ РОССИИ (12,0% МВ) ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ (7,0% МВ)</p>

По результатам анализа, речи Б. Обамы акцентируют темы ПОЛИТИКА и ЭКОНОМИКА с доминированием первой темы; в речах В. Путина акцентированность всех трех тем относительно сбалансирована, но при этом более проминантны ПОЛИТИКА и РОССИЯ, метафоризация которых почти одинакова.

Метафорическая репрезентация концептов референтных доменов также выявляет некоторые различия. В референтном домене ПОЛИТИКА у Б. Обамы второе и третье места занимают темы «Политическая система» и «Политический союз», а у В. Путина – темы «Мир» и «Политический союз» соответственно. В речах Б. Обамы тема АМЕРИКА (как страна в целом) имеет наименьшее метафорическое представление, поскольку фокус внимания переносится на ее конкретные аспекты – политику и экономику страны. В речах В. Путина тема РОССИЯ (как страна в целом) является метафорически проминантной и демонстрирует сдвиг акцента на историю России и память об этой истории (количество соответствующих МВ превышает половину МВ всего домена).

Метафорический потенциал коррелятов (доменов) дает представление о типичности образов, с помощью которых говорящий, освещая определенную тему, влияет на подсознание адресата. Такие образы отсылают прежде всего к самому человеку и его привычному повседневному бытию. В этом плане для рассматриваемого нами материала важен психологический феномен прайминга как косвенной, вторичной памяти, незаметно влияющей на поведение человека [Фексеус 2010: 36]. То есть, делая выбор между чем-то знакомым и незнакомым, человек подсознательно выбирает знакомое [там же: 38]. При этом эффективнее всего работают самые примитивные ассоциации, заложенные глубоко в нашем подсознании [Фексеус 2010: 71]. Подсознательная память формируется в результате повторений одной и той же информации, что обсуждается здесь и далее.

В концептуальных метафорах Б. Обамы и В. Путина фигурируют схожие корреляты (табл. 6, где коррелятивные домены выстроены по убыванию их метафорического потенциала и где схожие домены подчеркнуты), что обусловлено традиционным использованием соответствующих понятий в метафорических формах (МВ) языка политики в целом. В то же время, частотность использования этих форм, их предпочтительность, есть отличительная черта идиодискурса конкретного политика.

Таблица 6

**Коррелятивные сферы концептуальных метафор
в речах Б. Обамы и В. Путина**

Барак Обама	Володимир Путин
<u>ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ</u> (26,7% МВ; спектр: Политика, Экономика)	<u>ЗДАНИЕ / ДОМ</u> (39,2% МВ; спектр: Экономика, Россия, Политический союз, Мир, Политика, Политическая система, История России)
<u>БОРЬБА</u> (25,6% МВ; спектр: Политика)	<u>ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ</u> (24,6% МВ; спектр: Экономика, Политика, История России)
<u>ЧЕЛОВЕК</u> (14,9% МВ; спектр: Экономика, Америка, Политический союз)	<u>БОРЬБА</u> (7,0% МВ; спектр: Политика)
<u>ЗДАНИЕ</u> (14,4% МВ; спектр: Политическая система, Экономика, Политический союз)	<u>ЦЕННОСТЬ</u> (5,7% МВ; спектр: Россия)
<u>РАСТЕНИЕ</u> (10,3% МВ, спектр: Экономика)	ЧЕЛОВЕК (5,1% МВ; спектр: Россия)
ИГРОВОЕ ПОЛЕ (4,6% МВ; спектр: Экономика, Политика)	ТЕРРИТОРИЯ (5,1% МВ, спектр: Экономика)
МАЯК (1,5% МВ; спектр: Америка)	<u>КНИГА</u> (3,9% МВ; спектр: История России)
<u>СЕТЬ</u> (1,0% МВ; спектр: Мир)	НЕЧЕСТНАЯ ИГРА (2,5% МВ; спектр: Политика)
<u>КНИГА</u> (0,5% МВ; спектр: Политика)	<u>СЕТЬ / ЦЕПЬ</u> (2,5% МВ; спектр: Политика)
СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (0,5% МВ; спектр: Экономика)	<u>РАСТЕНИЕ</u> (1,8% МВ; спектр: Россия, Экономика, Политика)
	ИСТОЧНИК (1,3% МВ; спектр: Россия)
	НЕЧЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ (1,3% МВ; спектр: Политика)

Как следует из табл. 6, система приоритетных коррелятов (в таблице даны наклоном) в метафорах Б. Обамы имеет такую последовательность: ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (26,7% МВ, 2 референта) – БОРЬБА (25,6% МВ, 1 референт) – ЧЕЛОВЕК (14,4% МВ, 3 референта) – ЗДАНИЕ (14,9% МВ, 2 референта) – РАСТЕНИЕ (10,3% МВ, 1 референт). В целом же типовая образная система рисует прежде всего человека (коллектив людей), который движется / идет вперед по пути и борется с преградами, чтобы достичь цели.

На следующем по значимости месте стоит образ человека (коллектива людей), который строит дом и выращивает растения (в росте которых также присутствует движение). Система типовых коррелятов понятийно поддерживается рядом коррелятов с невысоким метафорическим потенциалом. Так, коррелят ИГРОВОЕ ПОЛЕ дополняет идею движения идеей его слаженности, согласованности, а коррелят МАЯК добавляет к понятию здания представление о том, что оно излучает свет, который в ночи указывает дорогу путнику.

В концептуальных метафорах В. Путина порядок типовых метафорических коррелятов имеет вид: **ЗДАНИЕ / ДОМ** (39,1% МВ, 7 референтов) – **ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ** (24,7% МВ, 3 референта) – **БОРЬБА** (7,0% МВ, 1 референт). То есть, на первом месте стоит образ здания-дома, которое строят и в котором живут члены семьи, а на втором месте – путь, которым человек (коллектив людей) идет к своей цели. При этом понятие борьбы с преградами остается сравнительно слабо активированным. Коррелятивными понятиями с невысоким метафорическим потенциалом, согласуемыми с системой типовых коррелятов, являются **ЧЕЛОВЕК** и **ТЕРРИТОРИЯ**. Первое соотносится с обитателями дома и теми, кто движется по пути, второе имплицитно движение, связанное с освоением территорий. В итоге можно сделать вывод о том, что понятийно образная система Б. Обамы более динамична, а образная система В. Путина более статична.

Перекрестное картирование референтной и коррелятивной сфер в концептуальных метафорах двух политиков может быть сопоставлено в таких планах: образуемые в результате картирования схемные метафорические формулы (концептуальные метафоры); особенности их развертки в формульных описаниях; ключевые идеологические концепты таких описаний.

Схемные формулы концептуальных метафор реализуются различным количеством МВ (в том числе повторяющихся), что отражает их типичность для каждого из политиков (табл. 7). По данным сравнительного анализа типовых, наиболее часто используемых концептуальных метафор, при описании Америки как страны в целом Б. Обама чаще всего использует формулу «АМЕРИКА есть ЧЕЛОВЕК», а В. Путин, описывая Россию, прибегает к формуле «РОССИЯ есть ЗДАНИЕ / ДОМ». Экономика в речах Б. Обамы представлена типовой формулой «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ (которое растет)», а в речах В. Путина – типовой формулой «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ (которое строят)». Кроме того, оба президента используют типовую формулу «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (к цели)». В освещении политики типовыми КМ в речах обоих президентов являются «ПОЛИТИКА есть БОРЬБА (со злом, за благо)» и «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (к цели)», при этом в речах Б. Обамы доминирует первая, а в речах В. Путина – вторая КМ.

В итоге, к наиболее проминантным КМ в речах Б. Обамы относятся «ПОЛИТИКА есть БОРЬБА (со злом, за благо)» (26,2% МВ), «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (к цели)» (15,9% МВ), «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ (которое растет)» (10,3%), «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (к цели)» (9,8%). Наиболее употребимыми КМ в речах В. Путина являются «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ (которое строят)» (12,7% МВ), «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (к цели)» (10,1%), «РОССИЯ есть ЗДАНИЕ / ДОМ» (10,1% МВ).

**Сравнение формул концептуальных метафор
в речах Б. Обамы и В. Путина**

Барак Обама	Владимир Путин
<p>АМЕРИКА (2 КМ) <u>Америка есть ЧЕЛОВЕК (6,7%)</u> Америка есть МАЯК (1,0%)</p>	<p>РОССИЯ (7 КМ) Россия есть ЗДАНИЕ (10,1%) История России есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (5,7%) Историческая память есть ЦЕННОСТЬ (5,1%) Россия есть ЧЕЛОВЕК (5,1%) История России есть КНИГА (3,8%) История России есть ЗДАНИЕ (2,5%) Историческая память есть ИСТОЧНИК (1,3%) Россия есть РАСТЕНИЕ (0,6%)</p>
<p>ЭКОНОМИКА (6 КМ) <u>Экономика есть РАСТЕНИЕ (10,3%)</u> <u>Экономика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (9,8%)</u> Экономика есть ЧЕЛОВЕК (6,7%) Экономика есть ЗДАНИЕ (4,1%) Экономика есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ (3,0%) Экономика есть СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (1,0%)</p>	<p>ЭКОНОМИКА (4 КМ) <u>Экономика есть ЗДАНИЕ (12,7%)</u> <u>Экономика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (10,1%)</u> Экономика есть ТЕРРИТОРИЯ (5,1%) Экономика есть РАСТЕНИЕ (0,6%)</p>
<p>ПОЛИТИКА (8 КМ) <u>Политика есть БОРЬБА (26,2%)</u> <u>Политика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (15,9%)</u> <u>Политическая система есть ЗДАНИЕ (8,2%)</u> <u>Политический союз есть ЗДАНИЕ (2,1%)</u> Политический союз есть ЧЕЛОВЕК (1,5%) Политика есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ (1,5%) <u>Мир есть СЕТЬ (1,5%)</u> Политика есть КНИГА (0,5%)</p>	<p>ПОЛИТИКА (10 КМ) <u>Политика есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ (8,9%)</u> Политика есть БОРЬБА (7,0%) <u>Политический союз есть ЗДАНИЕ (4,4%)</u> Мир есть ЗДАНИЕ (3,8%) Политика есть ЗДАНИЕ (3,2%) <u>Политическая система есть ЗДАНИЕ (2,5%)</u> Политика (Запада) есть ИГРА (2,5%) <u>Мир есть СЕТЬ / ЦЕПЬ (2,5%)</u> Политика (Запада) есть (нечестная) ТОРГОВЛЯ (1,3%) Мир есть ПОЛЕ РАСТЕНИЙ (0,6%)</p>

В речах Б. Обамы и В. Путина отслеживаются девять КМ, имеющих идентичные схемные формулы (в табл. 7 подчеркнуты). Однако результат их развертки в *формульные описания* и заполнение последних выявляет понятийные отличия:

1. СВОЯ СТРАНА есть ЧЕЛОВЕК

АМЕРИКА – Б. Обама (13 МВ): сильная, успешная СТРАНА, которой дает силы ДЕМОКРАТИЯ; СТРАНА-лидер, получившая в наследство СВОБОДУ и выучившая уроки ПРОШЛОГО; СТРАНА, которая стоит рядом с дружественными СТРАНАМИ, разделяющими с нею дающие силу ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ценности, и которая не остается в стороне, когда на другую СТРАНУ (УКРАИНУ, ее суверенитет и целостность) нападают; СТРАНА-донор, дающая ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ.

РОССИЯ – В. Путин (8 МВ): СТРАНА, которая будет идти вперед, нейтрализуя угрозы и преодолевая ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ,

создаваемые ею самую или же ДРУГИМИ недружелюбными СТРАНАМИ; СТРАНА, вкладом которой в мировую историю стала ПОБЕДА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ; честная СТРАНА, которую ДРУГИЕ СТРАНЫ несправедливо обвиняют в наличии амбиций и к разумным мыслям которой не прислушиваются.

2. ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ

Б. Обама (20 МВ): ЭКОНОМИКА (АМЕРИКИ) быстро растет, для чего ВЛАСТИ США и ОБЩЕСТВО используют ИНВЕСТИЦИИ, УВЕЛИЧЕНИЕ ЗАРПЛАТ; росту ЭКОНОМИКИ способствует ТОРГОВЛЯ.

В. Путин (1 МВ): РОССИЯ должна обеспечить рост ЭКОНОМИКИ.

3. ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ

Б. Обама (19 МВ): АМЕРИКА, успешно идя вперед /РАЗВИВАЯСЬ/ по пути ЭКОНОМИКИ, преодолевает КРИЗИСЫ и ускоряет шаг; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ суть шаги, которые делают на пути к цели – БЛАГОСОСТОЯНИЮ УРОВНЯ СРЕДНЕГО КЛАССА, которое для многих пока недостижимо; движение /РАЗВИТИЕ/ АМЕРИКИ на пути ЭКОНОМИКИ тормозят УСТАРЕВШИЕ ЗАКОНЫ и ПРОИЗВОДСТВА, заржавевшие ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ не дают подняться вверх; ВЛАСТИ США помогают СТРАНЕ двигаться вперед благодаря предоставлению НОВЫХ КАРЬЕРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, защищающих ГРАЖДАН.

В. Путин (16 МВ): РАЗВИТИЕ РОССИИ на пути ЭКОНОМИКИ имеет различные направления в ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТРАСЛЯХ и СФЕРАХ УПРАВЛЕНИЯ, где существуют НЕГАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, которые следует устранять; движение в ЭКОНОМИКЕ возглавляют РЕГИОНЫ, ему способствуют ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ и РАЗВИТИЕ ОБОРОННОЙ ОТРАСЛИ; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ есть те шаги, которые уже сделали и которые следует сделать.

4. ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ

Б. Обама (8 МВ): основой ЭКОНОМИКИ являются УСИЛИЯ ОБЩЕСТВА и ЗНАНИЯ; ЭКОНОМИКА (АМЕРИКИ) строится, восстанавливается, дабы быть надежной для НАЦИИ; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ открывают (новые) РЫНКИ.

В. Путин (20 МВ): ЭКОНОМИКА (РОССИИ) имеет достаточную прочность; ее укрепляют и стабилизируют; она открыта (ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА); для укрепления ЭКОНОМИКИ нужны ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ – инструментарий и механизмы, которые запускаются и которые следует запустить.

5. ПОЛИТИКА есть БОРЬБА

Б. Обама (51 МВ): ПОЛИТИКА есть борьба за БЛАГОСОСТОЯНИЕ АМЕРИКИ И МИРА, ДЕМОКРАТИЮ, ОБРАЗОВАНИЕ, борьба с ТЕРРОРИЗМОМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЕЙ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА, БОЛЕЗНЯМИ, БЕДНОСТЬЮ, которые тянут человечество в темень; в этой борьбе используются ЗАКОНЫ, МЕРЫ и САНКЦИИ; АМЕРИКА возглавляет борьбу, имея ДРУГИЕ СТРАНЫ в качестве союзников.

В. Путин: (11 МВ): ПОЛИТИКА есть борьба с ТЕРРОРИЗМОМ, БЕЗЗАКОННИЕМ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА; в этой борьбе СМИ, ИНФОРМАЦИЯ становятся оружием врага ИНФОРМАЦИОННОЙ войне; обеспечить безопасность можно с помощью ШОС (Шанхайской организации сотрудничества).

6. ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ

Б. Обама (31 МВ): ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА есть путь, которым АМЕРИКА, ЕЁ РУКОВОДСТВО шли вперед раньше и идут теперь по поручению общества; целью этого пути является БЛАГОСОСТОЯНИЕ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ, РЕШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ; вехами на пути становятся МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ; к АМЕРИКЕ, идущей к цели, присоединяются ДРУГИЕ СТРАНЫ, что расширяет путь; путь УСПЕШНОЙ ПОЛИТИКИ не является легким и прямым,

на нем есть заторы; те СТРАНЫ МИРА, которые идут впереди, несут свет ВЕРЫ В ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ; ПОЛИТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА есть путь вперед, ПОЛИТИКА КОНФЛИКТОВ И НАСИЛИЯ есть путь назад; СТРАНЫ МИРА, объединившись, идут вперед правильным путем ПОЛИТИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА; ДРУГИЕ СТРАНЫ (Иран, Россию), ИХ ЛИДЕРОВ, выбравших неверный путь ПОЛИТИКИ НАСИЛИЯ И НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЗАКОНОВ, изолируют.

В. Путин (14 МВ): ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ, КОНЦЕПЦИИ, КУРСЫ представляют различные направления и подходы в ПОЛИТИКЕ, которая есть путь, которым СТРАНЫ МИРА идут к конечной цели – БЛАГОПОЛУЧИЮ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ; ориентирами на пути к цели становятся БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, а значимыми вехами на пути – МЕЖДУНАРОДНЫЕ САММИТЫ; путь к цели слагается из ДОБРОЙ ВОЛИ, ДИАЛОГА, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ; идя по этому пути, СТРАНЫ-ПАРТНЕРЫ ускоряют шаг, продвигая вперед ИДЕИ и ИНИЦИАТИВЫ; движению вперед способствуют МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ; в ПОЛИТИКЕ РОССИЯ идет прямым путем, а СТРАНЫ, НЕ СОГЛАСНЫЕ С ПОЛИТИКОЙ РОССИИ, используют обходные пути; УКРАИНА, ЕЁ РУКОВОДСТВО выбрали в ПОЛИТИКЕ ложный путь.

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть ЗДАНИЕ

Б. Обама (16 МВ): АМЕРИКА и ДРУГИЕ СТАНЫ строят МИРОВУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, краеугольным камнем которой есть НАТО, ОТНОШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ; эту СИСТЕМУ, основанную на ДОВЕРИИ, ПОМОЩИ, ВОЗМОЖНОСТЯХ, ИДЕАЛАХ, ЗАКОНАХ, укрепляют; ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ, основанная на ВЗАИМОПОНИМАНИИ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ, является крепкой; НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ рушится.

В. Путин (4 МВ): МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть пирамида, на вершине которой сидят США, считающие себя самыми сильными; ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ (Ливии) рушится, и ее следует восстановить и укрепить.

8. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЗДАНИЕ

Б. Обама (4 МВ): ООН, заложенная ПРЕДЫДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ, имеет в основе ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, которые могут проржаветь.

В. Путин (7 МВ): расшатывание ООН, стоящего на фундаменте ДОБРОЙ ВОЛИ, СОТРУДНИЧЕСТВА, ЧЕСТНОСТИ, опасно; ООН, ШОС следует укреплять; расширение НАТО опасно.

9. МИР есть СЕТЬ / ЦЕПЬ

Б. Обама (3 МВ): связи между СТРАНАМИ выковываются НАЦИЯМИ.

В. Путин (4 МВ): связи между СТРАНАМИ следует укреплять и восстанавливать; УКРАИНА есть сломанное звено ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА.

Отличия в развертках одних и тех же метафорических схем связаны с модификациями в их референтном и коррелятивном пространствах. Одна и та же референтная сущность может уподобляться разным конституентам коррелятивной сферы. В референтном пространстве могут появляться новые сущности, для которых в коррелятивном пространстве выбираются новые соответствия, наличие которых потенциально предопределяется понятийной спецификой коррелята.

Развертывание всей системы метафорических схем в формульные описания создает своего рода единый формульный метафорический «нарратив» – идеологическую «сетку» для картины мира, суть которой и должна быть донесена до адресата. Основными «узлами» такой сетки становятся *ключевые идеологические концепты (КИК)*³ как понятия, релевантные для конструирования мировоззренческого паттерна и имеющие множественные

номинации – повторяющиеся и / или семантически близкие языковые формы. При этом КИК могут относиться и к коррелятивной, и к референтной сфере концептуальных метафор, что отражает природу метафорического картирования (в Приложениях А и Б номинации КИК референтной сферы отмечены синим цветом).

Для идентификации КИК в метафорических нарративах Б. Обамы и В. Путина была использована следующая схема анализа: а) в развертках метафорических схем (формульных описаниях) каждого из референтных доменов (АМЕРИКА / РОССИЯ, ЭКОНОМИКА и ПОЛИТИКА) вычленялись идеологически релевантные понятия; б) определялся индекс их итеративности (ИИ) – по числу МВ; в) понятия, выделенные во всех трех доменах, сопоставлялись друг с другом и те, которые повторялись в нескольких доменах, получали суммарный ИИ; г) все понятия объединялись в один список, выстроенный по убыванию ИИ, и понятия, возглавлявшие этот список, рассматривались как КИК в том случае, если их индекс итеративности находился в пределах 8–10 МВ, что приблизительно соответствует 5% от общего количества анализируемых данных (158 МВ в речах В. Путина и 195 МВ в речах Б. Обамы). Число 8–10 МВ, принимая во внимание пилотный характер нашего исследования, выполненного на ограниченном объеме фактического материала, является относительно небольшим, но с увеличением количества данных оно существенно возрастает.

Результаты анализа, осуществленного по этой схеме, даны в Приложении В. Здесь остановимся лишь на сопоставлении итоговых списков итеративных идеологических понятий, встроженных в метафорические нарративы двух политиков (табл. 8).

Таблица 8

**Итеративные идеологические понятия
в метафорических нарративах Б. Обамы и В. Путина**

Барак Обама	Владимир Путин
1. ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ⁴⁰ 2. ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, СОТРУДНИЧЕСТВО ³² 3. БОРЬБА (со злом, за благо) ²⁹ *** 4. СИЛА, КРЕПКОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ ²⁴ 5. РОСТ ¹⁸ 6. ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ ¹⁷ *** 7. ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЯ ¹⁵ 8. СТРОИТЕЛЬСТВО ¹³ 9. ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА ¹² 10. МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ ¹² 11. ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ¹¹ 12. ОПАСНОСТИ ¹⁰ . _____ 13. БОЛЕЗНИ ⁷ 14. ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА ⁶ 15. ФУНДАМЕНТ ⁶ 16. ЛИДЕРСТВО ⁶ 17. УСПЕХ ⁵ 18. ЦЕННОСТИ, МЕЧТЫ, ИДЕАЛЫ ⁴ 19. СРЕДНИЙ КЛАСС ⁴ 20. ТЯЖЕЛЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО ² 21. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЩЕСТВО ²	1. ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ ⁴⁴ *** 2. НЕДРУГИ РОССИИ ²⁴ 3. СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОДДЕРЖКА ²² 4. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ²¹ 5. МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ ²⁰ *** 6. ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ¹⁴ 7. МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ, ЗАПУСК МЕХАНИЗМА ¹⁴ 8. УКРЕПЛЕНИЕ ¹³ 9. ФУНДАМЕНТ, ОПОРА ¹³ 10. АРМИЯ ¹³ 11. ТРУДНОСТИ, ОПАСНОСТИ ¹¹ 12. ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ ⁸ _____ 13. БРАТСТВО НАРОДОВ, ЕДИНСТВО НАЦИИ ⁷ 14. БОРЬБА (со злом, за благо) ⁶ 15. РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС ⁶ 16. ОТКРЫТОСТЬ ⁶ 17. ЗАКОНЫ, ПРИНЦИПЫ ⁵ 18. СТРОИТЕЛЬСТВО ⁴ 19. ДУХОВНОСТЬ ⁴ 20. ЧЕСТНОСТЬ ²

Как следует из данных табл. 8, количество повторяющихся идеологических понятий, среди которых есть схожие и несхожие, в речах обоих президентов примерно одинаково – в районе 20. При этом к КИК, согласно установленной величине ИИ, относятся первые 12 понятий из списков. Сопоставление итеративных идеологических понятий возможно по таким двум направлениям, как степень проминантности КИК в речах каждого из президентов, а также степень проминантности тех КИК, которые у обоих политиков являются сходными и различными (табл. 9).

Перепады в величинах ИИ позволяют выделить первую (ИИ 29-40), вторую (ИИ 16-29) и третью (ИИ 8/10-15) *степени проминантности КИК*.

У Б. Обамы к *КИК первой степени проминантности* относятся <ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД (к цели)>⁴⁰, <ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, СОТРУДНИЧЕСТВО>³² и <БОРЬБА (со злом, за благо)>²⁹; к *КИК второй степени проминантности* – <СИЛА, КРЕПКОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ>²⁴, <РОСТ>¹⁸, <ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ>¹⁷; к *КИК третьей степени проминантности* – <ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЯ>¹⁵, <СТРОИТЕЛЬСТВО>¹³, <ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА>¹², <МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ>¹², <ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ>¹¹, <ОПАСНОСТИ>¹⁰.

У В. Путина *КИК первой степени проминантности* является <ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ>⁴⁴; *КИК второй степени проминантности* – <НЕДРУГИ РОССИИ>²⁴, <СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОДДЕРЖКА>²², <РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ>²¹, <МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ>²⁰; *КИК третьей степени проминантности* – <ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД>¹⁴, <МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ, ЗАПУСК МЕХАНИЗМА>¹⁴, <УКРЕПЛЕНИЕ>¹³, <ФУНДАМЕНТ, ОПОРА>¹³, <АРМИЯ>¹³, <ТРУДНОСТИ, ОПАСНОСТИ>¹¹, <ТЕРРОРИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ>⁸.

Сопоставление данных на предмет сходств и различий КИК Б. Обамы и В. Путина (табл. 9) свидетельствует о том, что из примерно 20 идеологических понятий около половины являются *схожими*. В то же время, они наделены различной проминантностью. У Б. Обамы значительно большую степень проминантности имеют КИК <ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД >, <ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, СОТРУДНИЧЕСТВО>, <ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЯ>, а также – особо – <СТРОИТЕЛЬСТВО> и <БОРЬБА (со злом, за благо)>. Более проминантными КИК В. Путина являются <МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ> и <ФУНДАМЕНТ, ОПОРА>. Существенно также то, что в зоне *различий* находятся КИК, имеющие достаточно высокую (первую и вторую) степень проминантности, что свидетельствует о существенных мировоззренческих расхождениях в идеологических концепциях двух политиков.

**Сходства и различия ключевых идеологических концептов
в метафорических нарративах Б. Обамы и В. Путина**

Барак Обама	Владимир Путин
Зона схожести	Зона схожести
ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ⁴⁰ (20,0%)	ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ¹⁴ (8,9%)
ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, СОТРУДНИЧЕСТВО ³² (16,4%)	СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОДДЕРЖКА ²² (13,9%)
БОРЬБА (с опасностями, за идеалы) ²⁹ (14,9%)	БОРЬБА (с трудностями, опасностями) ⁶ (3,8%)
ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЯ ¹⁵ (7,7%)	ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ ⁸ (5,1%)
СТРОИТЕЛЬСТВО ¹³ (7,7%)	СТРОИТЕЛЬСТВО ⁴ (2,5%)
ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА ¹² (6,2%)	ЗАКОНЫ И ПРИНЦИПЫ ⁵ (3,2%)
МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ ¹² (6,2%)	МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ ²⁰ (12,7%)
ОПАСНОСТИ ¹⁰ (5,1%)	ТРУДНОСТИ, ОПАСНОСТИ ¹¹ (7,0%)
ФУНДАМЕНТ, ОПОРА ⁶ (3,1%)	ФУНДАМЕНТ, ОПОРА ¹³ (8,2%)
Зона различий	Зона различий
СИЛА, КРЕПКОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ ²⁴ (12,3%)	ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ ⁴⁴ (27,8%)
РОСТ ¹⁸ (9,2%)	НЕДРУГИ РОССИИ ²⁴ (15,2%)
ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ ¹⁷ (8,7%)	РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ²¹ (13,3%)
ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ¹¹ (5,6%)	МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ, ЗАПУСК МЕХАНИЗМА ¹⁴ (8,7%)
	АРМИЯ ¹³ (8,2%)

Содержание и проминантность КИК в речах президентов в определенной мере указывает на их темпоральный вектор. В речах Б. Обамы – это сегодняшний день, устремленный в будущее. В речах В. Путина – это сегодняшний день, обращенный в прошлое (что есть сейчас и что было в истории). Достаточно типичное для его текстов использование глаголов в будущем времени (особенно при освещении темы ЭКОНОМИКА) не столько указывает на будущее, сколько на то, что сегодня остается невыполненным. Аналогичную функцию выполняют и слова-установки (*необходимо, должен стать*).

Подводя итог, следует сказать о том, что в речи политического лидера КИК не есть константами, хотя их набор и имеет определенную неизменную составляющую. В целом состав КИК и их проминантность в текстовых сообщениях определенного периода зависит от целого ряда дискурсивных факторов: состава аудитории, к которой обращена речь (целевого адресата), произносимая в более и менее формальном контексте, политической ситуации в стране и в мире, изменений в мировоззренческих ориентирах самого политика. Какие-то КИК остаются неизменными на более длительном, какие-то – на менее длительном временном срезе. Сказанное касается и ключевых идеологических концептов, отслеженных на сравнительно небольшом временном отрезке и встроенных в метафорический «нарратив» речей президента США Б. Обамы и президента России В. Путина, мировоззренческие позиции которых отражают социально-политическое противостояние современного мира.

Заключение

Анализ политических метафор как языковых единиц с привлечением методологического аппарата теории концептуальной метафоры позволяет понять, каким способом президент страны доносит до адресата определенный мировоззренческий паттерн и формирует у адресата определенные идеологические установки. Содержание

этого паттерна, предписывающего то, какие ценности должно иметь гражданам страны и как ее должны воспринимать в мире, укладывается в систему привычных для адресата повседневных понятий: ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ К ЦЕЛИ, БОРЬБА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ, ЗДАНИЕ-ДОМ, РАСТЕНИЕ, КНИГА и пр. Эти понятия, глубоко укорененные в сознании, являются для человека жизненно важными, в связи с чем их использование в метафорических номинациях неизменно находит отклик у адресата. Такой отклик принято ассоциировать со свежей, неконвенциональной метафорой. Однако его вызывают и метафоры стертые, конвенциональные. Реакция на них остается неосознанной, однако на существует, что, возможно, связано с нейронным уровнем, на котором «наш мозг понимает метафору буквально», то есть при восприятии метафоры активируются и те его зоны, которые связаны с прямым значением (см., например, [Nagels, Kauschke et al. 2013]).

Кроме того, образы, используемые в конвенциональных политических метафорах, являются комплексными, соотнесенными с некоторым событием, имеющим своих участников. Так, у человека, идущего по пути, есть помогающие ему попутчики и есть те, кто (или то, что) мешает движению. Здание есть дом семьи, который возводят коллективом, помогая друг другу, враг же может разрушить этот дом. Кто-то пишет книгу, а кто-то ее уничтожает. Комплексность коррелятивных понятий, привлекаемых для образования политических метафор, в большинстве случаев предполагает наличие противопоставления. Тем самым создаются предпосылки для разделения на «своих» и «чужих», что сопровождается оценочностью: «свой – хороший», «чужой – плохой». Комплексный бытовой коррелятивный образ проецируется на политически значимое понятие и структурирует его, приписывая уже «готовые» оценки, которые, в силу укоренения метафорического коррелята в сознании общества, не требуют обоснования. Являются ли эти роли и их оценки адекватными – вопрос, на который дает ответ критический анализ политического дискурса. Данное же исследование, где рассматриваются метафоры ключевых политиков Америки и России – Б. Обамы и В. Путина, – выполнено в русле дескриптивного анализа политического дискурса и предполагает лишь описание результатов исследования языковых фактов и их понятийных соответствий, которые говорят сами за себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья является переработанной и существенно дополненной версией украиноязычной работы «*Концептуальна метафора в політичному дискурсі (на матеріалі публічних промов Барака Обами і Володимира Путіна у 2014-2015 рр.)*», принимавшей участие в конкурсе Малой академии наук Украины (МАН) в марте 2016 г. и получившей итоговое первое место. Автор работы – Александр Швец, ученик 11 класса Первой городской гимназии г. Черкассы (ныне – студент Карлтонского университета, Оттава, Канада, специализация «Политические науки»), руководитель исследовательского проекта – проф. С. А. Жаботинская. Материал, собранный А. Швецом, был обработан по схеме, разработанной научным руководителем и представлен в разделах, касающихся специфики концептуальных метафор в речах Б. Обамы и В. Путина, а также некоторых общих положений относительно сопоставления референтных и коррелятивных зон метафорических систем.
2. Ныне на смену тезису о «недифференцированности» адресата политического дискурса приходит тезис о необходимости учета такого дифференцирования, которое уже воплощается на практике благодаря появлению технологий обработки предоставляемых соцсетями «больших данных» (англ. *big data*). Результаты такой обработки позволяют выделить целевые группы адресатов, текстовые сообщения для которых создаются с учетом их психологического типа и социальных предпочтений, что, в частности, влияет на результаты предвыборных кампаний (см., например, [Epstein 206; Woody 2016]).

3. Ключевые идеологические концепты суть аналог ключевых концептов культуры, выводимых по наиболее частотным «ключевым словам культуры» (*cultural key words*), которые входят в состав многих устойчивых словосочетаний, являются типичными для пословиц и поговорок, популярных песен, названий художественных произведений и пр. [Dirven & Verspoor 1998: 145].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Условные обозначения

В круглых скобках дан номер источника фактического материала. Красным цветом отмечен метафорический маркер. Синим цветом выделены идеологически релевантные понятия референтной зоны.

Приложение А

Концептуальные метафоры в речах Барака Обамы [195 МВ]

А1. Референтный домен АМЕРИКА [15 МВ]

Референтный концепт:

АМЕРИКА [15 МВ]

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

- КМ «АМЕРИКА есть ЧЕЛОВЕК» [13 МВ]

Сильный, успешный человек /АМЕРИКА/: *making America stronger* (6), *that is what I believe is America's greatest strength* (15), *the most powerful nation in the world* (15), *America succeeds* (6); **то, что дает человеку силы** /ДЕМОКРАТИЯ/: *in this country, everybody can contribute, everybody can participate no matter who they are, or what they look like, or who they love – that's what makes us strong* (15); /; **человек-лидер** /АМЕРИКА/: *American leadership is the one constant in an uncertain world* (4); **человек** /АМЕРИКА/, **получивший достойное наследство** /СВОБОДУ/: *we are heirs to a proud legacy of freedom* (15); **человек** /АМЕРИКА/, **выучивший урок** /ОПЫТ ПРОШЛОГО/: *in Iraq, the United States learned the hard lesson that even hundreds of thousands of brave, effective troops, trillions of dollars from our Treasury, cannot by itself impose stability on a foreign land* (15), *we will do so mindful of the lessons of the past* (15); **человек** /АМЕРИКА/, **стоящий рядом с друзьями** /ДРУГИМИ СТРАНАМИ/ и **разделяющий с ними свои дающие силу ценности** /ДЕМОКРАТИЮ/: *It's so important for us to stand in solidarity with them* (8), *values that we share with the French people* (8); **человек** /АМЕРИКА/, **который не стоит в стороне, когда на другого** /УКРАИНУ, ее суверенитет и целостность/ **нападают**: *We recognize the deep and complex history between Russia and Ukraine. But we cannot stand by when the sovereignty and territorial integrity of a nation is flagrantly violated* (15); **человек-донор** /АМЕРИКА/, **отдающий свою кровь** /ПОМОЩЬ/ **тем, кто в ней нуждается** /БЕЖЕНЦАМ/: *we will continue to be the largest donor of assistance to support those refugees* (15).

- КМ «АМЕРИКА есть МАЯК» [2 МВ]:

Маяк /АМЕРИКА/, **который построен на фундаменте** /ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ/ и **свет которого** /РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЩЕСТВО/ **показывает путь миру**: *What matters is the strength of our work ethic; the scope of our dreams; our willingness to take responsibility not only for ourselves and our families and our immediate community, but for all people; that we take*

responsibility for each other. That's what makes America the place that it is – a place where you can make it if you try. That's what makes it a beacon for people from all around the world (1), it's what this country was built on (1).

A2. Референтный домен «ЭКОНОМИКА (АМЕРИКИ)» [68 МВ]

Референтный концепт:
ЭКОНОМИКА [68 МВ]

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

• КМ «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ» [20 МВ]

Растение /ЭКОНОМИКА/, которое кто-то /ВЛАСТЬ и ОБЩЕСТВО/ выращивает с помощью удобрений /ИНВЕСТИЦИЙ, УВЕЛИЧИВАЮЩИХСЯ ЗАРПЛАТ/: *we can grow our economy (1), while growing our economy (7), to promote growth (15), investments that grow the economy (1), raising the federal minimum wage <...> grows the economy for everyone (5); растущее растение* /ЭКОНОМИКА, ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИЕ/: *economy is growing (15), growing economy (12), growing country (12), our economy grows best (1), and the economy grows for everybody (1), to grow our two economies (7), our economy has grown at its fastest pace (6), economy that grows for the many (1), the United States is in the longest stretch of uninterrupted private sector job growth in its history (7), 58 straight months of job growth (9), after four and a half years of economic growth, corporate profits and stock prices have rarely been higher (6), this is how we grow (12), that would mean more growth and prosperity for all of us (7), we have powered growth (15); средство* /ТОРГОВЛЯ/, способствующее росту растения /ЭКОНОМИКИ/: *we can promote growth through trade that meets a higher standard (15).*

• КМ «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» [19 МВ]

Путь /РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ/, которым идет человек /НАЦИЯ/, преодолевая препятствия /КРИЗИСЫ/ и ускоряя шаг: *we are past the point of crisis (9), businesses are creating jobs at the fastest pace since the '90s (5); шаги* /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, которые делают на пути: *this is a step toward the market-driven exchange rate that we've been pushing for because it would promote a level playing field for American businesses and American workers (7), we took new steps toward strengthening our banks, closing tax loopholes for multinational companies, and stopping tax evaders and criminals from hiding behind shell companies (7); цель, к которой идут* /БЛАГОСОСТОЯНИЕ УРОВНЯ СРЕДНЕГО КЛАССА/: *too many families can't seem to work their way into the middle class at all (6), to climb their way into the middle class (10); цель* /БЛАГОСОСТОЯНИЕ/, которая для многих пока недостижима: *prosperity is still cruelly out of reach for too many (15); тот, кто тормозит движение* /УСТАРЕВШИЕ ЗАКОНЫ И ПРОИЗВОДСТВА/: *some of the laws and rules governing our workplaces haven't caught up with that reality (6), a lot of workplaces haven't caught up with that reality (6), {we have} to stop blocking a minimum wage increase (6); старая ржавая лестница* /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ/, по которой нельзя подняться вверх: *the ladders of opportunity are now eroding (6); тот* /ПРАВИТЕЛЬСТВО США/, кто помогает двигаться вперед, предоставляя средства передвижения и средства защиты /НОВЫЕ КАРЬЕРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ/: *we start helping folks get ahead (5), some common-sense steps we can take to help working families right now (6), to create ladders of success (12), to support working families so they have the tools to succeed in this new economy (9), every American has to have the tools to get ahead (9), {these tools} provide a pathway for the 11 million people (7), {law} is protecting women (6); путь* /РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ/, по которому человек /НАЦИЯ/ успешно идет вперед: *this growing economic strength at home set the stage for the progress that we have made on this trip (7).*

• КМ «ЭКОНОМИКА есть ЧЕЛОВЕК» [13 МВ]

Человек /ЭКОНОМИКА/, переживший падение в пропасть /ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС/: *the economy was in a **freefall** (6), the auto industry was in a **freefall** (6); человек /ЭКОНОМИКА/, выздоравливающий после падения в пропасть /ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС/ благодаря лекарству /ЭКОНОМИЧЕСКИМ МЕРАМ/:* *this **isn't just hangover** from the Great Recession (6), **recovering** from the crisis of 2008 was the first thing we had to do (6), our economy won't be **healthy** until we reverse some of these longer-term trends, this erosion of **middle-class** jobs and income (6); человек, возобновивший силы /ЭКОНОМИКА/:* *America's **renewed** economic **strength** (7), this **growing** economic **strength** at home set the stage for the progress that we have made on this trip (7); сильный человек /ЭКОНОМИКА/:* ***stronger** economy (6), paid leave <...> will make our economy **stronger** (6), how **strong** our economy is (15); человек /ЭКОНОМИКА/, который идет вперед, ускоряя шаг:* ***fast-paced**, constantly changing global economy (10), our economy has grown at its **fastest pace** (6), economy has **picked up speed** (9).*

• КМ «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ» [8 МВ]

Здание /ЭКОНОМИКА/, стоящее на фундаменте /УСИЛИЯХ ОБЩЕСТВА, ЗНАНИЯХ/: *it is this **collective endeavor** that's <...> **buttressed** a global economy (15), modern, knowledge-based economy (15); здание /ЭКОНОМИКА/, которое строят, восстанавливают и перестраивают:* ***opportunity for all** means **building** an economy (1), our job, not just as Democrats, but as Americans, is to **restore opportunity for all** (6), to **rebuild** an economy (1), our job is to **rebuild** an economy that grows **for the many, not just the few** (6); здание /ЭКОНОМИКА АМЕРИКИ/, ставшее надежным убежищем для всей семьи /АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ/:* *an economy where working Americans feel **secure** in their jobs and their homes and their finances (6); часть здания /РЫНОК/, открываемая ключом /СОГЛАШЕНИЕМ/:* *an agreement that will **open** markets (15).*

• КМ «ЭКОНОМИКА есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ» [6 МВ]

Игровое поле /ЭКОНОМИКА/, где игроки /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ/ играют по одинаковым правилам /ЗАКОНАМ/ и где должна быть вся команда /ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА/: *a level **playing field** for American businesses and American workers (7), everybody is **playing by the same rules** (10), **laws and rules** governing our workplaces (6), women are full and **equal participants** in our economy (6), **{it's not good}** if you field the team and **only half of the folks get to play** (10); игроки /МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ/, которые изменяют правила игры:* *the young people who are here, you're **game-changers** (10).*

• КМ «ЭКОНОМИКА есть СПАСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО» [2 МВ]

Спасательное средство /ЭКОНОМИКА/, поднимающее людей из пропасти /ОБНИЩАНИЯ/: *to help economies **lift people out** (15); спасательное средство /ЭКОНОМИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА СРЕДНИЙ КЛАСС/, которое двигают вперед:* *what we've been **pushing** is what I call **middle-class** economics (10)*

А3. Референтный домен «ПОЛИТИКА» [113 МВ]

Референтные концепты:

ПОЛИТИКА [87 МВ],
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА [16 МВ],
ПОЛІТИЧЕСКИЙ СОЮЗ [7 МВ],
МИР [3 МВ]

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

• КМ «ПОЛИТИКА есть БОРЬБА» [51 МВ]

Борьба /ПОЛИТИКА/ за ценности /БЛАГОСОСТОЯНИЕ АМЕРИКИ И МИРА, ДЕМОКРАТИЮ, ОБРАЗОВАНИЕ/: *to defend the democratic principles that allow societies to succeed* (15), *as Democrats, we're fighting to make sure that more Americans can afford higher education* <...>. *That's what we believe. That's what we're fighting for* (6), *our job, not just as Democrats, but as Americans, is to restore opportunity for all. That's why we're in this. Those are our values* (6), *fight like heck for our position* (7), *I'm going to keep up this fight until we win* (5); **борьба** /ПОЛИТИКА/ с врагом /ТЕРРОРИЗМОМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЕЙ, ВОЙНАМИ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА, БОЛЕЗНЯМИ, БЕДНОСТЬЮ/, **который тянет человечество в темень**: *as President of the United States, I am mindful of the dangers that we face* (15), *civil strife, border disputes, and sectarian wars bring about terrorist enclaves and humanitarian disasters* (15), *growing terrorist presence* (12), *those who carry out senseless attacks* (8), *brutal networks of terror have stepped* (15), *they fuel sectarian conflict that endangers the entire region* (15), *when a terrorist group beheads captives, slaughters the innocent and enslaves women, that's not a single nation's national security problem – that is an assault on all humanity* (15), *no nation in this Assembly can insulate itself from the threat of terrorism, or the risk of financial contagion* (7); *to decisively confront this challenge* (15), *to stamp out terrorism* (15), *to cut off terrorist financing* (4), *prevent the flow of foreign fighters* (12), *to stop the flow of foreign fighters* (4), *to roll up the networks that help to advance these kinds of plots* (8), *to hunt down and bring the perpetrators of this specific act to justice* (8), *Afghanistan does not end up being, once again, a safe haven for terrorism* (2), *there will never be a safe haven for terrorists who carry out these crimes* (15), *deal that cuts off the pathways to a nuclear weapon* (12), *poisonous ideology* (15), *movements on the far right, and sometimes the left* (15); *to defeat the ideas that drive different communities in a country like Iraq into conflict* (15),), {politics of Russia} *to break up a country* {Ukraine} (7), *the flow of migrants, or the danger of a warming planet* (7), *the growing threat of climate change* (4), *the fight against climate change* (7), *cut carbon pollution* (7), *we can roll back preventable disease and end the scourge of HIV/AIDS* (15), *we can stamp out pandemics that recognize no borders* (15), *fight against Ebola* (7), *combat the Ebola epidemic* (4), *to help corral the outbreak of Ebola* (4), *reversing the spread of Ebola* (15), *together, we can eradicate extreme poverty and erase barriers to opportunity* (15); **доспехи и оружие** /ЗАКОНЫ, МЕРЫ, САНКЦИИ/, **используемые в борьбе** /ПОЛІТИКЕ/: *under mantle of international laws* (15), *country that has mechanisms* (7), *the Security Council tightened sanctions on the Iranian government* (15), *the sanctions that the United States and our partners impose on Russia* (15), *sanctions have led to capital flight, a contracting economy, a fallen ruble, and the emigration of more educated Russians* (15); **тот, кто возглавляет борьбу** /АМЕРИКА/: *America is leading the world in the fight* (4), *we mobilized the world* (4), *America is leading the fight to contain and combat the Ebola epidemic* (4), *America is leading the effort to rally the world against Russian aggression* (4); **союзники в борьбе** /ДРУГИЕ СТРАНЫ/: *forces of integration* (15), *we were joined in this action by friends and partners* (4), *where order has completely broken down, we must act, but we will be stronger when we act together* (15), *together, we must strengthen our collective capacity to establish security where order has broken down, and to support those who seek a just and lasting peace* (15).

● КМ «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» [31 МВ]

Путь /ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА/, которым человек /АМЕРИКА/ шел вперед раньше и идет теперь: *we have traveled down that path before (7), we're going to keep moving forward (1), we will continue to do so going forward (13), we have pressed forward, slowly, steadily, to make a system of international rules and norms that are better and stronger and more consistent (15), this progress is real (15), to move forward in this new era, we have to be strong enough to acknowledge when what you're doing is not working (15), my belief in moving forward rather than backwards (15);* **путь /ПОЛИТИКА/, которым человек /АМЕРИКА, ЕЁ РУКОВОДСТВО/ идет вперед по поручению общества /НАРОДА АМЕРИКИ/:** *we're going to keep moving forward on the agenda the American people elected us to move forward on (6);* **путь /ПОЛИТИКА/, которым человек /АМЕРИКА/ идет вперед к цели /БЛАГОСОСТОЯНИЮ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ, РЕШЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ/:** *I believe we must go forward in pursuit of our ideals (15), providing us a pathway for a diplomatic resolution {of the conflict in Ukraine} (7), and that is the path for a peaceful resolution to this crisis (3), this is a historic step forwards in our efforts to normalize relations with Cuban government (13), this week, we also took historic steps in the fight against climate change (7), historic steps towards a cleaner and healthier planet (7), that prospect seems distant now (12);* **вехи на пути /МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ/:** *we agreed with China <...> on an approach to the Information Technology Agreement (7), following the steps we've taken in the United States, many of the G20 countries agreed to work to improve the efficiency of heavy-duty vehicles, which would be another major step in reducing emissions (7);* **те /ДРУГИЕ СТРАНЫ/, кто присоединяется к человеку /АМЕРИКЕ/, идущему к своей цели:** *more nations are stepping up and joining the United States in the effort to end the Ebola epidemic in West Africa (7), following the steps we've taken in the United States, many of the G20 countries agreed to work to improve the efficiency of heavy-duty vehicles, which would be another major step in reducing emissions (7), Americans and Cubans alike are ready to move forward (13), pursue a path of cooperation (15);* **путь /ПОЛИТИКА/, который расширяют:** *we decided to expand our partnership in several important and concrete ways (12);* **путь /УСПЕШНАЯ ПОЛИТИКА/, который не является легким и прямым, на котором есть заторы:** *progress never travels a straight line (15), we see greater polarization, more frequent gridlock;* **факел /ВЕРА В ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ/, который несут те /СТРАНЫ МИРА/, кто идет впереди:** *let us carry forward that faith into future (15);* **путь /ПОЛИТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА/, который должен вести только вперед, а не назад /ПОЛИТИКА КОНФЛИКТОВ И НАСИЛИЯ/:** *we gain nothing from going back (15), we, the nations of the world, cannot return to the old ways of conflict and coercion. We cannot look backwards (15);* **те /СТРАНЫ МИРА/, кто, объединившись, идут вперед правильным путем / ПОЛИТИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА/:** *our nations <...> pursue a path of cooperation over conflict (15);* **те /ДРУГИЕ СТРАНЫ – Иран, Россия, ИХ ЛИДЕРЫ/, кто выбирает неправильный путь /ПОЛИТИКУ НАСИЛИЯ И НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЗАКОНОВ/ и кого изолируют:** *Russia has the opportunity to take a different path, to resolve the issue of Ukraine in a way that respects Ukraine's sovereignty and is consistent with international law (7), If he {Putin} continues down the path that he is on – violating international law; providing heavy arms to the separatists in Ukraine; violating <...> the Minsk Agreement, <...> – then the isolation that Russia is currently experiencing will continue (7), if Iran chose a different path, that would be good for the security of the region (15), our objective was to test whether Iran could change course (15), this path is now available to a nation like Iran (15).*

● КМ «ПОЛИТИКА есть ИГРОВОЕ ПОЛЕ» [3 МВ]

Игровое поле /ПОЛИТИКА/, на котором играют игроки /СТРАНЫ МИРА/, возглавляемые капитаном /АМЕРИКОЙ, ЕЁ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ/, ведущим к победе:

{on Syria} the various *players* involved (7), both the United States and Europe are going to have to make sure that we are *stepping up our game* (2), when Democrats have *everybody on the field, we cannot lose* (1).

- КМ «ПОЛИТИКА есть КНИГА» [1МВ]

Книга /ПОЛИТИКА/, главы которой /ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУРСЫ/ пишут политики: *we begin a new chapter with our neighbors in the Americas* (13).

- КМ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть ЗДАНИЕ» [16 МВ]

Здание /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, которое возводит строитель /АМЕРИКА, ДРУГИЕ СТАНЫ/: *the US has worked to build a strong international coalition* (3), *building an international system* (15), *we can do a better job... in building up functioning political structures* (12), *building strong, democratic institutions* (15); **здание /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, имеющее краеугольный камень /НАТО, ОТНОШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ/:** *NATO, that it is the bedrock of American security* (2), *security relationship between the US and our GCC partners will remain a cornerstone* (12); **здание /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, для которого создают опоры /ДОВЕРИЕ, ПОМОЩЬ, ВОЗМОЖНОСТИ, ИДЕАЛЫ, ЗАКОНЫ/:** *to build trust* (12), *I worked to build more support* (4), *we must work more effectively in the future, as an international community, to build capacity for states that are in distress, before they collapse* (15), *protect and restore the ideals* (6), *our nations are more secure when we uphold basic laws and basic norms* (15); **здание /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, которое укрепляют:** *we want a strong Russia that's invested in working with us to strengthen the international system as a whole* (15); **фундамент /ВЗАИМОПОНИМАНИЕ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ/, который придает крепости зданию /ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТРАНЫ/:** *strong institutions built on the consent of the governed endure long after any one individual is gone* (15); **хрупкое здание /НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАНЫ/, которое рушится:** *regimes who fear their own people will eventually crumble* (15), *history is littered with the failure of false prophets and fallen empires who believed that might always makes right, and that will continue to be the case* (15), *today, we see the collapse of strongmen and fragile states breeding conflict* (15).

- КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЗДАНИЕ» [4 МВ]

Здание /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ООН/, заложенное строителями /ПРЕДЫДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ/: *this institution was founded {by} <...> men and women who came before us* (15), *those who shaped the United Nations 70 years ago* (15); **здание /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ООН/, имеющее фундамент /ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ/:** *democratic principles and human rights that are fundamental to this institution's mission* (15); **фундамент /ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ/, который может проржаветь:** *we see an erosion of the democratic principles and human rights that are fundamental to this institution's mission* (15).

- КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЧЕЛОВЕК» [3 МВ]

Сильный, крепкий человек /НАТО, ООН/: *the Transatlantic Alliance is stronger, more robust* (2), *to strengthen United Nations peacekeeping* (15); **человек /НАТО/, имеющий центральный орган – сердце /АМЕРИКУ/:** *the core of that coalition is the US* (3).

- КМ «МИР есть СЕТЬ» [3 МВ]

Сеть, в которой имеются узлы /СТРАНЫ/ и связи между ними /ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/: *we live in an integrated world* (15), *this interconnected world* (15); **связи**

/ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/, которые выковывают кузнецы /НАЦИИ/: *the United States has worked with many nations in this Assembly to prevent a third world war – by forging alliances with old adversaries* (15).

Приложение Б

Концептуальные метафоры в речах Владимира Путина [158 МВ]

Б 1 . Референтный домен РОССИЯ [55 МВ]

Референтные концепты: РОССИЯ [25 МВ],

ИСТОРИЯ РОССИИ [19 МВ],

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ [11 МВ]

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

• КМ «РОСИЯ есть ЗДАНИЕ» [16 МВ]

Здание /РОССИЯ/, **имеющее фундамент** /МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ НАРОДА/: *Россия как великое государство строилась на многонациональной и многоконфессиональной основе* (29), *наш многонациональный народ <...> и сегодня главная опора страны* (24), *надёжная основа для достойного ответа на современные вызовы* (24); **здание-дом** /РОССИЯ/, **которое заложил и обустроил строитель** /ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР/ – **отец семьи** /РУССКОЙ НАЦИИ/: *князь Владимир положил начало формированию единой русской нации, фактически проложил дорогу к строительству сильного, централизованного Российского государства* (29), *Великий князь Владимир стал настоящим устроителем родной земли* (29); **дом** /РОССИЯ/, **который ныне укрепляют, обустраивают и защищают его сплоченные обитатели** /ГРАЖДАНЕ РОССИИ/: *есть самое главное: сплочённость общества и стремление граждан участвовать в обустройстве нашей Родины* (24), *готовность отстаивать интересы России* (20), *мы будем укреплять нашу государственность, укреплять нашу страну* (20), *укрепление безопасности России* (25); **дом семьи** /НАРОДОВ РОССИИ/, **где поддерживают братьев** /КРЫМ/ **и приветствуют их возвращение под родной кров:** *любовь к Родине <...> в полной мере проявилась в братской поддержке жителей Крыма и Севастополя* (20), *когда они твёрдо решили вернуться в свой родной дом* (20), *в поддержке крымчан и севастопольцев вернуться к родным берегам* (21); **доброжелательный дом, открытый для друзей** /СТРАН-ПАРТНЕРОВ/: *Россия всегда будет открытой, доброжелательной страной для всех, кто хочет вести у нас свой бизнес, вести дела* (26), *Россия открыта для мира, для экономического, научного, гуманитарного взаимодействия, контактов с представителями гражданского общества и деловых кругов всего мира* (26), *мы открыты для кооперации* (20), *Россия – это открытая миру страна, которая выступает за укрепление сотрудничества и партнёрства со всеми, кто к этому готов* (27).

• КМ «РОССИЯ есть ЧЕЛОВЕК» [8 МВ]

Человек /РОССИЯ/, **который будет идти вперед, нейтрализуя угрозы своей безопасности:** *важно последовательно двигаться вперёд, нейтрализуя внешние и внутренние угрозы безопасности России* (27); **человек** /РОССИЯ/, **который будет идти вперед, преодолевая препятствия** /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ/, **создаваемые им самим или же недружелюбными соседями** /ДРУГИМИ СТРАНАМИ/: *мы сами пойдём вперёд* (20), *мы будем преодолевать трудности, которые мы с вами так легко создаём сами для себя в течение всего последнего времени. И конечно, мы*

будем преодолевать и преодолеем все проблемы и трудности, которые нам пытаются вбросить извне. Это вообще бесполезное занятие в отношении России (20); человек /РОССИЯ/, который внес большой вклад /ПОБЕДУ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ/ в мировую сокровищницу: о решающем вкладе народов Советского Союза в разгром врага, в спасение Европы и мира от фашистского порабощения (23), наша армия отстояла Отечество, внесла решающий вклад в разгром нацизма и освобождение Европы (27); честный человек /РОССИЯ/, которого другие /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ несправедливо обвиняют в наличии амбиций: наш такой честный и прямой подход используется как предлог, чтобы обвинить Россию в растущих амбициях. Как будто у тех, кто говорит об этом, нет вообще никаких амбиций (30); человек /РОССИЯ/, к разумным мыслям которого другие /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ не прислушиваются: так было и накануне Первой мировой, когда Россия сделала всё, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана (16), в мировой истории так много примеров, какой страшной ценой оборачивается нежелание слышать друг друга (16).

• КМ «РОССИЯ есть РАСТЕНИЕ» [1 МВ]

Растение /РОССИЯ/, имеющее глубокие корни /ИСТОРИЮ, ДУХОВНОСТЬ/: мы неотделимы от своей Родины, от её многовековой истории, духовных корней (21).

• КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» [9 МВ]

Путь /ИСТОРИЯ РОССИИ/, на котором существуют ключевые повороты, этапы, места и важные вехи /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ: Крещение, битва Александра Невского, присоединение Крыма/: Крещение стало ключевым поворотом всей российской истории, государственности и нашей культуры (29), наш общий долг – чтить этот судьбоносный этап развития России (29), это событие {присоединение Крыма} навсегда останется важнейшей вехой в отечественной истории (20), на Новгородской земле, которая со времён Александра Невского занимает в ратной истории России особое место (22); тот /НАРОД РОССИИ/, кто идет по пути, преодолевая трудности и препятствия: пройдя через лишения, боль, потери, вы (ветераны) выстояли (22); то /ПОБЕДА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ/, что в пути было украдено злодеями /ПРЕДАТЕЛЯМИ/: однако эта победа {в Первой мировой войне} была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы (16); тот /НАРОД РОССИИ/, кто ныне идет по пути вперед к своей цели и имеет опору /ОПЫТ ПРОШЛОГО/: опираясь на опыт прошлого (24), мы более чётко видим горизонты будущего, ставим перед собой самые амбициозные цели (24), для успешного движения вперёд у нас есть всё необходимое (24).

• КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть КНИГА» [6 МВ]

Книга-летопись /ИСТОРИЯ РОССИИ/, страницы которой ныне собирают: трагические страницы летописи этого края (22) вы собираете воедино страницы истории целых семей, наполняете общую историю нашего народа конкретными и, что очень важно, правдивыми фактами (22); книга /ИСТОРИЯ РОССИИ/, в которой вычеркнули страницы /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ – Первую мировую войну/: Первая мировая {война} <...> была вычеркнута из отечественной истории (16); книга /ИСТОРИЯ РОССИИ/, некоторые страницы которой /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ – Первую мировую войну/ только сейчас открывают: мы возрождаем историческую правду о Первой мировой войне, и нам открываются несчётные примеры личного мужества и воинского искусства, истинного патриотизма российских солдат и офицеров, всего российского общества (16), открывается сама роль России в то сложное, переломное для мира время (16); книга /ИСТОРИЯ

РОССИИ/, некоторые страницы которой /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ – Вторую мировую войну/ пытаются переписать: сегодня мы часто сталкиваемся с попытками политизировать итоги *Второй мировой войны*, с *попытками переписать* её (23).

• КМ «ИСТОРИЯ РОССИИ есть ЗДАНИЕ» [4 МВ]

Здание /ИСТОРИЯ РОССИИ/, части которого /ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ/ восстанавливают и объединяют друг с другом: мы *возрождаем историческую правду о Первой мировой войне* (16), *неразрывность* нашей многовековой *истории* (29), мы *восстанавливаем связь* времён, непрерывность нашей *истории* (16), мы тогда все вместе головой и сердцем поняли и почувствовали, насколько важны для нас *связь поколений и времён* (21).

• КМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ есть ЦЕННОСТЬ» [9 МВ]

Ценность /ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, которую берегут и передают по наследству: мы *храним* верность выбору князя *Владимира* (29), большую роль в *духовном подъёме* нашего народа сыграли тогда *великие ценности* русской *армии* (29), в Георгиевском зале Кремля, который *хранит память* о славе *победоносного русского воинства*, мы чтим тех, кто достойно продолжает эти *великие традиции* (19), эти *великие* победные *традиции* должно *хранить* и развивать нынешнее поколение офицеров и солдат *российской армии* (27), уверен, что вы будете достойными *наследниками ратной славы* своих предшественников (27), неразрывная *связь времён и событий*, *преемственность поколений* – наше бесценное *достояние* (24), необходимо сделать всё для того, чтобы *сохранить историческое наследие Победы*, не допустить *возрождения нацистской идеологии*, идей *расовой и религиозной нетерпимости* (23); **ценность** /ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, **излучающая свет**: ваше честное, бескорыстное отношение к делу *не дают погаснуть* благодарной *памяти* людей, *забыть*, какой неизмеримой ценой была завоёвана *Победа*, свобода и будущее нашей страны (22); **ценность** /ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, которую ставят на пьедестал: *подвиг* во имя чести и свободы *Родины* стоит *на самом высоком* – нравственном – *пьедестале* (19).

• КМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ есть ИСТОЧНИК» [2 МВ]

Источник /ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, который питает членов одной семьи /НАРОДЫ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ/: речь идёт об *исторических истоках*, об *источниках* нашей *духовности и государственности* (21), эти *духовные истоки* и сегодня *питают братские* славянские *народы* России, Украины и Белоруссии (29).

Б2. Референтный домен «ЭКОНОМИКА (РОССИИ)» [45 МВ]

Референтный концепт:
ЭКОНОМИКА [45 МВ],

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

• КМ «ЭКОНОМИКА есть ЗДАНИЕ» [20 МВ]:

Здание /ЭКОНОМИКА/, которое имеет достаточную прочность: мы уверенно проходим через полосу *трудностей*, потому что экономика России накопила достаточный запас *внутренней прочности* (26); здание /ЭКОНОМИКА/, которое укрепляют, стабилизируют: Россия *укрепляет* свои позиции перспективного рынка (26), *укрепление* социальных гарантий военнослужащих (27), сегодня активно *укрепляются стратегические ядерные силы, подразделения Военно-космической обороны* (27), позиция деловых кругов способна внести важный вклад в *стабилизацию* ситуации (26), мы *стабилизировали* ситуацию, погасили негативные колебания конъюнктуры (26); **открытое здание** /ЭКОНОМИКА/: на внешние

ограничения мы отвечаем не закрытием экономики – мы отвечаем расширением свободы, повышением **открытости** России (26), условия для ведения бизнеса становятся более понятными, **открытыми** (26); механизмы, инструменты /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, **необходимые для укрепления здания: важно совершенствовать механизмы** частного государственного **партнёрства** в отрасли, распространять успешный опыт частных компаний (25), **внедрение** лучших **механизмов** создания благоприятного инвестиционного климата (26), **механизмы** поддержки **малого и среднего предпринимательства** (26), **нужно провести инвентаризацию** уже существующих **механизмов** поддержки прикладных исследований и внедрения инноваций (26), **нужно создавать механизмы** сопровождения и поддержки талантливых детей (26), национальный рейтинг инвестиционного климата <...> **должен стать работающим инструментом** выявления и распространения лучших региональных практик по всей территории страны (26), национальный рейтинг инвестиционного климата **должен стать инструментом** повышения качества управления на всех уровнях власти (26); **механизмы /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ/, которые запускают: запуск механизма** постоянного совершенствования управленческих кадров (26), мы **запускаем** проекты, которые призваны обеспечить мощную технологическую базу для наших компаний не только на сегодня, но и на будущее (26), мы **запускаем** один из таких проектов (26), **запускается** система господдержки крупных инвестиционных проектов (26), **запуск** крупных многосторонних экономических проектов (17).

• **КМ «ЭКОНОМИКА есть ТЕРРИТОРИЯ» [8 МВ]**

Территория /ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ РЫНКИ/, **которую завоёвывают, осваивают и расширяют:** наша цель – чтобы **малые и средние компании** росли, **завоёвывали** отечественный рынок (26), **российские компании должны занять ключевые позиции** в тех отраслях и на тех рынках, которые будут определять характер экономики, уклад жизни людей через два-три десятилетия (26), **освоение внутреннего рынка** (26), **расширение** наших деловых **контактов** (26), **общее пространство** экономического **сотрудничества** (30); территория /МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА/, **разделенная демаркационными линиями:** ещё недавно казалось, что в экономике, где действуют объективные рыночные законы, мы научимся обходиться без **разделительных линий** (30), это чревато **раздроблением глобального** экономического **пространства** (30); территория /МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛОВ/, **куда кому-то /РОССИИ/ ограничен доступ:** мы, имея в виду Россию, **ограничены в доступе** на мировой рынок капиталов (26).

• **КМ «ЭКОНОМИКА есть РАСТЕНИЕ» [1 МВ]**

Растение /ЭКОНОМИКА/, которое кто-то /РОССИЯ/ должен вырастить: наша задача – обеспечить устойчивый **рост** <...> экономики (26).

• **КМ «ЭКОНОМИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» [16 МВ]**

Путь /ЭКОНОМИКА/, имеющий различные направления /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ, СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ/ движения: по ряду **направлений** мы сделали серьёзные шаги (26), ещё очень многое нужно сделать по этому **направлению** {агропромышленному сектору} (26), и ещё одно важное **направление** нашей работы (26), национальный рейтинг инвестиционного климата <...> сегодня тоже одно из ключевых **направлений** нашего развития (26); **путь /ЭКОНОМИКА/, где существуют препятствия /НЕГАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ/, которые следует устранять:** в мировой экономике пока **не преодолены кризисные** явления (17), нынешние **политические риски**, разного рода **ограничения и барьеры** усугубляют положение дел: снижают уровень доверия в международной торговле и финансовой системе (17), **устранять барьеры** в торговле и инвестициях (26); **путь /ЭКОНОМИКА/, по которому следует идти вперед:**

сотрудничать и вместе *идти вперёд* (26), чтобы национальная юрисдикция была конкурентной, *необходимо постоянное движение вперёд*, необходимо постоянное совершенствование (26); **тот, кто идет впереди** /РЕГИОНЫ/: регионы, которые добились существенного прогресса в развитии среднего профессионального образования, как правило, и являются *лидерами* регионального рейтинга и в целом демонстрируют высокую социально-экономическую *динамику* (26); **то, что способствует движению вперед** /ОБОРОННАЯ ОТРАСЛЬ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ/: именно *оборонная отрасль* должна <...> и впредь оставаться одним из *локомотивов* развития инноваций (25), *предприниматели* – это основная *движущая сила* экономического развития (26); **шаги** /ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ/, **которые уже сделали и которые следует сделать:** по ряду направлений мы *сделали серьёзные шаги*, мы сохранили контроль над инфляцией, удалось стабилизировать валютный курс (26), мы *вплотную подошли к* плановому обеспечению *военнослужащих* жильём (27), *будем предпринимать шаги* по повышению прозрачности *российских компаний* и их подразделений за рубежом (26), *одним из важнейших шагов* должен стать запуск механизма постоянного совершенствования управленческих кадров (26).

Б3. Референтный домен «ПОЛИТИКА» [58 МВ]:

Референтные концепты:

ПОЛИТИКА [36 МВ],

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА [4 МВ],

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ [7 МВ],

МИР [11 МВ]

Концептуальные метафоры (перекрестное картирование):

• КМ «ПОЛИТИКА есть ПУТЬ, КОТОРЫМ ИДУТ» [14 МВ]

Путь /ПОЛИТИКА/, **имеющий различные направления и подходы** /ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ, КОНЦЕПЦИИ, КУРСЫ/: в качестве важного *направления совместной работы* отмечу *продвижение на международной арене* <...> *инициатив по увековечиванию памяти о войне* (23), *о новых подходах к взаимодействию* между Евразийским экономическим союзом и Китаем (26), нам нужны качественно *иные подходы*. Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий (30); **путь** /ПОЛИТИКА/, **которым люди** /СТРАНЫ МИРА/ **идут к конечной цели** /БЛАГОПОЛУЧИЮ В СВОЕЙ СТРАНЕ И В МИРЕ /: *путь к миру и процветанию* (16), созидательные усилия, *направленные на экономический прогресс и процветание* не только в наших странах, но и во всём мире, на обеспечение региональной и глобальной *стабильности* (28); **ориентиры** /БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ/, **значимые вехи** /МЕЖДУНАРОДНЫЕ САММИТЫ, СОГЛАШЕНИЯ/ **на пути к цели:** *наметить ориентиры СНГ на отдалённую и среднесрочную перспективы* (23), *уфимские саммиты* <...> являются *значимой вехой* в созидательных усилиях, направленных на экономический *прогресс и процветание* не только в наших странах, но и во всём мире (28); **то** /ДОБРАЯ ВОЛЯ, ДИАЛОГ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ/, **чем вымощен путь:** *путь к миру и процветанию* *слагается* доброй волей и диалогом и *памятью об уроках прошедших войн*, о том, кто и зачем их начинал (16); **путь** /ПОЛИТИКА/, **путь, на котором попутчики** /СТРАНЫ-ПАРТНЕРЫ/ **ускоряют шаг:** в рамках ШОС *набирает динамику* гуманитарное *сотрудничество* (17); **путь** /ПОЛИТИКА/, **которым что-то** /ИДЕИ, ИНИЦИАТИВЫ/ **продвигают вперед:** в качестве важного направления совместной работы отмечу *продвижение на международной арене* <...> *инициатив по увековечиванию памяти о войне* (23); **средства** /МЕЖДУНАРОДНЫЕ

СОГЛАШЕНИЯ/, ускоряющие движение по пути: **импульс** практической работе на этом направлении **придаст** подписываемое сегодня Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (17); **путь /ПОЛИТИКА/, которым кто-то /РОССИЯ/ идет прямо, а кто-то /СТРАНЫ, НЕ СОГЛАСНЫЕ С ПОЛИТИКОЙ РОССИИ/ идет в обход:** наш такой честный и **прямой подход** используется как предлог, чтобы **обвинить Россию в растущих амбициях** (30), однако сегодня чуть ли не нормой стали односторонние санкции **в обход** Устава ООН (30); **тот /ДРУГАЯ СТРАНА – Украина, ЕЁ РУКОВОДСТВО/, кто выбирает ложный путь /НЕПРАВИЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ/:** украинский народ ещё даст достойную и объективную оценку деятельности тех, кто **довёл** страну до такого состояния, в котором она находится сегодня (20).

• **КМ «ПОЛИТИКА ЕСТЬ БОРЬБА» [11 МВ]**

Борьба /ПОЛИТИКА/, которая ведется с врагом /ТЕРРОРИЗМОМ, ЭКСТРЕМИЗМОМ, БЕЗЗАКОННИЕМ, ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА/: глобальная **террористическая угроза** может критически возрасти (30), попытки заигрывать с **террористами**, а тем более вооружать их, не просто недалновидны, а **пожароопасны** (30), тем, кто был обманут и <...> оказался в рядах **террористов**, нужно помочь найти дорогу к нормальной жизни, сложить оружие, прекратить братоубийственную войну (30); бескомпромиссная **борьба с терроризмом, экстремизмом, преступностью и коррупцией** (27), создать по-настоящему широкую международную **антитеррористическую** коалицию (30), решительно **противостоять** тем, кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество (30), **попрание чужих прав и свобод** (16), **нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой** – это действительно **вызов** планетарного масштаба (30); **оружие /СМИ, ИНФОРМАЦИЯ/, используемое врагом в борьбе /ПОЛИТИКЕ/:** эта сфера {СМИ} приобрела огромное значение и стала, пожалуй, грозным **оружием**, позволяющим при желании **манипулировать общественным сознанием** (18), приметой времени стали и жёсткие **информационные войны** (18); **механизм /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (Шанхайская организация сотрудничества – ШОС)/, обеспечивающий безопасность:** {ШОС} как эффективный **механизм** региональной **безопасности** (17).

• **КМ «ПОЛИТИКА есть ЗДАНИЕ» [5 МВ]**

Здание /МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА/, имеющее фундамент, основу /МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО/: призываем к <...> к утверждению справедливых **основ** межгосударственного **общения** <...> **с опорой на международное право**, принципы неделимости, **безопасности и свободного определения народами своей судьбы** (28), **уфимские саммиты** создадут значительно более устойчивую **базу** для развития (28), такая **координация** должна **основываться на принципах Устава ООН** (30), Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов <...>, **основанную на универсальных прозрачных принципах** международной торговли (30); **механизм, инструмент /ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (ШОС), СОВЕЩАНИЯ/, с помощью которого строится здание:** многие **механизмы** для такой **кооперации** уже созданы – это Деловой совет и Межбанковское объединение ШОС, совещания руководителей профильных ведомств (17).

• **КМ «ПОЛИТИКА (ЗАПАДА) есть НЕЧЕСТНАЯ ИГРА» [4 МВ]**

Игра /ПОЛИТИКА/, где кто-то /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ манипулируют объектами /СЛОВАМИ, ГРУППИРОВКАМИ ЭКСТРЕМИСТОВ/: нельзя **играть и манипулировать** словами (30), пытаться **манипулировать экстремистскими группировками** (30); **чужая игра /ПОЛИТИКА/, на шахматной доске /ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ/:** для нас это {евразийское пространство} **не шахматная доска**, не поле для геополитических **игр** – это

наш дом (28); игра /ПОЛИТИКА/, правила которой кто-то /ДРУГИЕ СТРАНЫ/ переписывают в угоду избранным /США И ВЕДУЩИМ СТРАНАМ ЕВРОПЫ/: всех нас хотят поставить перед фактом, что **правила игры переписаны**, и переписаны опять **в угоду** узкого круга **избранных**, причём без участия ВТО (30).

• КМ «ПОЛИТИКА (ЗАПАДА) есть НЕЧЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ» [2 МВ]:

Товар /РЕВОЛЮЦИИ/, который кто-то /ДРУГИЕ СТРАНЫ (США)/ экспортирует: **экспорт** теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается (30), товар /ПРАВДА/, на распространение которого кто-то /НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ (США и их союзники/ устанавливает монополию: попытки некоторых стран **установить монополию на правду** и использовать это в своих интересах (18).

• КМ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА есть ЗДАНИЕ» [4 МВ]

Здание-пирамида /МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА/, на верхушке которого сидят те /США/, кто считает себя самым сильным: Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» – все это знают – в мире возник единственный центр доминирования. И тогда у тех, кто оказался **на вершине** этой **пирамиды**, возник соблазн думать, что если они такие **сильные и исключительные**, то лучшие всех знают что делать (30), здание /ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНЫ (Ливии)/, которое рушится и которое следует восстановить и укрепить: вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно **разрушены** (30), кардинально решить эту проблему можно только путём **восстановления государственности** там, где она была уничтожена, путём **укрепления институтов власти** там, где они ещё сохранились или **воссоздаются** (30), считаю крайне важным помочь **восстановить государственные структуры** в Ливии (30).

• КМ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ есть ЗДАНИЕ» [7 МВ]

Здание /ООН/, стоящее на фундаменте /ДОБРОЙ ВОЛЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЧЕСТНОСТИ/: принципы, **на которых** должна **строить** свою деятельность ООН. Это добрая воля, презрение к интригам и хитростям, дух **сотрудничества** (30), здание /ООН/, расшатывание которого опасно: мы считаем попытки **расшатать** авторитет и легитимность ООН крайне **опасными** (30), здание /ООН, ШОС/, которое следует укреплять: вместе мы с другими странами будем последовательно работать ради **укрепления** центральной **координирующей** роли ООН (30); за год, прошедший после саммита нашей организации в Бишкеке, авторитет организации {ШОС} **укрепился** (17), **укрепление** роли организации {ШОС} (17), **укреплять** нашу организацию {ШОС} (17), здание /НАТО/, расширение которого опасно: тем не менее **НАТО** не только остаётся, она ещё и **расширяется**, так же как её военные инфраструктуры (30).

• КМ «МИР есть ЗДАНИЕ» [6 МВ]:

Здание /МИР/, имеющее фундамент /СХОЖИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ/: в **фундаменты** наших обществ **заложены** во многом схожие традиционные **ценности**, общие **законы** нравственности, правды и справедливости (28); **хрупкое** здание /МИР/, которое следует беречь: мир **хрупок**, напоминание всем нам об этом (16), и мы обязаны **беречь** мир, помнить, что самое ценное на земле – **мирная, спокойная, стабильная жизнь!** (16), здание /МИР. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО/, которое должно быть **спокойным и богатым домом**: для нас это {евразийское пространство} <...> **наш дом**, и мы все вместе хотим, чтобы в этом доме царил **покой, достаток**, чтобы в нём не было места для **экстремизма** и попыток обеспечить свои интересы за счёт других (28),

действуя вместе, мы *сделаем мир стабильным и безопасным*, обеспечим условия для развития всех государств и народов (30), **средство** /ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (Ялтинская система)/ для сохранения дома: ялтинская система <...> *уберегла мир от масштабных потрясений* (30).

• **КМ «МИР есть СЕТЬ / ЦЕПЬ» [4 МВ]**

Сеть /МИР/, в которой есть узлы /СТРАНЫ/ и связи между ними /ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/: Наши государства и народы *связывают* не только тесные *дружеские отношения* (28), **связи** /ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ/, которые следует укреплять и **восстанавливать**: выступаем также за *укрепление* международных региональных *связей* (17), мы будем делать всё, что от нас зависит, для того, чтобы <...> *восстановить* нормальные межгосударственные *связи* {с Украиной} (20); **сломанное звено** /СТРАНА (Украина)/ **цепи** /СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА/: нужен реальный учёт интересов и прав людей на Донбассе, уважение к их выбору, согласование с ними, как это и предусмотрено Минскими договорённостями, ключевых элементов политического устройства *государства*. В этом залог того, что Украина будет развиваться как цивилизованное *государство*, как важнейшее *связующее звено* в строительстве общего пространства *безопасности* и экономического *сотрудничества* как в Европе, так и в Евразии (30).

• **КМ «МИР есть ПОЛЕ РАСТЕНИЙ» [1 МВ]:**

Поле /МИР/, **растения** /СТРАНЫ/ которого имеют разные корни /КУЛЬТУРУ, ИСТОРИЮ/: наши *государства* расположены на нескольких континентах, имеют *разные культурные и исторические корни* (28).

Приложение В

Идеологические концепты

в метафорических нарративах Барака Обамы и Владимира Путина

В.1. Барак Обама

Идеологические концепты в метафорическом нарративе Б. Обамы

- **АМЕРИКА:** СИЛА⁴ (*strong, stronger, strength, powerful*); ПОМОЩЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО⁴ (*assistance, support, solidarity, we cannot stand by when the sovereignty and territorial integrity of a nation is violated*), ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ³ (*everybody can contribute, everybody can participate, you can make it if you try*), ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЩЕСТВО² (*responsibility*²); ЛИДЕРСТВО² (*leadership, beacon*), ТЯЖЕЛЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО² (*learned the hard lesson, lessons of the past*); БЕЗОПАСНОСТЬ¹ (*uncertain world*); ЦЕННОСТИ¹ (*values*); СВОБОДА¹ (*freedom*); МЕЧТЫ, ИДЕАЛЫ¹ (*dreams*), ФУНДАМЕНТ¹ (*built on*), УСПЕХ¹ (*succeeds*).
- **ЭКОНОМИКА:** РОСТ¹⁸ (*grow*⁸, *growing*⁴, *growth*⁶); ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД¹⁴ (*a step toward, took new steps toward, to work their way into, to climb their way into, steps we can take, ladders, to get ahead*², *provide a pathway, progress that we have made on this trip, fast-paced, fastest pace, at the fastest pace, picked up speed*); ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ¹⁰ (*opportunity, for everyone, for everybody, for the many, for all of us, opportunity for all, for the many not just the few, equal participants, every American, {it's not good} if only half of the folks get*

to play); СИЛА, КРЕПКОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ⁸ (*past the point of crisis, recovering, healthy, renewed strength, growing strength, stronger, strengthening, strength, secure*); СТРОИТЕЛЬСТВО⁴ (*building, restore², rebuild*); ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА³ (*rules, laws and rules²*); СРЕДНИЙ КЛАСС⁴ (*middle-class⁴*); ПОМОЩЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО⁵ (*helping, to help, support, protecting, collective endeavor*), УСПЕХ³ (*success, succeed, progress*); БЛАГОПОЛУЧИЕ² (*prosperity²*); ФУНДАМЕНТ² (*buttressed, based*).

- **ПОЛИТИКА: БОРЬБА**²⁹ (*defend, erase barriers to, fighting, fighting for, fight like heck, fight until we win, fight against³, in the fight, leading the fight, confront, to stamp out, cut, to cut off², to stop, to roll up the networks, to hunt down, bring to justice, cuts off the pathways to, to defeat, roll back, end, stamp out, combat, corral, reversing the spread, eradicate, sanctions³*) с ОПАСНОСТЯМИ¹⁰ (*danger, dangers that we face, disasters, endangers, assault, threat, growing threat, challenge, risk, gridlock*) – ТЕРРОРИЗМОМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЕЙ¹⁵ (*terrorist², terrorists, terrorism³, terrorist presence, senseless attacks, networks of terror, terrorist group, the flow of foreign fighters², plots, perpetrators, crimes, poisonous ideology, the ideas that drive different communities into conflict, movements on the far right and the left*), ВОЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯМИ¹¹ (*civil strife, border disputes, sectarian wars, sectarian conflict, coercion, crisis, conflict², Russian aggression, a nuclear weapon, the flow of migrants*), БОЛЕЗНЯМИ⁷ (*disease, the scourge of HIV/AIDS, pandemics, Ebola, the Ebola epidemic, the outbreak of Ebola, the spread of Ebola*), ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА⁶ (*warming planet, climate change², carbon pollution, cleaner and healthier planet, reducing emissions*), БЕДНОСТЬЮ¹ (*extreme poverty*), ФИНАНСОВЫМ КРИЗИСОМ¹ (*financial contagion*); за МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ⁹ (*just and lasting peace, a peaceful resolution to, peacekeeping, secure, security⁵*); ДЕМОКРАТИЮ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ⁵ (*democratic, democratic principles², opportunity, opportunity for all*), ОБРАЗОВАНИЕ¹ (*higher education*); ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД²⁶ (*to keep moving forward³, going forward, pressed forward, progress, move forward, to move forward on, go forward in pursuit of, a pathway for, the path for, pursue a path of, a historic step forwards, took historic steps, historic steps towards, an approach to, another major step, pursue a path, carry forward, moving forward rather than backwards, gain nothing from going back, cannot return to the old ways of conflict and coercion, we cannot look backwards*); СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА²³ (*forces of integration, we were joined in this action, friends and partners, act together, together², collective capacity, stepping up, joining, following the steps we've taken, cooperation², partners, partnership, everybody on the field, coalition², community, consent, integrated, interconnected, support, protect*); СИЛА¹² (*strong⁴, strengthen⁴, stronger², more robust*); ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА¹⁰ (*law, laws, order³, rules, norms, the Minsk Agreement, uphold basic laws, basic norms*); СТРОИТЕЛЬСТВО⁹ (*build⁴, building², building up, built on, restore*); ЛИДЕРСТВО⁴ (*leading, leading the world, mobilized, to rally the world against*); ФУНДАМЕНТ³ (*was founded, fundamental²*); ЦЕННОСТИ, ИДЕАЛЫ² (*values, ideals*); ВЕРА В БУДУЩЕЕ¹ (*faith into future*); ИДЕАЛЫ¹ (*ideals*); ДОВЕРИЕ¹ (*trust*); УСПЕХ¹ (*succeed*).

Итеративные идеологические концепты в метафорическом нарративе Б. Обамы

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД⁴⁰, ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, СОТРУДНИЧЕСТВО³²,
БОРЬБА (со злом, за благо)²⁹

СИЛА, КРЕПКОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ²⁴, РОСТ¹⁸,
ДЕМОКРАТИЯ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ¹⁷

ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЯ¹⁵, СТРОИТЕЛЬСТВО¹³, ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА¹², МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ¹², ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ¹¹, ОПАСНОСТИ¹⁰

БОЛЕЗНИ⁷, ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА⁶, ФУНДАМЕНТ⁶, ЛИДЕРСТВО⁶, УСПЕХ⁵, ЦЕННОСТИ, МЕЧТЫ, ИДЕАЛЫ⁴, СРЕДНИЙ КЛАСС⁴, ТЯЖЕЛЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО², ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЩЕСТВО²

В.2. Владимир Путин

Идеологические концепты в метафорическом нарративе В. Путина

- РОССИЯ:** ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ⁴¹ (истории³, летописи, историю нашего народа, многовековой истории, российской истории, в отечественной истории, в ратной истории России, об исторических истоках, Крещение, Александр Невский, победа, Первая мировая война⁵, опыт прошлого, о решающем вкладе народов Советского Союза в разгром врага, спасение Европы и мира от фашистского порабощения, решающий вклад в разгром нацизма, освобождение Европы, итоги Второй мировой войны, историческую правду, неразрывность нашей многовековой истории, связь времён, непрерывность нашей истории, связь поколений и времён, мы храним верность выбору князя Владимира, хранит память, кто достойно продолжает эти великие традиции, эти великие победные традиции должно хранить и развивать, наследниками ратной славы, неразрывная связь времён и событий, преемственность поколений, бесценное достояние, сохранить историческое наследие Победы, не дают погаснуть благодарной памяти людей; не дают забыть, какой неизмеримой ценой была завоёвана Победа; подвиг во имя чести и свободы Родины); РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ¹⁴ (Родины, нашей Родины, любовь к Родине, своей Родины, вернуться в свой родной дом, Отечество, отечественной, своего Отечества, в отечественной истории, великое государство, укреплять государственность, государственности², централизованного Российского государства); НЕДРУГИ РОССИИ¹⁰ (проблемы и трудности, которые нам пытаются вбросить извне; обвинить Россию в растущих амбициях; Россия не была услышана; нежелание слышать; победа {в Первой мировой войне} была украдена; украдена; сеял распри внутри России; призывал к поражению; рвался к власти; предавая национальные интересы); АРМИЯ⁹ (наша армия, в ратной истории России, своей армии, воинского искусства, истинного патриотизма российских солдат и офицеров, великие ценности русской армии, о славе победоносного русского воинства, нынешнее поколение офицеров и солдат российской армии, ратной славы); БРАТСТВО НАРОДОВ, ЕДИНСТВО НАЦИИ⁷ (братские славянские народы, на многонациональной основе, наш многонациональный народ, братской поддержке, в поддержке крымчан, единой русской нации, сплочённость общества); БОРЬБА⁶ (отстаивать, нейтрализуя, не допустить, будем преодолевать², преодолеем) с ТРУДНОСТЯМИ, ОПАСНОСТЯМИ⁷ (трудности², проблемы, ответ на современные вызовы, внешние и внутренние угрозы, не допустить возрождения нацистской идеологии, идей расовой и религиозной розни); за МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ⁴ (мирно, бескровно решить конфликт; безопасность России³), ИНТЕРЕСЫ РОССИИ¹ (интересы России); ФУНДАМЕНТ, ОПОРА⁶ (строилась на, опираясь на, на основе, опора, основа); УКРЕПЛЕНИЕ⁴ (укреплять², укрепление²); СОТРУДНИЧЕСТВО⁵ (взаимодействия, контактов, кооперации, сотрудничество,

партнёрство); ДУХОВНОСТЬ⁴ (духовных корней², в духовном подъёме нашего народа, об источниках нашей духовности, духовные истоки); ОТКРЫТОСТЬ⁴ (открытой страной, Россия открыта для мира, мы открыты, открытая); ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД³ (важно двигаться вперёд, пойдём вперёд, для успешного движения вперёд); КУЛЬТУРА¹ (и нашей культуры); ЧЕСТНОСТЬ¹ (честный подход); ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ¹ (доброжелательной страной); СТРОИТЕЛЬСТВО¹ (строительству, восстанавливаем); ЦЕЛИ¹ (самые амбициозные цели); БУДУЩЕЕ¹ (мы более чётко видим горизонты будущего).

- **ЭКОНОМИКА:** МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ, ЗАПУСК МЕХАНИЗМА¹² (важно совершенствовать механизмы, внедрение механизмов, механизмы партнёрства, механизмов поддержки прикладных исследований, создавать механизмы сопровождения и поддержки, должен стать работающим инструментом, должен стать инструментом повышения качества управления, запуск механизма совершенствования управленческих кадров, запускаем проекты, запускаем один из таких проектов, запускается система господдержки, запуск крупных многосторонних экономических проектов); ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД¹⁰ (идти вперёд, постоянное движение вперёд, лидерами регионального рейтинга, социально-экономическую динамику, локомотивов, движущая сила, мы сделали серьёзные шаги, мы вплотную подошли к, будем предпринимать шаги, одним из важнейших шагов должен стать); УКРЕПЛЕНИЕ⁶ (запас внутренней прочности, укрепляет свои позиции, укрепление, укрепляются, важный вклад в стабилизацию ситуации, мы стабилизировали ситуацию); РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС⁶ (малого и среднего предпринимательства, малые и средние компании, отечественный рынок, российские компании³); АРМИЯ⁴ (стратегические ядерные силы, подразделения Военно-космической обороны, оборонная отрасль, военнослужащих); СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОДДЕРЖКА⁴ (сотрудничество, поддержка, партнёрство, контакты); ОТКРЫТОСТЬ² (повышением открытости, открытыми); РОСТ¹ (рост экономики).
- **ПОЛИТИКА:** СОТРУДНИЧЕСТВО¹³ (совместной работы, к взаимодействию, диалог, сотрудничество², дух сотрудничества, межгосударственного общения, координация, кооперация, координирующей роли ООН, тесные дружеские отношения, укрепление связей, восстановить связи); НЕДРУГИ РОССИИ¹⁴ (обвинить Россию в растущих амбициях, односторонние санкции в обход Устава ООН, {евразийское пространство} не шахматная доска, геополитических игр, правила игры переписаны, переписаны в угоду узкого круга избранных, экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается, попытки некоторых стран установить монополию на правду, {СМИ} стали грозным оружием {врага}, манипулировать словами, пытаться манипулировать, манипулировать общественным сознанием, жёсткие информационные войны; {США} сидят на вершине пирамиды {мировой политики} и думают, что они сильные и исключительные; НАТО не только остаётся, но и расширяется); МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ¹⁶ (путь к миру и процветанию, мы сделаем мир стабильным и безопасным, беречь мир, региональной безопасности, безопасности², процветанию, стабильности, прогресс, процветание², мирная стабильная жизнь; наш дом, чтобы в этом доме царил покой, достаток); БОРЬБА³ (бескомпромиссная борьба с, решительно противостоять, создать антитеррористическую коалицию) с ОПАСНОСТЯМИ⁴ (угроза, пожароопасны, вызов, опасными) – ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ⁸ (террористами, террористов, терроризмом, террористическая, антитеррористическая коалиция, экстремизмом², экстремистскими группировками), ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМИ НАЦИСТОВ¹ (кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество), ПОПРАНИЕМ ПРАВ И СВОБОД¹ (попрание чужих прав

и свобод), ПРЕСТУПНОСТЬЮ¹ (преступностью), КОРРУПЦИЕЙ (коррупцией), ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА¹ (нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой); за ПРАВО НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (свободного определения народами своей судьбы); ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ⁷ (восстановления государственности, укрепления институтов власти, государственные структуры, политического устройства государства, цивилизованное государство, наши государства); ФУНДАМЕНТ, ОПОРА⁷ (основ, с опорой на, более устойчивую базу, основываться на, основанную на, в фундаменты наших обществ; принципы, на которых должна строить свою деятельность ООН); ЗАКОНЫ, ПРИНЦИПЫ⁵ (международное право, Устава ООН, универсальных прозрачных принципах, принципах, принципы); СТРОИТЕЛЬСТВО³ (воссоздаются, восстановить, строить), УКРЕПЛЕНИЕ³ (укрепился, укрепление, укреплять); МЕХАНИЗМ² (механизм, механизмы для такой кооперации); ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ³ (инициатив по увековечиванию памяти о войне, памятью об уроках прошедших войн, исторические корни); ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД¹ (набирает динамику); ЧЕСТНОСТЬ РОССИИ¹ (наш такой честный и прямой подход).

Итеративные идеологические концепты в метафорическом нарративе В. Путина

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, ЦЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ⁴⁴

НЕДРУГИ РОССИИ²⁴, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПОДДЕРЖКА²²,
РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ²¹, МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ²⁰

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД¹⁴, МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ, ЗАПУСК МЕХАНИЗМА¹⁴,
УКРЕПЛЕНИЕ¹³, ФУНДАМЕНТ, ОПОРА¹³, АРМИЯ¹³, ТРУДНОСТИ, ОПАСНОСТИ¹¹,
ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ⁸

БРАТСТВО НАРОДОВ, ЕДИНСТВО НАЦИЙ⁷, БОРЬБА (со злом, за благо)⁶
РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС⁶, ОТКРЫТОСТЬ⁶, ЗАКОНЫ, ПРИНЦИПЫ⁵, СТРОИТЕЛЬСТВО⁴,
ДУХОВНОСТЬ⁴, ЧЕСТНОСТЬ²

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / [ред. В.Н. Ярцева]. – М., 1990. – С. 136–137.
2. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А.Н. Баранов // Русская политическая метафора: материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184–193.
3. Бровченко И.В. Концептуальная метафора в клише англоязычного научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бровченко Ирина Владимировна ; Черкасский нац. ун-т имени Б. Хмельницкого ; науч. рук. Жаботинская С.А. – Черкассы, 2011. – 364 с.
4. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика. Учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 352 с.
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. ИНИОН РАН. – М, 2002. – № 3. – С. 32–43.
6. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа для множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. статей за матеріалами VII Міжнародної наукової конференції. – Черкаси, 2011. – С. 3–6.
7. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) [Электронный ресурс] / С.А. Жаботинская // Когниция,

- коммуникация, дискурс : междунар. электр. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2013а. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-nob-2013/zabotinskaa-s-a>
8. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора в специальном языке: процедура анализа / С.А. Жаботинская // Иностранные языки в высшей школе (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина). – 2013б. – вып. 3 (26). – С. 24–32.
 9. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: конгруэнтное и неконгруэнтное картирование во множественных данных / С.А. Жаботинская // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / ред. А.Н. Рудяков. – № 5. – Симферополь, 2013в. – С. 104–106.
 10. Жаботинская С.А. Сетевая семантика: теория и практика / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV : Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы Всерос. науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. – С. 81–86.
 11. Лук'янець В. Філософія дискурсу / В. Лук'янець // Вісник НАН України. – 2002. – № 12. – С.22– 28.
 12. Радченко О.Ю. Концептуальна метафора в терміносистемі маркетингу : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Радченко Олена Юріївна ; Черкас. нац. ун-т імені Б. Хмельницького ; наук. кер. Жаботинська С.А. – Черкаси, 2012. – 314 с.
 13. Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как не дать себя обмануть / Х. Фексеус; [пер. со швед. Е.Н. Хохловой]. – М. : Рипол классик, 2010. – 272 с.
 14. Чабан Н.А. Концепт «ПОЛИТИКА СУВЕРЕННОЙ УКРАИНЫ» в вербальном воплощении / Н.А. Чабан. – Черкасы : Черкасс. гос. ун-т им. Б. Хмельницкого, 1997. – 94 с.
 15. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Наука, 2006. – 136 с.
 16. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
 17. Шевченко И.С. Дискурс и его категории / И.С. Шевченко // Вісник Харківського нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973, вип. 68. – С. 6–12.
 18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.–Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
 19. Яворська Г.М. Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі / Г.М. Яворська, О.В. Богомолів. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – 136 с.
 20. Anderson R.D. (Jr.). Metaphor of dictatorship and democracy: change in the Russian political lexicon and transformation of Russian politics / R.D. Anderson (Jr.) // Slavic Review. – 2001. Vol. 60. – No 2. – P. 312–335.
 21. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley // G. Ragazzini, D.R.V.P. Miller (eds.). Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna, 1985. – P. 77–174.
 22. Chomsky N. Language and politics / N. Chomsky. – 2nd ed. – Edinburgh et al. : AK Press, 2004. – 802 p.
 23. Dijk van T.A. Making news: a study in the construction of reality / T.A. van Dijk. – New York : Free Press, 1988. – 418 p.
 24. Dirven R. Cognitive exploration of language and linguistics / R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1998. – 300 p.

25. Epstein R. In the future Big Data will make actual voting obsolete / R. Epstein // Quarts. April 27, 2016. – Electronic data. – Mode of access : <https://qz.com/669983/maybe-we-should-let-google-vote-for-us/> (viewed on January 19, 2017).
26. Evans V. Cognitive linguistics. An introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – xxvi, 830 p.
27. Kovecses Z. The scope of metaphor / Z. Kovecses // Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective : [ed. by A. Barcelona]. – Mouton de Gruyter, 2000. – P. 79–92.
28. Kovecses Z. Metaphor: A practical introduction / Z. Kovecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 375 p.
29. Lakoff G. Metaphors we live by / J. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 239 p.
30. Lakoff G. Contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and thought / [ed. by A. Ortony]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
31. Lakoff G. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought / J. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.
32. Lakoff G. The political mind: Why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain / Lakoff G. – New York : Viking, 2008 – 292 p.
33. Nagels A. Neural substrates of figurative language during natural speech perception: an fMRI study [Electronic resource] / [A. Nagels, Ch. Kauschke, J. Schrauf, C. Whitney, B. Straube, T. Kircher] // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 19 September 2013. – Mode of access : <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnbeh.2013.00121/full>
34. Woody A. Why winning politics is now tied to dig data analytics [Electronic resource] / A. Woody // Datanami. May 10, 2016. – Electronic data. – Mode of access : <https://www.datanami.com/2016/05/10/winning-politics-now-tied-big-data/> (viewed on January 19, 2017).

REFERENCES

- Anderson R.D. (Jr.). (2001). Metaphors of dictatorship and democracy: change in the Russian political lexicon and the Transformation of Russian Politics. *Slavic Review*, 60 (2), 312335.
- Arutyunova, N.D (1990). Diskurs [Discourse]. In V.N. Yarceva (Ed.) // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar – Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 136-137 (in Russian).
- Baranov, A.N. & Karaulov, Yu. N. (1991). *Ocherk kognitivnoj teorii metafory* [An essay of the cognitive theory of metaphor]. In *Russkaya politicheskaya metafory: materialy k slovaryu – Russian political metaphor: materials for a dictionary*. Moscow: Institut russkogo yazyka AP SSSR, 184–193 (in Russian).
- Bayley, P. (1985). Live oratory in the television age: The language of formal speeches. In P. Bayley, G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller (Eds.). *Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984*. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985, 77–174.
- Brovchenko, I.V. (2011). *Konceptual'naya metafory v klishe angloyazychnogo nauchnogo teksta* [Conceptual metaphor in clichés of the academic text]. Unpublished candidate dissertation, Bohdan Khmelnytsky National University, Cherkasy, Ukraine (in Russian).
- Chaban, N.A. (1997). *Koncept POLITIKA SUVERENNOJ UKRAINY v verbal'nom voploshchenii* [The concept POLITICS OF SOVEREIGN UKRAINE in linguistic representation]. Cherkassy: Bohdan Khmelnytsky State University of Cherkasy, Ukraine (in Russian).
- Chomsky, N. (2004). *Language and politics*. 2nd ed. – Edinburgh et al. : AK Press, 2004.
- Chernyavskaya, V.E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemi rechovogo vozdejstviya [Discourse of power, and power of discourse]. Moscow: Nauka (in Russian).

- Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in the metaphoric mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg : Ural State Pedagogical Institute (in Russian).
- Budayev, E.V. & Chudinov, A.P. (2012). *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign political linguistics]. Moscow: Flinta (in Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (2002). Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of political philology]. In Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya – *Political science. Political discourse: History and contemporary studies*, 3. Moscow: INION RAN, 32–43 (in Russian).
- Dijk van, T.A. (1988). *Making news: a study in the construction of reality*. New York: Free Press.
- Dirven, R. & Verspoor, M. (1998). *Cognitive exploration of language and linguistics*. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
- Epstein, R. (2016). *In the future Big Data will make actual voting obsolete*. Quarts. April 27, 2016. Available from <https://qz.com/669983/maybe-we-should-let-google-vote-for-us/>
- Evans, V. & Green, M. (2006). *Cognitive linguistics. An introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Fekseus, H. (2010). *Iskusstvo manipulyacii. Kak ne dat' sebya obmanut': per. so shved. E.N. Hohlovoj* [The art of manipulatuin: how to evold cheating: translated from Swedish]. Moscow: Ripol Klassik (in Russian).
- Kovecses, Z. (2000). The scope of metaphor. In Z. Kovecses (Ed.). *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective*. Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Kovecses, Z. (2002). *Metaphor: A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Lakoff G. (1993). Contemporary theory of metaphor. In A. Ortony (Ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 202–251.
- Lakoff, G. (2008). *The political mind: Why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain*. N.Y.: Viking.
- Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. N.Y.: Basic Books.
- Luk'yanec', V. (2002). Filosofiya diskursu [Philosophy of discourse]. *Visnik NAN Ukraïni – Messenger of the Ukrainian National Academy of Scences*, 12, 22– 28 (in Ukrainian).
- Nagels, A., Kauschke, Ch., Schrauf, J. et al. (2013). Neural substrates of figurative language during natural speech perception: an fMRI study. In *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 19 September. Available from <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnbeh.2013.00121/full>
- Radchenko, O.Yu. (2012). *Konceptual'na metafora v terminosistemi marketingu* [Conceptual metaphor in the terminology of marketing]. Unpublished candidate dissertation, Bohdan Khmel'nitsky National University, Cherkasy, Ukraine (in Ukrainian).
- Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow-Volgograd: Peremena (in Russian).
- Shevchenko, Y.S. (2011). Dyskurs y eho katehoryy [Discourse and its categories]. *Visnyk Harkivs'koho nac. un-tu imeni V.N. Karazina – Messenger of V.N. Karazin National University of Kharkiv, Ukraine*, 973 (68), 6–12.
- Woody, A. (2016). Why winning politics is now tied to dig data analytics. *Datanami*. May 10. Available from <https://www.datanami.com/2016/05/10/winning-politics-now-tied-big-data/>
- Yavors'ka, G.M. & Bogomolov, O.V. (2010). *Nepevnij ob'yekt bazhannya: YEVIROPA v ukrayns'komu politichnomu diskursi* [A vague object of desire: EUROPE in Ukrainian political discourse]. Kyiv: Vidavnychij dim Dmytra Burago.
- Zhabotinskaya, S.A. (2011). Konceptual'naya metafora: procedura analiza dlya mnozhestvennyh dannyh [Conceptual metaphor: a research procedure for multiple data]. Aktual'ni problemi mentalingvistiki. Zb. statej za materialami VII Mizhnarodnoï naukovoï konferencii – *Topical*

problems of mental linguistics. Papers of the 7th International scientific conference. Cherkasy, 3–6. (in Russian).

- Zhabotinskaya, S.A. (2013a). Imya kak tekst: konceptual'naya set' leksicheskogo znacheniya (analiz imeni ehmocii) [Name as text: a conceptual network of lexical meaning (analysis of the name of emotion)]. *Kogniciya, kommunikaciya, diskurs. Mezhdunar. ehlekt. sbornik nauchnyh trudov, Har'kovskij nac.un-t imeni V. Karazina. – Cognition, communication, discourse. International electronic scholarly journal, V.N. Karazin National University, Kharkiv, Ukraine, 6.* 47–76. (in Russian). Available from <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no6-2013/zabotinskaa-s-a>
- Zhabotinskaya, S.A. (2013b) Konceptual'naya metafora v special'nom yazyke: procedura analiza [Conceptual metaphor in a language for specific purposes]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole (Ryazanskij gos. un-t imeni S.A. Esenina) – Foreign languages in a higher school, S. Yesenin Ryazan State university, Russia, 3 (26), 24–32* (in Russian).
- Zhabotinskaya, S.A. (2013c). Konceptual'naya metafora: kongruehtnoe i nekongruehtnoe kartirovanie vo mnozhestvennyh dannyh [Conceptual metaphor: congruent and incongruent mapping in multiple data] In A.N. Rudyakov (Ed.). *Funkcional'naya lingvistika – Functional linguistics, 5. Simferopol', 104–106* (in Russian).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

РЕЧИ Б. ОБАМЫ

1. Remarks by the President at DNC Winter Meeting. February 28, 2014 <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/02/28/remarks-president-dnc-winter-meeting>
2. Remarks by President Obama and NATO Secretary General Rasmussen Before Meeting. March 26, 2014 <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-obama-and-nato-secretary-general-rasmussen-meeting>
3. Statement by the President on Ukraine July 29, 2014 <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/07/29/statement-president-ukraine>
4. Weekly Address: America is Leading the World. September 27, 2014 <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/27/weekly-address-america-leading-world>
5. Weekly Address: America Is a Place Where Hard Work Should Be Rewarded. October 11, 2014. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/11/weekly-address-america-place-where-hard-work-should-be-rewarded>
6. Remarks by the President on Women and the Economy -- Providence, RI. October 31, 2014 <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/31/remarks-president-women-and-economy-providence-ri>
7. Remarks by President Obama at G20 Press Conference. November 16, 2014 <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/16/remarks-president-obama-g20-press-conference-november-16-2014>
8. Remarks by the President on the Terrorist Attack in Paris. January 07, 2015 <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/07/remarks-president-terrorist-attack-paris>
9. Remarks by the President on Working Families in a 21st Century Economy. January 15, 2015 <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/15/remarks-president-working-families-21st-century-economy>
10. Remarks by the President on Middle Class Economics. March 26, 2015 <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/03/26/remarks-president-middle-class-economics>

11. Remarks by the President On World Press Freedom Day. May 01, 2015
<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/05/01/remarks-president-world-press-freedom-day>
12. Remarks by President Obama in Press Conference after GCC Summit. May 14, 2015
<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/05/14/remarks-president-obama-press-conference-after-gcc-summit>
13. Statement by the President on the Re-Establishment of Diplomatic Relations with Cuba. July 01, 2015
<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/07/01/statement-president-re-establishment-diplomatic-relations-cuba>
14. Remarks by the President at 4th of July Celebration. July 04, 2015
<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/07/05/remarks-president-fourth-july-celebration>
15. Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly. September 28, 2015
<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly>

РЕЧИ В. ПУТИНА

16. Выступление на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны . 1 августа 2014 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46385>
17. Заседание Совета глав государств ШОС. 12 сентября 2014 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46605>
18. Телеканал Russia Today начал вещание в Аргентине . 9 октября 2014 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46762>
19. Торжественный приём по случаю Дня Героев Отечества. 9 декабря 2014 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/47211>
20. Новогоднее обращение к гражданам России. 31 декабря 2014 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/47446>
21. Концерт, посвящённый воссоединению Крыма и Севастополя с Россией. 18 марта 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/47878>
22. Открытие всероссийской акции «Вахта памяти». 6 апреля 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/49204>
23. Встреча глав государств – участников СНГ. 8 мая 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/49434>
24. Торжественный приём по случаю Дня России. 12 июня 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/49699>
25. Выступление на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2015». 16 июня 2015 года
<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49712>
26. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 19 июня 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49733>
27. Приём в честь выпускников военных вузов. 25 июня 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/49763>
28. Приём от имени Президента России в честь лидеров БРИКС и ШОС. 9 июля 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49904>
29. Приём по случаю тысячелетия преставления святого равноапостольного князя Владимира. 28 июля 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50068>
30. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 2015 года
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50385>

Жаботинская Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (бул. Шевченко, 81, г. Черкассы 18031, Украина); e-mail: saz9@ukr.net

Zhabotynska Svitlana – Doctor of Linguistics, Professor and Chair, Department of English Phology, Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy (81 Shevchenko Blvd., Cherkasy 18031, Ukraine); e-mail: saz9@ukr.net

УДК 811.111

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ
 КАК КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН**
А.В. Кузнецова (Житомир, Украина)

А.В. Кузнецова. Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный и прагматический феномен. Статья посвящена анализу дополнительных смысловых нюансов в художественном дискурсе в аспекте прагмакогнитивного подхода. Дополнительные смысловые нюансы трактуются как особый, детерминированный авторской интенцией вид имплицитной информации, имеющий концептуальную природу, выведение которого предполагает восприятие суммарного смысла других имплицитных смыслов данного дискурса: неаллюзивных намеков, аллюзий и символов. Исследование проводится на материале текста романа С. Ахерн. Показано, что создание и выведение указанных видов имплицитного смысла коррелирует с когнитивными механизмами и операциями. Выведение дополнительных смысловых нюансов происходит в два этапа и предполагает действие когнитивных механизмов, основными из которых являются профилирование с фокусированием/дефокусированием, проминантность, спецификация и перспективизация.

Ключевые слова: дополнительные смысловые нюансы, имплицитный смысл, когнитивная операция, когнитивный механизм, концептуальный бленд, сложный бленд.

Г.В. Кузнецова. Додаткові смислові нюанси як когнітивний і прагматичний феномен. Стаття присвячена аналізу додаткових смислових нюансів у художньому дискурсі в аспекті прагмакогнітивного підходу. Додаткові смислові нюанси розуміються як особливий, детермінований авторською інтенцією вид імпліцитної інформації, що має концептуальну природу, виведення якого передбачає сприйняття сумарного смислу інших імпліцитних смислів даного дискурсу: неалюзивних натяків, алюзій та символів. Дослідження проводиться на матеріалі тексту роману С. Агерн. Показано, що створення й виведення вказаних видів імпліцитного мовлення корелює з когнітивними механізмами й операціями. Виведення додаткових смислових нюансів відбувається у два етапи й передбачає дію когнітивних механізмів, основними з яких є профілювання з фокусуванням/дефокусуванням, промінантність, специфікація й перспективізація.

Ключові слова: додаткові смислові нюанси, імпліцитний смисл, когнітивна операція, когнітивний механізм, концептуальний бленд, складний бленд.

G.V. Kuznyetsova. Additional sense nuances as a cognitive and pragmatic phenomenon. The article introduces the analysis of additional sense nuances in a belles-lettres discourse in view of pragmatic and cognitive approach. Additional sense nuances are treated as a separate kind of implicit information, their cognitive nature being determined by the author's intention. Its inferring presupposes the anticipation of accumulated sense of other types of implicit sense in the discourse: non-allusive hints, allusions, and symbols. The text of C. Ahern's novel serves the material for this study. It is shown that the creation and inferring of implicit senses is correlated with cognitive mechanisms and operations. The inferring of additional speech nuances embraces two stages and rests on cognitive mechanisms, mainly profiling with focusing/defocusing, prominence, specificity and perspective.

Key words: additional sense nuances, implicit sense, cognitive mechanism, cognitive operation, conceptual blend, complex blend.

1. Введение

Дополнительные смысловые нюансы в терминологии Г.Г. Матвеевой (Матвеева 2003; Матвеева 2009) рассматриваются как особый вид информации, характерный для художественного дискурса, который не имеет четких структурных критериев вычленения в художественном тексте как компоненте художественного дискурса и выводится адресатом из некой совокупности имплицитных смыслов художественного дискурса, такое выведение смыслов является когнитивной базой для дополнительных смысловых нюансов. Недостаточная изученность смысловых текстовых нюансов, а также значительный интерес к изучению дискурса в парадигме когнитивной прагматики определяют **актуальность** предлагаемого исследования, **объектом** которого являются когнитивные особенности создания дополнительных смысловых нюансов в свете проявления когнитивных механизмов, которые отмечаются при выведении адресатом нюансов смысла, созданных автором в данном художественном дискурсе. **Предмет** исследования можно определить как совокупность вербальных репрезентантов, которые вербально (но непрямо) или имплицитно актуализируют дополнительные смысловые нюансы в виде текстовых концептов, а **цель** можно представить как анализ дискурсивной значимости и прагматической роли этих концептов в свете их когнитивной сущности. **Материалом** для статьи послужил текст романа “A Place Called Here” (S. Ahern), который рассматривается как составляющая художественного дискурса.

2. Постановка проблемы

Прагмастилистическое понятие дополнительных смысловых нюансов (далее – ДСН) изучалось в известных нам работах в одном ряду с явлениями “размытости”, нечеткости значения понятия (концепта), что приводит к своеобразному “растягиванию”, увеличению объема понятия и позволяет использовать такую речевую единицу для называния явления, которому в данный момент в данном языке трудно или невозможно найти название (Матвеева 2003). То есть, ДСН рассматривались как особый тип имплицитного смысла, который не выражен вербально, но присутствует в ткани текста (в нашем случае, художественного) и может быть воспринят адресатом. Основным исходящим постулатом теории исследователя можно назвать импликатуры Г.П. Грайса, которые позволяют говорящему воплотить свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что понимается реципиентом из общего смысла высказывания; иными словами, когнитивная связь с таким категориальным свойством дискурса как имплицитность не вызывает сомнения. Однако отсутствие стройности в подходе к изучению имплицитности не позволило осветить зависимость ДСН от имплицитных смыслов дискурса.

Филологическое изучение речевой категории имплицитности насчитывает не один десяток лет, поскольку имплицитные смыслы изучались риторикой еще в античные времена, однако, как указывает Л.Р. Безуглая, наибольшая заслуга в их изучение принадлежит в первую очередь прагмалингвистике, в аспекте исследования смыслов, которые ‘находятся между строк’ (Безугла 2009: 3). Проблеме не прямых/косвенных/имплицитных реализаций посвящены сотни исследований зарубежных и отечественных лингвистов, таких как Д. Вундерлих, В.Г. Гак, П. Грайс, Д. Остин, О.Г. Почепцов, Дж. Серль и многие другие. Следует отметить также работы, посвященные исследованию имплицитности на разных уровнях речи И.В. Арнольд, К.А. Долинина, В.А. Кухаренко, А.А. Масленникова, Ю.В. Попова, Т.И. Сильман, Е.Н. Стариковой и др. и актуализации имплицитных смыслов в реальной коммуникации (Ф.С. Бацевич, И.Н. Кобозева, Т.М. Колокольцева, Н.И. Лауфер, Ю.С. Мартемьянов, Л.М. Минкин, А.В. Олянич, Л.В. Фролкина, И.Б. Шатуновский и др.). В статье В.В. Дементьева (2013), посвященной обзору работ по не прямой коммуникации за последнее десятилетие, упоминается более ста источников. Несмотря на разнородность и обширность речевых явлений, относимых исследователями к сфере

непрямой/имплицитной коммуникации и не прямых/имплицитных смыслов, отечественная и зарубежная лингвистические традиции совпадают в базисном принципе: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов, оформленных в определенные синтаксические конструкции внутри высказывания, а откуда-то еще, что формально не присутствует в высказывании.

За последние годы наиболее глубокое изучение небуквальных, имплицитных смыслов осуществлено в русле когнитивной прагматики, и здесь следует назвать в первую очередь работы отечественного лингвиста Л.Р. Безуглой (Безугла 2007; Безугла 2008; Безугла 2009 и др.) и В.В. Дементьева (Дементьев 2001; Дементьев 2006; Дементьев 2013), выполненные с позиций дискурсивного подхода, одним из основных постулатов которого является анализ имплицитных коммуникативных смыслов на основе интенции говорящего/автора [(Шевченко и др. 2008: 6). Согласно названному подходу, имплицитный смысл понимается как вербализованный продукт конструирования мира коммуникантами в процессе реализации речевого акта при неразрывном единстве когнитивных, прагматических и лингвальных проявлений таких имплицитных смыслов в речевом акте (Безугла 2009: 2). Такое понимание имплицитности и имплицитного смысла разделяется в предлагаемой статье.

3. Результаты анализа и их обсуждение

Рассмотрение ДСН как особого вида информации, выводимой из имплицитных смыслов художественного дискурса, предполагает двуэтапность процесса такого выведения, когда первым этапом является выведение адресатом имплицитных смыслов, служащих основой для второго этапа когнитивной деятельности адресата – выведения ДСН, как своеобразного обобщения таких имплицитных смыслов. В этой связи представляется необходимым затронуть вопрос интенциональности ДСН в художественном дискурсе. В имеющихся работах, посвященных данному виду информации и выполненных в русле традиционной прагматики, подчеркивается, что формой актуализации ДНС выступают речевые сигналы, т.е. грамматические и текстуальные формы, отражающие машинальную актуализацию автором своих скрытых интенций на неосознаваемом уровне в процессе осуществления речевого поступка (Матвеева и др. 2009:74; Галоян 2013; Самарина, Похлебина 2013). Однако эти же скрытые смыслы выступают средством реализации тактики скрытого речевого воздействия на адресата, интенциональность которого не вызывает сомнения. Представляется, что уместнее говорить об отсутствии анализа при выборе автором конкретных речевых моделей и языковых средств для выражения своих мыслей, однако осознанность интенций очевидна, достаточно вспомнить известное высказывание Р. Блакара о том, что у автора всегда есть выбор языковых единиц для выражения некоего смысла, и этот выбор никогда не бывает случаен (Блакар 1987:92); иными словами, такой выбор всегда осознан и необходимо предполагает намерение автора. Более обоснованной представляется точка зрения А.А. Масленниковой, согласно которой неосознанным и обладающим низкой (или нулевой) степенью интенции является выбор грамматических конструкций, которые имеют скрытое дополнительное значение, тогда как выбор лексикона, речевых образцов и композиционных особенностей в художественном тексте всегда осознан и интенционален (Масленникова 1999:6). Такая точка зрения разделяется в настоящей работе, следовательно, ДСН понимаются как особый вид информации, характерный для художественного дискурса, который не находит непосредственной актуализации посредством вербальных репрезентантов, имеет концептуальную природу и занимает наивысшую, смыслоорганизующую позицию в информации, передаваемой художественным дискурсом. Однако, в числе вербализаторов имплицитного смысла, на основе которого выводится ДСН, рассматриваются разные элементы дискурса, вербально представленные в тексте и несущие имплицитный смысл: текстовые символы, намеки (в том числе аллюзии),

высказывания с трансформированными идиомами, метафоры и т.д. (Kuznyetsova 2015: 93). Создание ДСН рассматривается как речевая тактика скрытого воздействия автора на адресата, которая актуализируется автором и выводится адресатом одновременно с восприятием вербально выраженного смысла текста. В каждом отдельном художественном дискурсе адресат в процессе своей когнитивной деятельности подсознательно накапливает достаточно многочисленные и разнообразные речевые сигналы ДСН, воспринимая таким образом скрытые интенции адресанта-автора. Можно вспомнить высказывания В.М. Телия о дополнительных смыслах как о коннотативных элементах в составе смысловой сущности (Телия 1986: 236); реализуясь только в тексте/дискурсе, они не могут соотноситься со значением или компонентом значения какой-либо отдельной языковой единицы. Поэтому ниже предлагается попытка показать, что ДСН выделяются на основе соотношения и смыслового взаимодействия других, часто всех компонентов дискурса, актуализирующих имплицитный смысл.

Рассмотрим особенности создания ДСН на примере дискурса, текстовым репрезентантом которого является роман “A Place Called Here” (S. Ahern) (Ahern 2007). Главный персонаж романа, молодая женщина по имени Сэнди Шортт, с детства проявляет необычно сильное беспокойство по поводу пропавших вещей: одного носка после стирки в стиральной машине, завалившегося куда-то карандаша или блокнота, старого игрушечного медвежонка после поездки. Беспокойство ее настолько сильно, что Сэнди в поисках буквально переворачивает вверх дном весь дом и привлекает к поискам родителей. Родители Сэнди очень волнуются за свою дочь и прибегают к помощи школьного психолога, который работает с девочкой до самого окончания ею школы. После школы Сэнди начинает работать в ирландской полицейской службе по розыску исчезнувших людей, позже открывает собственное бюро по розыску. Однажды утром, перед встречей с одним из клиентов, Сэнди отправляется на обычную утреннюю пробежку и неожиданно попадает в незнакомый лес, откуда не может найти дорогу назад; она оказывается как бы в параллельном мире, куда попадают исчезнувшие люди и пропавшие вещи, в месте, где вполне можно жить, работать, создавать семьи, но откуда нельзя вернуться в реальный мир. Кроме того, в этом мире никто ничего не теряет. В этом месте (которое называется “Here”) беспокойство оставляет Сэнди впервые за много лет, хотя многое там для нее удивительно. Через несколько дней Сэнди неожиданно теряет часы, не находит их и воспринимает это как сигнал, что она может вернуться в реальный мир. Это вскоре и происходит.

Для показа концептуальных этапов создания ДСН данного художественного дискурса целесообразно остановиться на его художественных концептах. В современных исследованиях художественный концепт понимается как сложная содержательная структура, существующая в художественной картине мира, в которой сливаются воедино индивидуально-авторское понимание и лингвокультурологическая традиция национального употребления данного концепта; он трактуется как ‘сверхтекстовое’ образование, которое только в широком интертекстуальном контексте способно эксплицировать художественные замыслы [Красовская 2009: 22]. Основными свойствами художественного концепта являются его ментальная природа [Давидюк 2014: 87; Демьянков 2001; Ніконова 2008 и др.], репрезентация в текстовых смыслах при доминировании его предметно-образной стороны [Черкасова 2015: 208], психологическая сложность, расплывчатость, художественная ассоциативность при значительной части невербализованной информации [Демьянков 2007; Ніконова 2008; Попова 2007; Радзієвська 2010; Шевченко 2006], вербализация посредством отдельных слов, фраз и сверхфразовых единств, причем создается такой концепт с помощью образности и метафоризации [Черкасова 2015: 208]. Анализ ключевых концептов данного художественного дискурса осуществляется с применением элементов методики идентификации концептов, предложенной В.Г. Никоновой [Ніконова 2008; Ніконова 2011]. Центральный смысл методики состоит в выделении из ключевых

фрагментов тематической линии, в которых, в свою очередь, выделяется тематическая доминанта, представленная тематическим словом, а также смысловые реляты. На основании тематических слов происходит определение ключевых художественных концептов, вербализованных в этих фрагментах. При анализе создания ДСН используются элементы методики метаописания (Е.М. Кагановская), методики семантико-когнитивного моделирования (Ж. Фоконье и М. Тернера), предусматривающей реконструкцию схем концептуальной интеграции [Fauconnier 2002], а также наша методика построения ассоциативных цепочек, состоящих из когнитивных шагов-умозаключений.

В результате проведенного анализа было установлено, что концептуальное пространство анализируемого дискурса организовано вокруг эксплицитно выраженных ключевых концептов ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON), ПОИСК/SEARCH, НАХОЖДЕНИЕ/FINDING. Эти концепты образуют одну тематическую линию и вербализуются при помощи разных речевых средств, хотя для описываемого дискурса характерно небольшое разнообразие вербализаторов. Под вербализатором понимаем любое речевое средство актуализации концепта в дискурсе. Так, концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) идентифицируется следующим образом:

- ПРОПАЖА – ЭТО КАТАСТРОФА: *she was Jenny-May Butler, the sweet missing girl from the nice family who cried on the nine o'clock news every night [Ahern:2]. She was never found – not her body, not a trace of her; it was as though she had disappeared into thin air [Ahern:3]. It disturbed me that frequently my missing possessions were nowhere to be found [Ahern: 4].*

- ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ: *I disappear regularly, I lose contact regularly, no one checks on me and I like it this way [Ahern:23]. This was the longest search Jack had ever endured and he wished his brother would come out of his finding place now, show himself with that proud smile and end the game [Ahern: 39]*

Очевиден метафорический характер дискурсивной идентификации концепта ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON), иными словами можно представить реконструкцию сети концептуальной интеграции (блендинга), которая схематически раскрывает актуализацию названных когнитивных метафор в исследуемом дискурсе.

В первой когнитивной метафоре интегрируются два концепта – ПРОПАЖА и КАТАСТРОФА. Благодаря концептуальному картированию и проекции исходных пространств на интегрированное пространство получаем эмерджентную структуру, которая актуализирует вновь созданный образ, то есть, новый смысл. В этом эмерджентном смысле пропажа отдельных вещей и людей приобретает характер КАТАСТРОФЫ, поскольку пропавшие вещи, и тем более люди, так и не найдены. Пропажа человека действительно является КАТАСТРОФОЙ для его/ее близких, пропажа вещи приобретает катастрофический смысл для отдельного персонажа романа, так как становится причиной непреодолимого беспокойства не только для этого персонажа (Сэнди Шортт), но и для всей ее семьи, лишая ее родителей спокойного отношения к жизненным событиям и порождая в них такое сильное душевное беспокойство, что оно трансформирует их жизнь. Персонажи романа не могут воспрепятствовать таким ПРОПАЖАМ или объяснить их, поэтому ПРОПАЖИ становятся для них настоящей КАТАСТРОФОЙ. Представим концептуальную интеграцию данной концептуальной метафоры в виде следующей схемы:

Общее пространство

Рис. 1. Схема концептуальной интеграции концептуальной метафоры
ПРОПАЖА – ЭТО КАТАСТРОФА

Во второй когнитивной метафоре представлены концепты ПРОПАЖА и ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ. В этом случае концептуальное картирование и проекция исходных пространств на интегрированное пространство приводит к эмерджентной структуре с новым смыслом: ПРОПАЖА (человека) происходит настолько часто, что переходит в ПРИВЫЧКУ, которую непонимающие сути проблемы люди принимают за КАПРИЗ: главный персонаж часто неожиданно уезжает, не сказав, куда и на какой срок, и также неожиданно появляется без предупреждения. Таким образом, неожиданные исчезновения Сэнди воспринимаются ее близкими как ее КАПРИЗ или ПРИВЫЧНАЯ линия поведения, и когда она действительно пропадает, семья не сразу понимает это. Представим схему концептуальной интеграции при образовании названного бленда:

Общее пространство

Рис. 2. Схема концептуальной интеграции концептуальной метафоры
ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ

Концепт ПОИСК/SEARCH обнаруживает такие дискурсивные идентификации:

- ПОИСК – ЭТО ПРОФЕССИЯ: *I'm in the business of searching and I know how it works [Ahern: 23]. "I run a missing persons agency, Bobby." [Ahern: 310].*

В данной когнитивной метафоре бленд образуется концептами ПОИСК и ПРОФЕССИЯ. Поскольку для персонажа (Сэнди Шортт) разыскивание пропавших вещей становится насущной необходимостью, граничащей с наваждением, и беспокойство из-за исчезнувших людей ее никогда не покидает, она ставит свой ПОИСК на ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ основу, сначала работая в отделе по розыску пропавших людей в полиции Ирландии, а потом открыв собственное бюро ПОИСКА исчезнувших людей.

- ПОИСК – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: *When my favourite pair of socks went missing I turned the house upside down while my worries parents looked on, not knowing what to do [Ahern: 4]. I felt for my wrist to check the time and remembered again my watch was gone. My heart started to pound as it always did when something of mine was missing. I would immediately become restless and ache to start looking. My hunts were like an addiction, the feeling pre-search like craving [Ahern: 245].*

В этом случае образование интегрированного пространства происходит на базе концептов ПОИСК и ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. ПОИСК с раннего возраста становится важным элементом жизни Сэнди после каждого случая исчезновения какой-либо вещи. Она не только оставляет для ПОИСКА все остальные занятия, но и вовлекает в процесс своих родителей, для нее является НЕОБХОДИМОСТЬЮ узнать, в какое место попадают вещи и люди, которые неожиданно теряются или исчезают. НЕОБХОДИМОСТЬ становится настолько очевидной, что окружающие склонны рассматривать ее как аномалию.

Концепт НАХОЖДЕНИЕ/FINDING определяется в анализируемом дискурсе следующим образом:

- НАХОЖДЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ: *They disappeared during a school camping trip in the sixties and were never found. But there they were now, older, wiser and their innocence lost. I had found them [Ahern: 56]. But I had a passion to just find. Finding this place was just one big answer to a life-long question that had caused me to sacrifice everything [Ahern: 122].*

Здесь базой образования интегрированного пространства являются концепты НАХОЖДЕНИЕ и ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ. НАХОЖДЕНИЕ того, что исчезло, занимало мысли Сэнди настолько, что она посвящала этому занятию все больше времени и, в сущности, ничего больше так не хотела, как НАЙТИ то/тех, что/кто исчез или потерялся. НАХОЖДЕНИЕ как процесс становится настолько важным, что приобретает форму ЖИЗНЕННОЙ ЦЕЛИ, к которой персонаж последовательно стремится, сделав этот процесс своей профессией и посвящая ей всю свою жизнь.

Представленные фрагменты показывают, что художественные концепты данного дискурса характеризуются незначительной вариативностью смысловых релятивов-ассоциаций. Это свидетельствует о вполне определенной интенции автора: направить внимание адресата на определенным образом организованные смыслы, тем самым как бы программируя выведение им имплицитных смыслов. Вполне очевидно, что выделенные концепты находятся в ассоциативно-смысловой связи между собой: ПРОПАЖА (то есть КАТАСТРОФА/ПРИВЫЧКА) → ПОИСК (то есть ПРОФЕССИЯ/ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ) → НАХОЖДЕНИЕ (то есть ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ).

Необходимо отметить высокую повторяемость вербализации данных концептов в дискурсе: на некоторых страницах актуализация концепта ПРОПАЖА/ MISSING THING (PERSON) доходит до 8; актуализация концепта ПОИСК/SEARCH – до 5. Была подсчитана также средняя частотность актуализаций художественных концептов этого дискурса: выделено общее число всех вербализаций названных выше концептов по отношению ко всему объему текста. Так, средняя частотность ПРОПАЖА/ MISSING THING(PERSON) составляет 1,5 актуализации на страницу, для концепта ПОИСК/SEARCH было определено 0,7 актуализаций на страницу, средняя частотность концепта НАХОЖДЕНИЕ/FINDING – 0,2 актуализации на страницу. Столь высокая частотность актуализации художественных концептов дискурса обеспечивает предельную ясность интенции автора и выведение необходимых смыслов адресатом: персонаж считает реализацию своей жизненной цели – нахождение места, где находятся исчезнувшие люди и вещи, наивысшим счастьем и поэтому стремится к этому. Однако восприятие смыслов дискурса в целом обнаруживает наличие ДСН: достижение столь желанной цели оказывается лишь ИЛЛЮЗИЕЙ СЧАСТЬЯ, которое оборачивается для персонажа (Сэнди Шортт) глубокой печалью: ведь самые близкие ей люди (родители, любимый человек) ей не верят, все так же считая, что девушка немного не в себе.

Рассмотрим особенности создания и выведения указанного ДСН. Как было отмечено выше, в основе ДСН лежит выведение имплицитных смыслов разных видов имплицитной речи, которые несут такой смысл. Это выведение мы рассматриваем как первый когнитивный этап выведения собственно ДСН. В анализируемом дискурсе имплицитные смыслы

выражены в неаллюзивных намеках, аллюзиях и символах, причем эти смыслы накапливаются по мере разворачивания дискурса. Проанализируем названные виды имплицитной речи и имплицитные смыслы, которые они несут, подробнее.

1. Намеки являются достаточно типичным способом создания имплицитных смыслов изучаемого дискурса. В современных лингвистических исследованиях намек трактуется как косвенный способ выражения определенной интенции автора, выводимость которой обеспечивается смысловыми связями дискурса и предполагает некое когнитивное усилие, обеспечивающее логический вывод или цепочку таких выводов [напр., Куликова 2010; Weizman 1993]. Приведем пример повторяющихся намеков, которые содержатся в описании отношений Джека (брата которого ищет Сэнди) и его девушки Глории:

Gloria, his girlfriend of eight years, always slept. She had slept soundly through the entire year of Jack's horrid nightmare, and still she dreamed. Still she had hopes for tomorrow. She had fallen into a deep sleep after hours spent at the garda station, the first day they worried about not hearing from Donald after four days of silence. She slept after the gardai had spent the day searching the river for his body [Ahern: 31].

Многочисленность тематического повтора в приведенном выше фрагменте (частотность вербализаторов концепта COH/SLEEP составляет 12 в пределах двух страниц текста при незначительной лексической вариативности и синтаксическом параллелизме), употребление подобных актуализаторов концепта COH/SLEEP по всей ткани дискурса, а также смысловой контраст с фрагментами текста, описывающими поступки Джека в тот же период (*He had stayed awake at nights looking through maps, rereading reports, double-checking times... Jack's horrid nightmare*) создают достаточно выразительный намек. Если прямую пропозицию (ПП), повторяющуюся в данном фрагменте дискурса, можно схематически представить как:

(ПП₁) *Gloria always slept when Jack couldn't sleep,*

то имплицитную пропозицию намека (ИП₁) в данном случае можно вывести таким образом:

(ИП₁) *Gloria wasn't attentive to Jack's worries.*

Gloria didn't understand Jack.

Другими словами, намек здесь имплицитно актуализируем концепт ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING.

Выведение данного имплицитного смысла предполагает действие когнитивного механизма **фокусирования** ('focusing' по Р. Ленекеру [Langacker 1990]), под которым понимается концентрация внимания только на той части понятия, которое важно в данной конкретной коммуникативной ситуации, при затухании ситуативно нерелевантной части этого понятия. В указанных примерах ситуативно важен имплицитный смысл отсутствия внимания и сопереживания, который накладывается на смысл прямой пропозиции *Gloria always slept/ She slept when Jack when Jack couldn't sleep with worry*. Именно этот смысл фокусируется, тогда как смысл прямых пропозиций выступает как бы *когнитивным фоном* [Голубева 2010: 33; Deane 1992; Langacker 1990], а помещенный в фокус имплицитный смысл намеков выступает как *фигура*. Представляется, что в данном случае использование терминов "фигура" и "фон" призвано обозначить выведение информации гештальта (имплицитно вербализованного концепта ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING), который характеризует интенцию автора и когнитивную деятельность адресата, причем, как отмечала Е.С. Кубрякова, структура такого гештальта не сводится к совокупности ее частей [КСКТ 1996: 185]. Иными словами, концепт-гештальт потенциально имплицитен, что наблюдается в приведенных примерах с намеками. Фокусирование необходимо связано с когнитивным механизмом проминантности ('prominence' по Р. Ленекеру [Langacker 1990]), которую также называют 'акцентированием понятийной сущности' [Жаботинская 2013:83], поскольку то, что интенционально выделено фокусом, становится более заметным, проминантным. Восприятие адресатом имплицитных

смыслов рассматриваемого рода обеспечивается способностью человеческой когниции переключаться от одной структуры знания к другой, т.е. выделять в том или ином объекте главное и второстепенное, или уже упомянутые фигуру и фон. При этом происходит переключение фокусов внимания, что обеспечивает возможность для человека сосредотачиваться на все новых фрагментах информации. То есть, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, облекая информацию в форму последовательности высказываний, любой автор каждый раз необходимо соотносит информацию, необходимую для передачи адресату, со своим опытом, оценками, стереотипами [Болдырев 2006: 56] таким образом, чтобы адресат проделал такие же когнитивные операции и задействовал такие же когнитивные механизмы. Поэтому можно отметить, что выведение имплицитных смыслов также связано с когнитивным механизмом **профилирования**, то есть выделения тех характеристик предметов коммуникации, которые особенно релевантны для данного фрагмента дискурса или дискурса в целом. Так, при выведении описанных выше имплицитных смыслов профилирование обеспечивает проминантность именно имплицитных пропозиций намека (ИП₁) на фоне прямой пропозиции (ПП₁).

Этот же концепт (ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING) актуализуется во фрагментах дискурса, повествующих об отношении родителей Сэнди к ее странностям. Например:

I didn't have a bad relationship with my parents. ... Ever since I was ten they had tiptoed around me, watched me warily. They had pretend conversations and false laughs that echoed around the house. They would try to distract me, create an ease and normality in the atmosphere, but I knew that they were doing it and why, and it only made me aware that something was wrong [Ahern: 12].

I think that's the moment I began to hate seeing myself in their eyes, and unfortunately it was the beginning of my dislike of being in their company [Ahern: 59].

Здесь выведение имплицитного смысла намеков основано на цепочках пошаговых умозаключений адресата из описаний поведенческих особенностей участников коммуникативной ситуации анализируемого дискурса:

1) Родители относились к Сэнди бережно, но настороженно → Они пытались искусственно привести ситуацию к норме → Родители не знали, в чем причина странности их дочери.

2) Сэнди чувствовала растерянность родителей → Она страдала от их беспомощности в этой ситуации → Она видела, что не найдет понимания у родителей.

Такие цепочки умозаключений разворачиваются в ментальной деятельности адресата из-за неконтролируемых им когнитивных особенностей словесных ассоциаций, которые, по свидетельству исследователей, возникают через сознательно ориентированные распознавания, опирающиеся на аксиологические, логические или/и эмотивные ориентиры, которые могут быть выражены через понятия [Santos 2010]. Прямые (ПП₂) и имплицитную (ИП₂) пропозиции можно представить для приведенных выше намеков следующим образом:

(ПП₂): *Sandy's parents were watching her warily.*

They didn't share Sandy's discontent.

Their behaviour demonstrated that something was wrong with Sandy.

Sandy disliked being in her parents' company.

(ИП₂): *Sandy's parents did understand her. This lack of understanding spoils the climate in the family.*

Выведение имплицитного смысла (ИП₂) представленных выше намеков предполагает, как было указано, когнитивную операцию умозаключение, представляющую собой (по Р. Ленекеру) составляющий элемент когнитивного механизма **спецификации**, при котором происходит сужение, конкретизация смысла. Действительно, при выведении имплицитного смысла показанных намеков адресату требуется сузить информацию прямых

пропозиций (ПП₂), которая выступает когнитивным фоном, и вывести имплицитный смысл (ИП₂), выступающий как фигура, на основании фокусирования (промнантности) и профилирования.

2. Особая роль с созданием имплицитных смыслов в анализируемом дискурсе принадлежит аллюзиям (всего выделено 79 текстовых фрагментов, где актуализированы аллюзии, причем для данного дискурса характерна высокая плотность употребления аллюзий), в особенности литературным аллюзиям, которые составляют около 30%. Выведение имплицитных смыслов таких аллюзий также коррелирует с когнитивными операциями фокусирования и профилирования. Однако представляется, что превалирует именно механизм спецификации, поскольку восприятие аллюзий базируется на обобщении и сравнении. Обобщение, как сущностный компонент спецификации, здесь имеет повышенную значимость, так как включает экспрессивно-образный элемент, присущий литературным аллюзиям [Дронова 2004; Thomas 1986:92]. Наибольшей частотностью и дискурсивной значимостью отмечены аллюзии на повесть американского писателя “The Wizard of Oz” (L. Frank Baum). Рассмотрим имплицитные смыслы таких аллюзий:

‘OK, well, it’s a children’s movie,’ I stressed to Helena, ‘made in the thirties about a little girl called Dorothy Gale who is swept away in a cyclone to a magical land. Once there, she embarks on a quest to see the wizard, who can help her return home. It’s ridiculous to ask a group of adults to do it.’ I laughed, but realized no one was laughing with me.

‘And this wizard, does he help her?’

‘Yes,’ I said slowly, feeling it odd the story was being taken so seriously. ‘The wizard helps her and she learns that she could have returned home the whole time. All she had to do was tap her ruby heels together and say ‘There’s no place like home, there’s no place like home.’

‘He still didn’t laugh. ‘So she returns home in the end?’

There was a silence and I finally understood why. I nodded slowly.

‘And what does she do while she’s in this magical land?’

‘She helps her friends,’ I said quietly.

‘It doesn’t seem such a silly story to me,’ Joseph said seriously. ‘One the people here will very much like to see.’

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the phrase “There’s no place like home” was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep [Ahern 260-261].

Эта развернутая аллюзия имплицитно актуализует ключевой концепт ПОИСК/SEARCH, который здесь имеет признаки концепта-сценария: и для самого романа “A Place Called Here” и для вышеназванной повести-аллюзии поиск (в частности, его релятив – поиск пути домой) является центральной проблемой. Кроме того, ассоциации с повестью-сказкой, где речь идет о нереальном событии, усиливает ассоциации нереальности происходящего в месте под названием *Here* в анализируемом дискурсе.

Ассоциация с нереальностью поиска прослеживается также в другом фрагменте с аллюзиями на ту же повесть:

‘I need a heart,’ Derek cried out. ‘I need a brain,’ Bernard announced theatrically. ‘And I need courage,’ Marcus said quietly in his bored tone. The audience laughed as they all hopped off with Dorothy stage right, arm in arm [Ahern: 505]. – Здесь имплицитно показана тщетность поиска для сказочных персонажей (один из них ищет сердце, другой – мозги, третий – храбрость; смех зрителей также является имплицитным сигналом нереальности и тщетности поиска).

Рассмотрим особенности выведения имплицитных смыслов приведенных выше аллюзий. Мы исходим из обоснованной в целом ряде современных исследований аллюзий

точке зрения, согласно которой аллюзия представляет собой особый прием построения текста, сложный текстовый намек, отличительным признаком которого является интертекстуальность [Карасик 2005; Поляковська 2014; Ярошевич 2012]. Интертекстуальность аллюзии выражается в том, что аллюзивная единица как элемент претекста, снова возвращается в текст как компонент дискурса, уже обогащенная дополнительными смыслами, ассоциациями и новым содержанием, которые индивидуальны для каждого дискурса. Иными словами, аллюзия выступает инструментом извлечения дополнительной информации из уже известного образа – прецедентного текста. Как справедливо отмечает И.С. Ярошевич, отличительной чертой аллюзивного процесса является способность аллюзии как вида скрытого смысла передавать не только некое имплицитное содержание, но и привносить ‘чужое слово’, что подразумевает знание адресатом прецедентных текстов [Ярошевич 2012: 119]. Интенциональность аллюзии проявляется в анализируемом дискурсе чрезвычайно выпукло: трудно найти адресата, незнакомого с данным прецедентным текстом.

Отметим, что актуализация аллюзий и выведение имплицитных смыслов происходит по тем же когнитивным механизмам, которые типичны для актуализации намеков в целом: фокусирования, профилирования и спецификации. Однако в случае с аллюзиями особая роль принадлежит когнитивному механизму **перспективизации**, впервые описанному Ч. Филлмором в его теории фреймов; согласно этой теории лексическое значение способно передавать определенную ситуацию, соотносимую с фреймом знания посредством ‘перспективы’, а это предполагает перспективизацию отдельных элементов фрейма [Болдырев 2000; Паршина 2016]. В случае с аллюзиями на передний план выдвигается смысл фрагментов прецедентных текстов, который служит базой для формирования новых имплицитных смыслов текста и дискурса, в котором данная аллюзия актуализуется. Имплицитные смыслы аллюзий (ИС₃) приведенных выше фрагментов дискурса, которые выводятся на основании смыслов прецедентного текста (СПТ), можно схематично представить так:

а) (СПТ): Dorothy is swept away in a cyclone to a magical land

Перспективизация

(ИС₃): All people from ‘Here’ were swept there by some unknown force.

б) (СПТ): She could have returned home the whole time

Перспективизация

(ИС₃): It was probably possible to return home from ‘Here’.

в) (СПТ): All she had to do was tap her ruby heels together and say ‘There’s no place like home’

Перспективизация

(ИС₃): Sandy had to follow Dorothy’s actions at a certain moment, and this would bring her home.

Приведенные схемы иллюстрируют особенность перспективизации при выведении имплицитных смыслов в дискурсе: выделенность определенных фрагментов смысла прецедентных текстов носит временный характер и зависит только от смысла данного анализируемого дискурса. Следует отметить, что приведенный выше фрагмент демонстрирует действие вторичного профилирования при выведении аллюзии. Это наблюдается в следующей части фрагмента:

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the phrase

“There’s no place like home” was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep.

Здесь очевидно, что фрагменты прецедентного текста *ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches* и the phrase “*There’s no place like home*” под действием профилирования и перспективизации становятся фактом нового дискурса и его атмосферы, и их имплицитный смысл (ИС₃) приобретает дополнительный имплицитный смысл (ИС_{3a}): *These things and words refer to Sandy in her reality.* Этот имплицитный смысл (ИС_{3a}), возникающий на основе ассоциаций с элементами прецедентного текста, приобретает в анализируемом фрагменте функцию метафоры. Происходит переосмысление значения аллюзии как знака прецедентного текста, поскольку соотношение с объектом сравнения (*ruby slippers, cyclones, houses that fell on witches, the phrase “There’s no place like home”*) является непрямым. То есть, данный имплицитный смысл как бы накладывается на ранее актуализированный имплицитный смысл. Важно отметить также, что указанный имплицитный смысл находит непосредственную реализацию в дальнейшем развертывании дискурса: Сэнди произносит приведенную фразу, постучав бутафорскими рубиновыми туфельками, во время спектакля, где она играет роль Дороти, и оказывается в своей нормальной реальности, в городе, где она жила в действительности. Она буквально падает откуда-то с высоты и получает травму.

Выведение имплицитных смыслов аллюзивных высказываний необходимо включает когнитивный процесс **дефокусирования** (‘defocusing’ по Р. Ленекеру [Langacker 1987]), при котором происходит частичное или полное подавление несущественных компонентов смысла, стоящих за смысловой единицей. В данном случае наблюдаем частичное подавление смыслов аллюзий как компонентов прецедентных текстов: в анализируемом дискурсе актуализируются только те части смысла названных аллюзий, которые релевантны для данного дискурса.

3. Первый этап создания автором и выведения адресатом ДСН включает также выведение имплицитного смысла символов. В современной лингвистике текста символ понимается как комбинированный многозначный образ, скрывающий конкретный и ассоциативный смысл; это условное обозначение определенного предмета или явления при помощи других предметов или явлений на основе общего признака, частичного или приблизительного подобия, которое основано на ассоциативной передаче глубинной сути означаемого слова [Святовец 2011:151]. Уже данное определение содержит указание на имплицитный и ассоциативный характер символов, что предполагает необходимость выведения скрытых смыслов. Выделенные в данном дискурсе символы актуализируют концепт ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON). Таких символов в анализируемом дискурсе всего три, и они представлены словами, которые называют группы пропавших вещей Сэнди: *sock/socks, watch, Mr. Pobbs* (потерянный игрушечный медвежонок). Их смысловая нагрузка обеспечивается действием когнитивных механизмов фокусирования и перспективизации, подобно смысловой нагрузке аллюзий. Символическое значение приобретает также имя исчезнувшей девочки *Jenny-May Butler*, поскольку именно ее исчезновение было первым в жизни Сэнди. Действие перспективизации проявляется особенно четко, поскольку названные символы вербализируют только контекстуально детерминированную часть своего значения, а именно только названный концепт ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON). Любые другие потенциально возможные значения несимволического характера данных единиц подавлены в анализируемом дискурсе. Рассмотрим примеры:

– *‘What pair are they?’ ... ‘My blue ones with the white stripes’ I answered on the typical occasion I insisted on bright coloured socks, bright and identifiable so that they could easily be found [13]. ‘The sock made me feel better because it was the brightest thing I’d ever seen’, he laughed. ‘It was even labeled, for Christsake’ [288].* – Этот символ повторяется в тексте 17 раз.

– *I liked Jenny-May Butler a lot more when she was gone than when she was here and that also interested me [3]. ‘What made you want to find missing people? It’s such an unusual career.’*

I laughed. ‘Now there’s a question.’ I thought back to when it all began. ‘Two words,’ I smiled. ‘Jenny-May Butler. She lived across the road from me when I was a child in Leitrim, but she went missing when she was ten.’ [455]. – Частотность повторения этого символа составляет 11.

– *Staring up at me with his one eye was my dear friend Mr Pobbs [291]. ‘I told you I’d find you, Mr Pobbs,’ I whispered [293].* – Частотность этого символа – 5.

Символический смысл всех приведенных единиц детерминирован не только их частотностью, но и тем, что они актуализируют не только концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), а и его релятив ПРОПАЖА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАЙДЕНА, таким образом имплицитно создается когнитивное взаимодействие между концептами ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON) и НАХОЖДЕНИЕ/FINDING.

Схематически выведение имплицитных смыслов приведенных дискурсивных символов можно изобразить, показав взаимодействие прямых пропозиций ПП₄ и имплицитных смыслов ИС₄ которые образуются на основе многочисленных дискурсивных тематических цепочек и целого ряда мозаик:

ПП₄: Socks are found. Mr Pobbs is found. Jenny-May Butler is alive and has her own family.

ИС₄: Sandy’s long search is over. Sandy has found the place the longed to find.

Выведение ДСН анализируемого дискурса представляет собой второй этап выведения имплицитных смыслов, в результате которого в сознании адресата создается смешанное эмергентное пространство, сложный бленд на основе нескольких входных ментальных пространств – имплицитного смысла намеков ИП₁ и ИП₂ (ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/LACK OF UNDERSTANDING), аллюзий ИС₃ (ПОДОБНОЕ УЖЕ БЫЛО; ПОТЕРЯННЫЕ НАЙДЕНЫ) и ИС_{3а} (УЖЕ ИЗВЕСТНОЕ ОТНОСИТСЯ К НАСТОЯЩЕМУ; ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНО) и символов ИС₄ (ПОИСК ЗАКОНЧЕН, СЭНДИ ДОКАЗАЛА СЕБЕ И ВСЕМ ПРАВИЛЬНОСТЬ СВОИХ СТРЕМЛЕНИЙ), и при участии когнитивных процессов достраивания и развития (‘completion’и ‘elaboration’ по Ж. Фоконье [Fauconnier 2002]) когнитивная деятельность адресата способна вывести интендованную автором имплицитную информацию ДСН: УДОВЛЕТВОРЕНИЕ И РАДОСТЬ ОТ НАХОЖДЕНИЯ МЕСТА ИСЧЕЗНУВШИХ ВЕЩЕЙ/ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИЯ. Следует подчеркнуть, что указанные когнитивные операции при образовании сложного бленда происходят во взаимодействии с процессами актуализации и восприятия названных выше ключевых концептов анализируемого дискурса. Полученная гибридная структура – сложный бленд содержит в себе элементы входных пространств, которые образуют смысловое и логическое противоречие: все усилия и душевные стремления персонажа приносят ей успех, который никто из её близких не понимает и внутренне не принимает. Представим схему выведения ДСН для данного дискурса:

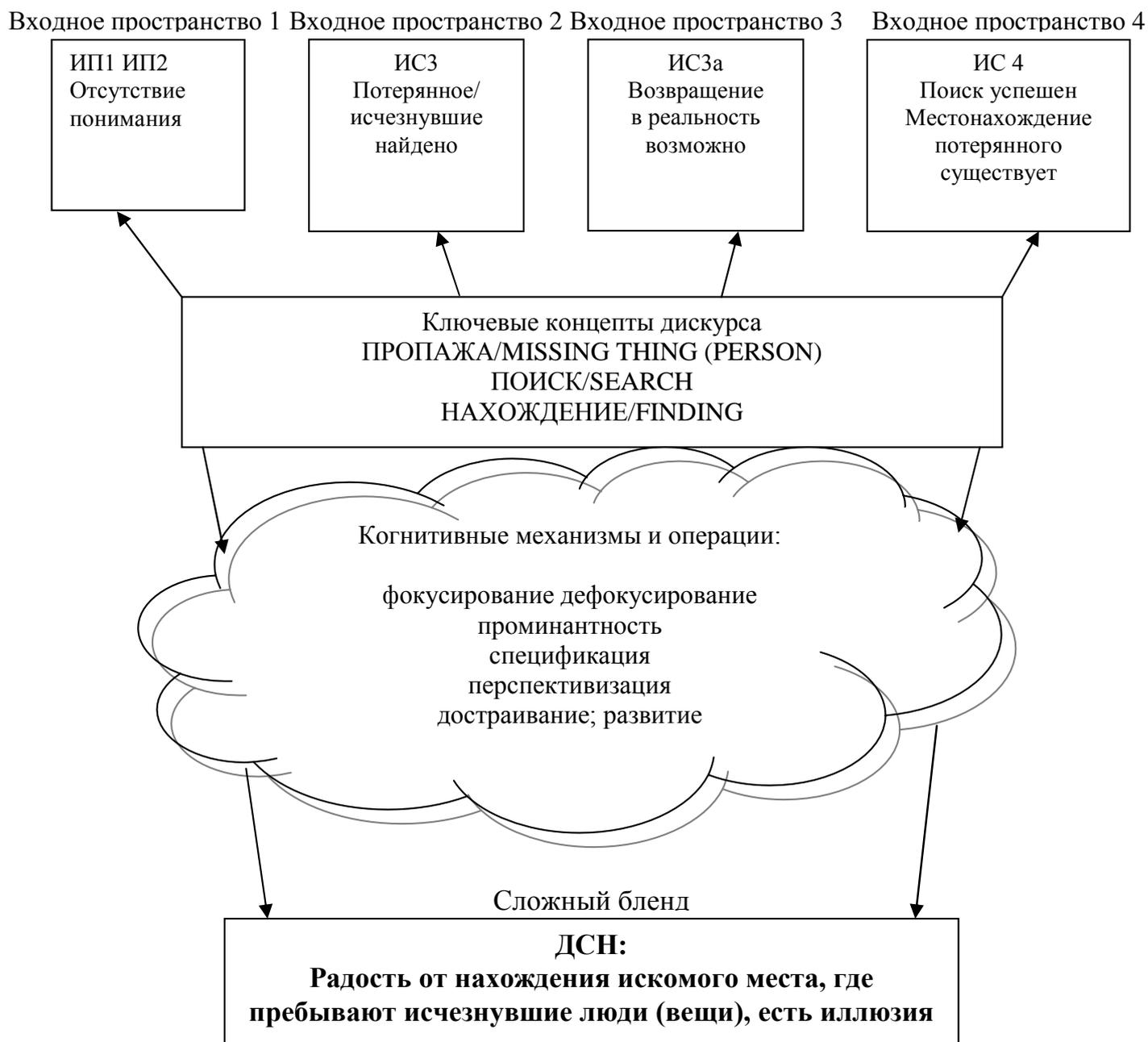

Рис.3. Схема образования/выведения сложного бленда – дополнительных смысловых нюансов для дискурса романа “A Place Called Here”.

Схема показывает, что все виды имплицитных смыслов, которые выводятся в данном дискурсе, во взаимодействии с его ключевыми концептами, служат когнитивными компонентами для выведения ДСН. Таким образом, выведение ДСН можно смоделировать следующим образом:

- информационной и когнитивной базой ДСН является сам дискурс с его эксплицитными и имплицитными смыслами, который представляет основание модели;
- из этого основания восходит некоторое число двунаправленных векторов, которые являются знаками имплицитных смыслов, выведенных в данном дискурсе; для каждого дискурса количество таких векторов индивидуально, однако направления одинаковы;

- выведение всех имплицитных смыслов, а также ДСН, происходит во взаимодействии с ключевыми концептами данного дискурса;
- выведение ДСН происходит в два этапа при участии таких когнитивных механизмов как профилирование и вторичное профилирование, фокусирование/дефокусирование, которые предполагают проминантность, спецификацию, перспективизацию, достраивание и развитие;
- ДСН представляются в виде сложного бленда, который является суммарной проекцией всех этих векторов, и в смысловом плане заключает своеобразный имплицитный когнитивный вывод.

Представляется, что ДСН художественного дискурса можно образно охарактеризовать как его “духовную сущность”. Очевидно, что выведение ДСН возможными адресатами может значительно варьироваться из-за индивидуального характера ассоциаций, а также из-за вариативности культурологического и информационного тезауруса.

Выводы. Дополнительные нюансы смысла художественного дискурса представляют собой особый вид имплицитной информации – когнитивный феномен, суммарную проекцию всех имплицитных смыслов данного дискурса, выведение которой происходит во взаимодействии с актуализацией его ключевых концептов и обеспечивается действием ряда когнитивных механизмов (профилирование и вторичное профилирование, фокусирование/дефокусирование, которые предполагают проминантность, спецификацию, перспективизацию, достраивание и развитие) в их взаимодействии. Выведение ДСН, которые могут быть представлены в виде модели, происходит в два этапа. Подобно имплицитным смыслам дискурса, ДСН имеют концептуальную природу. Выведение ДСН может значительно варьироваться в зависимости от определённых параметров адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : монографія / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ імені В.В. Каразіна, 2007. – 332 с.
2. Безугла Л.Р. Імпліцитні смисли з позицій когнітивної прагмалінгвістики / Л.Р. Безугла // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2008. – № 805. – С. 25–30.
3. Безугла Л.Р. Когнітивно-прагматичні характеристики імпліцитних смислів у німецькомовному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Л.Р. Безугла. – К., 2009. – 28 с.
4. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивный механизм формирования смысла “приблизительность” на материале современного английского языка / Н.Н. Болдырев, Е.Ю. Дубовицкая // Вопросы когнитивной лингвистики : сб. науч. работ. – № 1(007). – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2006. – С. 55–60.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : кол. Монографія. – Москва – Тамбов : Ин-т языкознания РАН; Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25–77.
7. Галоян Я.Э. Межкультурные аспекты языка деловых переговоров / Я.Э. Галоян // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. тр. – Вып. 16. – Ростов-н/Д : ДЮИ, 2013. – С. 43–46.
8. Голубева Н.А. Когнитивные принципы, механизмы и операции в грамматике / Н.А. Голубева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 32–35.
9. Давидюк Ю.Б. Ефект ошуканого очікування у семантичній, темпоральній та сюжетній структурі англomовного художнього дискурсу : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 /

- Юлія Борисівна Давидюк. – К. : КНЛУ, 2014. – 223 с.
10. Дементьев В.В. Основы теории непрямої коммунікації : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / В.В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 40 с.
 11. Дементьев В.В. Непрямої коммунікація : монографія / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 560 с.
 12. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямої коммунікації и ее жанров: взгляд из 2013 / В.В. Дементьев // Жанры речи. – № 1(9). – Саратов : СНИУ имени Н.Г. Чернышевского, 2013. – С. 23–48.
 13. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М. : Моск. гос. ин-т иностр. языков имени М. Тореза, 2001. – № 1. – С. 35–47.
 14. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 606–622.
 15. Дронова Е.М. Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века) [Электронный ресурс] / Е.М. Дронова. – Режим доступа : http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
 16. Жаботинская С.А. Сетевая семантика. Теория и практика / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIV : Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы Всерос. науч. конф. 11-12 апреля 2013 года / [отв. ред. вып. Л.А. Фурс]. – Москва-Тамбов : Ин-т языкознания РАН, Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 81–86.
 17. Карасик В.И. Концепты-регулятивы / В.И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / [отв. ред. В.В. Красных и А.И. Изотов]. – М. : Макс Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 131–141.
 18. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования / Н.В. Красовская // Известия Саратов. ун-та. – Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – Вып.4. – С. 21–24.
 19. КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов / [Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]. – М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 212 с.
 20. Куликова М.А. Коммуникативно-прагматический портрет косвенных речевых актов в пословичном дискурсе. – 2010 [Электронный ресурс] / М.А. Куликова. – Режим доступа : kpfu.ru/staff_files/F1593067235/Kulikova_st.pdf
 21. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.А. Масленникова. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с.
 22. Матвеева Г.Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике [Электронный ресурс] / Г.Г. Матвеева. – Ростов н/Д, 2003. – Режим доступа : <http://rspu.edu.ru/projects/deytch/note32.html>.
 23. Матвеева Г.Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селивестрова Л.Н. // Вестник СПб. ун-та. – Вып. 1. – Ч. II. – 2009. – Сер. 12. – С. 77–90.
 24. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поетиці Шекспіра : [монографія] / В.Г. Ніконова. – Д. : ДУЕП, 2008. – 364 с.
 25. Ніконова В.Г. Художній концепт: процедури реконструкції та моделювання (на матеріалі трагедій В. Шекспіра) / В.Г. Ніконова // Вісник Київ. нац. ун-ту імені Т.Г. Шевченка. Серія: Філологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2011. – Т. 14, № 2. – С. 113–122.

26. Паршина Е.О. Когнитивные основы формирования значения аппелятивов-топонимов. – 2016 [Электронный ресурс] / Е.О. Паршина. – Режим доступа : www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/yazik-kultura-prof.../parshina.pdf
27. Пірог І.І. Аргументація в аспекті когнітивних операцій / І.І. Пірог // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези доповідей XIV наук. конф. з міжнар. участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 182–183.
28. Поляковська Ю.В. Замовчування і натяк як засоби вираження непрямой інформації [Електронний ресурс] / Ю.В. Поляковська. – 2014. – Режим доступа : www.ukrsense.dp.ua/index.php/USENSE/article/view/85
29. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
30. Радзівська Т.В. Текст як засіб комунікації : [монографія] / Тетяна Вадимівна Радзівська. – К. : Інформ. аналіт. агентство, 2010. – 491 с.
31. Самарина И.В. Прагматика мультипликационного дискурса / И.В. Самарина, А.А. Похлебина // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. тр. – Вып. 16. – Ростов-н/Д : ДЮИ, 2013. – С. 183–186.
32. Святовець В.Ф. Словник тропів і стилістичних фігур / В.Ф. Святовець. – К. : Академія, 2011. – 172 с.
33. Телия В.Н. Коннотативный аспект номинативных единиц / В.Н. Телия – М. : Просвещение, 1986. – 312 с.
34. Черкасова И.П. Основополагающие концепты фикционального дискурса Р. Брэдбэри (на примере романа «Вино из одуванчиков» / И.П. Черкасова, М.А. Ткачев // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. – № 8(50). – Ч. 2. – Тамбов : Грамота, 2015. – С. 206–209.
35. Шевченко И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко // Вісник ХНУ. Харків: ХНУ, 2006. – №725. – С.192-195.
36. Шевченко И.С. Абрис когнітивного вектора прагмалінгвістики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2008. – № 811. – С. 3–7.
37. Ярошевич И.С. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в публичной политической коммуникации [Электронный ресурс] / И.С. Ярошевич // Вестник Полоц. гос. ун-та. – № 15. – 2012. – Режим доступа : [jaroshevich_2012-15-p.117.pdf]
38. Ahern C. A Place Called Here / C. Ahern. – L. : Harper, 2007. – 485 p.
39. Deane P.D. Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax / P.D. Deane. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1992.
40. Fauconnier G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
41. Kuznyetsova A. Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm / A. Kuznyetsova // New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015) – Book of Abstracts. 12–14 April, 2015. – Lodz : University of Lodz. – P. 93.
42. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1987. – 628 p.
43. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
44. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction / R.W. Langacker. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, Inc., 2008. – 573 p.
45. Santos A. Property generation reflects word association and situated stimulation, 2010. – (Электронный ресурс) / [Santos A., Chaigneau S.E., Simmons W.K., Barsalou L.W.]. – Режим доступа : www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownload

loads,6831, en.pdf

46. Thomas R.F. Virgil's "Georgics" and the art of reference / R.F. Thomas // *Harvard Studies in Classical Philology*. – 1986. – № 90. – P. 71–98.
47. Weizman E. Interlanguage Requestive Hints / E. Weizman // *Interlanguage Pragmatics*. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 1993. – P. 124–128.

REFERENCES

- Ahern, C. (2007). *A Place Called Here*. – London: Harper.
- Bezuhla, L.R. (2007). *Verbalizatsiia implitsytnykh smysliv u nimetskomovnomu dialohichnomu dyskursi [Verbalization of implicit meanings in the German dialogical discourse]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- Bezuhla, L.R. (2008). Implitsytni smysly z pozytsii kohnityvnoi prahmalinhvistyky [Implicit meanings in terms of cognitive pragmalinguistics]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina – V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 805, 25–30 (in Ukrainian).
- Bezuhla, L.R. (2009). *Kohnityvno-prahmatychni kharakterystyky implitsytnykh smysliv u nimetskomovnomu dyskursi [Cognitive-pragmatic characteristics of implicit meanings in the German discourse]*. Doctoral dissertation synopsis, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian)
- Blakar, R. (1987). Jazyk kak instrument social'noj vlasti [Language as a means of social power]. In: V.V. Petrov (Ed.). *Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija [Language and modeling of social interaction]* (pp. 88–125). Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Boldyrev, N.N., & Dubovickaja, E.Ju. (2006). Kognitivnyj mehanizm formirovanija smysla “priblizitel'nost” na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka [Cognitive mechanism of formation of “approximate nature” meaning: evidence from the modern English language]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (007), 55–60. (in Russian).
- Boldyrev, N.N. (2009). Konceptual'naja osnova jazyka [Conceptual basis of language]. In: E.S. Kubrjakova (Ed.). *Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. IV. Konceptualizacija mira v jazyke [Cognitive research of language. Vol. IV. Conceptualization of world in language]* (pp. 25–77). Moscow and Tambov: In-t jazykoznanija RAN Publ. & TGU im. G.R. Derzhavina Publ. (in Russian).
- Cherkasova, I.P., & Tkachev, M.A. (2015). Osnovopolagajushhie koncepty fikcional'nogo diskursa R. Brjedbjeri (na primere romana “Vino iz oduvanchikov”) [Basic concepts of R. Bradbury’s fictional discourse (evidence from the novel “Dandelion Wine”)]. *Filologich. nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Philological Sciences. Issues of theory and practice*, 8 (50), Part 2, 206–209. (in Russian).
- Davydiuk, Yu.B. (2014). *Efekt oshukanoho ochikuvannia u semantychnii, temporalnii ta siuzhetnii strukturi anhlomovnoho khudozhnogo dyskursu [Defeated Expectancy in Semantic, Temporal and Plot Structure of English Literary Text]*. Candidate dissertation, Kyiv National Linguistic University, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Deane, P.D. (1992). *Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Dement'ev, V.V. (2001). *Osnovy teorii neprjamoj kommunikacii [Basics of indirect communication theory]*. Doctoral dissertation, Saratov State University, Saratov, Russia. (in Russian).
- Dement'ev, V.V. (2006). *Neprjamaja komunikacija [Indirect communication]*. Moscow: Gnozis Publ.
- Dement'ev, V.V. (2013). Aktual'nye problemy neprjamoj kommunikacii i ee zhanrov: vzgljad iz 2013 [Topical problems of indirect communication and its genres: glimpse from 2013]. *Zhanry rechi [Genres of Speech]*, 1(9), 23–48. (in Russian).
- Dem'jankov, V.Z. (2001). Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke [Notion and concept in belles-lettres literature and scientific language]. *Voprosy filologii –*

- Issues of Philology*, 1, 35–47. (in Russian).
- Dem'jankov, V.Z. (2007). Termin "concept" kak jelement terminologicheskoy kul'tury [The term "concept" as an element of terminological culture]. In: M.V. Liapon (Ed.). *Jazyk kak materija smysla [Language as a material of meaning]* (pp. 606–622). Moscow: Azbukovnik Publ. (in Russian).
- Dronova, E.M. (2010). Problemy perevoda stilisticheskogo priema alljuzii v anglo-irlandskoj literature pervoj poloviny XX veka) [Problems of translation of stylistic means of allusion in the English-Irish literature in the first half of XX cent.]. *Vestnik VGU. Serija "Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikacija"*. – *Voronezh State University Messenger. Series "Linguistics and Intercultural Communication"*, 1. Available from: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
- Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
- Galojan, Ja.Je. (2013). Mezhkul'turnye aspekty jazyka delovyh peregovorov [Intercultural aspects of the language of business negotiations]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika. – Personality, speech and juridical practice*, 16, 43–46. (in Russian).
- Golubeva, N.A. (2010). Kognitivnye principy, mehanizmy i operacii v grammatike [Cognitive principles, mechanisms and operations in grammar]. *Vestnik VGU. Serija "Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija"*. – *Proceedings of Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication"*, 1, 32–35. (in Russian).
- Jaroshevich, I.S. (2012). Alljuzija kak sredstvo realizacii intertekstual'nosti v publichnoj politicheskoy kommunikacii [Allusion as the means of intertextuality realization in public political communication]. *Vestnik Polockogo gos.un-ta. – Messenger of Polotsk St. Univ.*, 15. Available from: [jaroshevich_2012-15-p.117.pdf]
- Karasik, V.I. (2005). Koncepty-reguljativy [Concepts-regulators]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija. – Language, consciousness, communication*, 30, 131–141. (in Russian).
- Krasovskaja, N.V. (2009). Hudozhestvennyj koncept: metody i priemy issledovanija [Bell-lettres concept: methods and ways of research]. *Izvestija Saratov. un-ta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. – Saratov Univ. Review. Series: Philology. Journalism*, 4, 21–24. (in Russian).
- Kubriakova, E.S., Dem'jankov, V.Z., Pankrac, Ju.G., & Luzina, L.G. (1997). *KSKT: Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]*. Moscow: Filol. fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova Publ.
- Kulikova, M.A. (2010). *Kommunikativno-pragmaticeskij portret kosvennyh rechevyh aktov v poslovichnom diskurse [Communicative-pragmatic portrait of indirect speech acts in the proverb discourse]*. Available from: kpfu.ru/staff_files/F1593067235/Kulikova_st.pdf
- Kuznyetsova, A. (2015). Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm. Book of Abstracts from NDLP 2015 (*New Developments in Linguistic Pragmatics*), 12-14 April. Lodz: University of Lodz, 93.
- Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar* (Vol. I. Theoretical Prerequisites). Stanford, California: Stanford Univ. Press.
- Langacker, R.W. (1990). *Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, R.W. (2008). *Cognitive grammar: a basic introduction*. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, Inc.
- Maslennikova, A.A. (1999). *Skrytye smysly i ih lingvisticheskaja interpretacija [Hidden meanings and their linguistic interpretation]*. Doctoral dissertation synopsis, Saint Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).
- Matveeva, G.G. (2003). *Njuansy smysla v skrytoj pragmalingvistike [Sense nuances in hidden pragmalinguistics]*. Available from: <http://rspu.edu.ru/projects/deytch/note32.html>.
- Matveeva, G.G., Samarina, I.V., & Selivestrova, L.N. (2009). Dva napravlenija v sovremennoj

- pragmalingvistike [Two directions in modern pragmalinguistics]. *Vestnik Sankt-Peterburgsk. un-ta (Ser. 12) – Saint-Petersburg Univ. Messenger (Series 12), 1, Part II, 77–90.* (in Russian).
- Nikonova, V.G. (2008). *Trahediyna kartyna svitu v poetytsi Shekspira [Tragic world image in Shakespeare's poetry]*. Dnipropetrovsk.: DUEP Publ.
- Nikonova, V.G. (2011). Khudozhniy kontsept: protsedury rekonstruktsiyi ta modelyuvannya (na materialy trahediy V. Shekspira). [Belles-lettres concept: procedures of reconstruction and modeling (on the material of Shakespeare's tragedies)]. *Visnyk Kyivsk. Natsionaln. Linhv. Un-tu. – Kyiv National Linguistic Univ. Messenger, 14, 2, 113–122* (in Ukrainian).
- Parshina, E.O. (2016). *Kognitivnye osnovy formirovaniya znachenija appeljativov-toponimov [Cognitive basics of formation of appellatives-toponimes]*. Available from: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/yazik-kultura-prof-comm/2/parshina.pdf>
- Piroh, I.I. (2015). Arhumentatsiya v aspekti kohnityvnykh operatsiy [Argumentation in terms of cognitive operations]. Tezy dopovidey XIV nauk. konf. z mizhnar. uchastyu: *Karazins'ki chy'tannya: Lyudy`na. Mova. Komunikaciya.* –Proceedings from XIV scientif. conference with international participation: *Karazin Readings: Person. Language. Communication.* Kharkiv, 182–183 (in Ukrainian).
- Poljakovs'ka, Ju.V. (2014). Zamovchuvannya i natyak yak zasoby vyrazhennya nepryamoyi informatsiyi [Suppression and hint as ways of indirect information expression]. *Ukrayins'kyi smysl – Ukrainian Sense, 1.* Available from: www.ukrsense.dp.ua/index.php/USENSE/article/view/85
- Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaja lingvistika [Cognitive Linguistics]*. M.: AST, Vostok-Zapad Publ.
- Radziyevs'ka T.V. (2010). *Tekst yak zasib komunikatsiyi [Text as a means of communication]*. Kyiv: Inform. analit. Agentstvo Publ.
- Samarina, I.V., & Pohlebina, A.A. (2013). Pragmatika mul'tiplikacionnogo diskursa [Pragmatics of multicomcommunicational discourse]. Sb. nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika.* – Proc. from intern. scientific method. conference *Personality, Speech and Juridical Practice.* Rostov-n/D, 183–186.
- Santos, A., Chaigneau, S.E., Simmons, W.K., Barsalou, L.W. (2010). *Property generation reflects word association and situated stimulation.* Available from: [www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads, 6831, en.pdf](http://www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads/6831/en.pdf)
- Shevchenko, I.S. (2006). Podhody k analizu koncepta v sovremennoj kognitivnoj lingvistike [Approaches to the analysis of concept in modern cognitive linguistics]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger , 725, 192–195.*
- Shevchenko, I.S., Susov, I.P., Bezuhlaya, L.R. (2008). Abrys kohnityvnoho vektora prahmalynhvystyky [Overview of pragmatic vector in pragmalinguistics]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im.V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger , 811, 3–7.*
- Sviatovets, V.F. (2011). *Slovyk tropiv i stylistychnyh fihur [Dictionary of tropes and figures of speech]*. K.: Akademija Publ.
- Telija, V.N. (1986). *Konnotativnyj aspekt nominativnyh edinic [Connotative aspect of nominative units]*. Moscow State University: Prosveshhenie Publ.
- Thomas, R.F. (1986). Virgil's "Georgics" and the art of reference. *Harvard Studies in Classical Philology, 90, 71–98.*
- Weizman, E. (1993). Interlanguage Requestive Hints. In: G. Kasper, and S. Blum-Kulka (Eds.). *Interlanguage Pragmatics* (pp. 124–128). N.Y.: Oxford Univ. Press.
- Zhabotinskaja, S.A. (2013). Setevaja semantika. Teorija i praktika [Network semantics. Theory and practice]. In: L.A. Furs (Ed.). *Mat-ly Vseros. nauch. konf.: Kognitivnaja lingvistika: itogi,*

perspektivy. Vypusk 14. Kognitivnyje issledovanija jazyka [Proceedings from allrussian scientific conf.: Cognitive linguistics: results, prospects. Issue 14. Cognitive language research] (pp. 81–86). Moscow-Tambov: Inst. of Linguistic Research RAS, G.R. Derzhavin Publ. House.

Кузнецова Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и современных технологий обучения Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (ул. Большая Бердичевская, 40, Житомир, 10008, Украина); e-mail: maleadummin@gmail.com

Kuznyetsova Anna Valeriyvna – PhD, Associate professor, Foreign Languages and Modern Teaching Techniques, Zhytomyr State Ivan Franko University (Velyka Berdychivska Str., 40, Zhytomyr, 10008, Ukraine); e-mail: maleadummin@gmail.com

УДК 811.112.2'42

**ПРАГМАСТИЛИСТИКА ДИСКУРСА В СВЕТЕ
 ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**
Л.С. Пихтовникова (Харьков, Украина)

Л.С. Пихтовникова. Прагмастилистика дискурса в свете лингвосинергетической парадигмы. Статья содержит аналитический обзор работ по прагмастилистике и синергетике дискурса и работ, относящихся к сопутствующим вопросам. Приведены также краткие комментарии к диссертационным работам Харьковской лингвистической школы, развивающим ту же тематику. Целью статьи является характеристика результатов исследований научной школы по прагмастилистике и синергетике дискурса, а также ее истоков, созданных рядом украинских и зарубежных ученых. Объектом внимания в этой работе является система концепций и подходов к исследованиям в русле прагмастилистики и лингвосинергетики, разработанных в рамках научной школы. Предметом описания и анализа стали научные результаты, полученные автором статьи и ее последователями на протяжении 1999 – 2016 г.г. и объективирующие систему научных концепций.

Ключевые слова: аттрактор, дискурс, лингвосинергетика, параметр порядка, прагматика, прагмастилистика, репеллер, самоорганизация, синергетика, стилистика, текст.

Л.С. Піхтовнікова. Прагмастилістика дискурсу у світлі лінгвосинергетичної парадигми. Стаття містить аналітичний огляд праць з прагмастилістики та синергетики дискурсу і праць, що стосуються споріднених питань. Надано також стислі коментарі до дисертаційних праць Харківської лінгвістичної школи, що продовжують цю тематику. Ціллю статті є характеристика результатів дослідження наукової школи з прагмастилістики та синергетики дискурсу, а також її витоків, створених українськими та зарубіжними вченими.

Ключові слова: аттрактор, дискурс, лінгвосинергетика, параметр порядку, прагматика, прагмастилістика, репелер, самоорганізація, синергетика, стилістика, текст.

L.S. Pikhovnikova. Pragmastylistics of Discourse in Light of the Linguosynergetic Paradigm. This article contains an overview of analytical works on Discursive Pragmastylistics and Synergetics and adjacent issues. There are also brief comments to the dissertations of Kharkiv linguistic school, dedicated to the area. The article aims to present the scientific school of Pragmastylistics and Synergetics, as well as its origins, created by a number of Ukrainian and foreign scientists. The article focuses on the system of inherent concepts and approaches in Pragmastylistics and Linguosynergetics.

Keywords: attractor, discourse, linguosynergetics, order parameter, pragmastylistics, pragmatics, repeller, self-organization, stylistics, synergetics, text.

Целью статьи является описание результатов и достижений украинских исследователей в области изучения прагмастилистики и синергетики дискурса. **Объектом** внимания в этой работе является система концепций и подходов к исследованиям в русле прагмастилистики и лингвосинергетики, разработанных в последние десятилетия. **Предметом** описания и анализа стали научные результаты, полученные автором статьи и ее последователями на протяжении 1999 – 2016 г.г. и объективирующие систему научных концепций. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью последовательной систематизации и характеристики новых украинских и зарубежных исследований по прагмастилистике

и лингвосинергетике, а также постановки новых проблем в этих направлениях филологической науки.

Направление исследований самоорганизации лингвистических объектов базируется на синергетической парадигме, согласно которой лингвистические системы (язык, эволюционирующий жанр, дискурс), находясь в состоянии неравновесия, самоорганизуются параметром порядка под влиянием целевых аттракторов и репеллеров. Содержанием аттракторов являются интенции коммуникантов, автора текста, экстралингвистические условия и др.; содержание репеллеров есть нормы, традиции, языковые конвенции и другие ограничители системы. В рамках синергетической парадигмы все лингвистические объекты не теряют свои обычные очертания, но приобретают новые измерения, позволяющие увидеть в разнородных лингвистических понятиях их функции самоорганизации. В самоорганизующихся лингвистических системах (текст, упорядоченный языковой материал, дискурс) их авторы выступают как (ведущие) соавторы независимо сконструированных систем аттракторов и репеллеров, а также традиционных, исторически оправданных в языке и речи проявлений параметра порядка.

Параметр порядка системы – это ее наиболее подвижная и относительно независимая характеристика, которая своим изменением направляет систему к новому состоянию равновесия. Например, проявлением параметра порядка, самоорганизующего смысл, может быть рифма в поэтическом дискурсе, распределение цитат и ссылок в научном дискурсе, сверхфразовое единство в художественных произведениях.

Общенаучная синергетическая парадигма разработана в прошлом столетии такими учеными, как Г. Хакен, И. Пригожин, С.П. Курдюмов и др. Она стала основой новых лингвистических разработок. Но потенциал синергетики далеко не исчерпан, новые идеи полезны для лингвистики.

Первые попытки применения синергетической парадигмы в филологии в Украине, в том числе для исследования лингвистических объектов, появились в конце XX в. – начале XXI в. (Г.В. Ейгер, Л.С. Пихтовникова). В этих работах вопросы самоорганизации изучались системно, но использовался не весь арсенал понятий синергетики; проблема самоорганизации изучалась лишь на отдельных лингвистических образцах.

В дальнейшем сфера применения синергетики в лингвистике была расширена: появились исследования самоорганизации дискурса, параметров эволюции жанра и дискурса, обзоры и анализ зарубежных направлений лингвосинергетических исследований. Определен также статус синергетики в лингвистике, влияние синергетики на смену лингвистических парадигм. Описаны базовые и инструментальные понятия синергетики, создан их глоссарий для лингвистов и, в целом, для филологов [Пихтовникова 2012; 2015].

Дальнейшей модификацией исследований синергии дискурса стало изучение самоорганизации речевых произведений и сообщений в информационно-когнитивном аспекте [Пихтовникова 2015]. В этой работе, исходя из общей синергетической модели создания речевого сообщения (Л.В. Бронник), была исследована самоорганизация взаимодействия двух систем – языковой и концептуальной. Самосогласование этого взаимодействия в работе представлено как самонастройка нейроподобной сети – аналога того, что реально происходит в сознании человека при трансформации импульсов, впечатлений в его речевую реакцию. Пояснено, как в нейроподобной сети самосоздаются квази-память, а также аттракторы квази-смысла, которые служат прототипом вербального отображения концепта. Невербальные слои концепта поддерживаются специальными процедурами, природу которых в работе оговорено отдельно.

Приложение синергетического метода к исследованию языка, текста и дискурса реализовано на данном этапе в работах украинских исследователей в таких аспектах: разработка основ синергетики для приложения в лингвистике и в целом в филологии; синергетика стиля немецкой, украинской и русской басни (диахронический аспект)

[Піхтовнікова 1999, 2000, 2009, 2011, 2012, 2013, 2015; Pichtownikowa 2008]; синергетика и прагмастистика дискурса; самоорганизация отдельных типов дискурса [Піхтовнікова 2005, 2009; 2015]; язык и синергетика [Ейгер 1992; Пихтовникова 2002]; синергетика словообразования английского языка [Еникеева 2011, 2015]; синергетика поэтики (на материале текстов украинской литературы) [Семенец 2004, 2015]; синергетика развития английского языка [Домброван 2013, 2014, 2015]; самоорганизация речевых произведений в когнитивном аспекте [Пихтовникова 2015]; самоорганизация концептуальных систем [Приходько 2015]; метаметафора в синергетическом аспекте [Пихтовникова, Коринь 2011, 2015]; рекламный дискурс в синергетическом аспекте [Самарина 2010]; дискурс англоязычной басни в синергетическом аспекте [Гончарук 2012; Піхтовнікова, Гончарук 2015]; синергетика и прагмастистика немецкоязычной притчи [Яремчук 2013; Піхтовнікова, Яремчук 2015]; синергетический аспект англоязычного агротехнического дискурса [Пильгуй 2014, 2015]; синергетические параметры предвыборного англоязычного дискурса [Богатирьова 2015]; синергетика англоязычного афоризма [Анастасьева 2015]; лингвосинергетический аспект исследования принципа неопределенности [Залужная 2015]; лингвосинергетические характеристики немецкоязычной новеллы [Чередниченко 2015; 2016]; синергетика контекстуальной синонимии (на материале немецкоязычных публицистических текстов) [Суддя 2015].

Приведенный перечень работ по лингвосинергетике свидетельствует о явном наличии в Украине мощной синергетической школы в лингвистике. Большинство названных работ объединено в первой украинской коллективной монографии по филологической синергетике [Синергетика в филологических исследованиях 2015]. Впервые в этой монографии представлены с синергетических позиций как лингвистический, так и литературоведческий подходы [Силантьева 2015; Фоменко 2015].

В современной лингвистике существует устойчивая тенденция к рассмотрению во взаимной обусловленности стилистических и прагматических характеристик типов текста и дискурса. Об этом свидетельствует ряд зарубежных и украинских работ [Азнаурова 1987; Волков 1991; Лузина 1991; Тюленев 2000; Максименко 2005; Пихтовникова 2007, 2009, 2010; Самарина 2010; Гончарук 2012; Яремчук 2013; Пильгуй 2014; Суддя 2013; Богатирьова 2014; Püschel 1995 и др.].

Стилистические средства выбираются для реализации определенных прагматических заданий текста, т. е. каждый стилистический аспект текста обязательно имеет прагматическую цель. Единство рассмотрения создает основания для выделения в таких исследованиях прагмастилистического аспекта, а шире – существования прагмастилистической парадигмы.

Неразрывное единство стилистики и прагматики проявляется в нескольких направлениях. Цели типов текста и дискурса обуславливают употребление стилистических средств для выражения идей в характерной для соответствующего жанра, дискурса манере. В выборе языково-стилистических средств, в их комбинации реализуется авторский замысел, который в определенном смысле может быть отождествлен с дискурсивной стратегией. Авторский замысел представляет собой иерархическую систему: первичный замысел, т. е. идея и тема; определенный порядок расположения микротем и составляющих идеи (это структурно-семантическая организация текста); выбор речевых форм, средств выражения (это уровень словесного стиля). Прагматика авторского замысла (выбор речевых стратегий, моделей общения с адресатом, кодов для передачи смысла) реализуется в текстах языково-стилистическими средствами (композиционно-стилистической структурой текста, особенной лексикой и фразеологией, синтаксисом, фигурами речи, средствами парадигматической и синтагматической связи). При этом очевидно, что стиль ориентирует адресата на смыслы дискурса за счет того, что демонстрирует ему ожидаемые образцы изложения смысла.

Вышеизложенное оправдывает выбор прагмастилистического вектора в нашем исследовании.

Синергетические исследования лингвистических объектов не отменяют, а предполагают их анализ в рамках общепринятых парадигм. В художественных текстах, в том числе в текстах малых форм, классических и постмодернистских романов ведущую роль играет стиль, композиция, прагматика. Изучение стиля, композиционно-речевых уровней малых форм в связи с их прагматическими функциями и целями этих текстов – базовое направление научной школы. В рамках парадигм прагмастилистики и синергетики изучаются стиль и композиция романов, новелл, драм, басни, притчи, шванка и других малых форм, а также лингвистические характеристики жанров научного дискурса.

Основные научные интересы и направления исследований школы отображены в кандидатских диссертациях. Диссертация Л.Я. Жук «Лінгвостилістичні і комунікативно-прагматичні особливості типу тексту «приклад» [Жук 2004] посвящена системным исследованиям этого типа текста; разработаны лингвостилистический и лингвопрагматический подходы к анализу примеров в англоязычных научных публикациях (экономика, психология, медицина); даны характеристики соответствующих подъязыков, изучена композиция примера, его композиционно-речевые формы, стилевые приемы, экспрессия, способы насыщения информацией, основные прагматические функции.

Продолжением изучения лингвостилистических, лингвопрагматических аспектов разных типов текста с учетом лингвокогнитивных признаков стала диссертация Н.С. Ольховской «Прагматико-комунікативні та лінгвостилістичні характеристики драматургічних текстів Томаса Бернгарда» [Ольховська 2007]. В этой работе отразились системные идеи [Піхтовнікова 2000] о единстве когнитивных, прагматических и стилевых параметров текста и их взаимном обеспечении. Стилистика драматургического текста неразрывно связана с композиционно-речевыми уровнями, которые являются основой для насыщения текста образной и фактуальной информацией. Такой вывод сделан в исследованиях с привлечением концепции информационной архитектоники А. Моля. В свою очередь, прагматика драматургического текста, характер речевых актов персонажей определяют внутреннюю конструкцию драматургического произведения, реляционный потенциал персонажа, который выражает текстовые концепты, речевой статус персонажа, фреймы взаимодействия и «эскиз аудитории». Описанная конструкция выражает основные интенции автора драматургического текста. В работе обосновано понятие единого стилевого пространства персонажей, в котором реализуется языковой конвенционализм драматургического текста. Рассмотрена также проблема самоорганизации драматургического дискурса во взаимодействии речевых актов и контекста.

В качестве основных объектов прагмастилистических и синергетических исследований этого направления остаются тексты малых форм. Концепции композиции, стиля, прагматики, когнитологии этих текстов [Піхтовнікова 1992; 2000; 2015; Pichtownikowa 2008] нашли воплощение в диссертации Я.В. Мукатаевой «Німецький прозовий шванк: лінгвостилістичний, прагматичний та когнітивний аспекти» [Мукатаєва 2008]. Шванк как тип текста имеет схожие черты с другими малыми текстами, но и существенно отличается от них, например, отсутствием аллегории и символизации. При исследовании шванка применяется метод композиционно-стилистического анализа, что позволяет связать стилевое обеспечение текста с его прагматикой, которая реализуется в специальных авторских речевых стратегиях, привлеченных для проявления основных прагматических функций шванка: сатирической, дидактической, развлекательной. Природа комического освещена в работе не только посредством противоречий явлений и объектов, описанных в шванке. В когнитивном аспекте учтены также несовместимость атрибутов главных текстовых концептов, источники расслоения модальных оценок событий персонажами, аксиологическая роль адресата (читателя). Эта работа вносит новизну в исследования

комического, а также концептов, их фреймового представления. Показано специфические для комического текста способы имплицитной поддержки понятийного ядра концепта (прямой, инвертированный, конвертированный).

В следующих диссертационных работах этого направления последовательно возрастает доля синергетических приложений к разным типам дискурса, методика исследования которых первоначально была заложена в докторской диссертации [Пихтовникова 2000]. Развитие жанра, например, басни, есть эволюция ее образа-символа, ее расширенной на текст метафоры-аллегии; при этом на фоне единства композиции (текст) и метафоры с развитием жанра увеличивается семантический объем и расстояние между аллегорическим образом-символом (контекст) и порожденным текстом. Вместе с исследованием эволюции метафоры, образа-символа определились архетипы басни, которые инвариантны в разных культурах. Проведен сравнительный анализ большинства малых художественных форм.

Каждая самоорганизующаяся система имеет, как минимум, две иерархично связанные подсистемы, которые моделируют друг друга и окружающую среду. Такими подсистемами могут быть текст и контекст в дискурсе. В языке подсистемами могут быть, например, подсистема деривации и подсистема наименований. Самоорганизация появляется тогда, когда под управлением параметра порядка подсистемы поляризуются. Деривация противостоит устойчивым связям в наименованиях, художественный дискурс порождается в единстве и противостоянии текста и контекста.

Текст возникает в дискурсивной среде, которая отчасти создается автором дискурса, и в значительной степени – традиционными требованиями к построению определенного типа дискурса. При чтении текста адресат воссоздает свой вариант дискурса, более или менее соответствующий задуманному автором. Самоорганизация структуры и смысла дискурса и его производной – текста – происходит как согласование противоречивых, конкурентных требований к тексту и дискурсу: целей их создания, требований информативности, выразительности сообщений (это содержание аттрактора дискурса) и ограничений на форму, стиль, объем сообщений (это содержание репеллера). Самоорганизация дискурса и текста понимается нами в том смысле, что их автор является одновременно и творческим конструктором, и орудием аттракторов и репеллеров этого дискурса, которые возникли до автора и независимо от него [Пихтовникова 2012: 29]. Творческая роль автора с синергетической точки зрения состоит в нахождении наиболее подвижных и независимых параметров дискурса и текста (так называемых параметров порядка) и в их воздействии на организацию дискурса. Наряду с общими законами самоорганизации каждый тип дискурса имеет свою специфику синергетического процесса.

Исследование дискурса в русле изложенных концепций продолжено в диссертации В.В. Самариной «Немецкоязычный рекламный дискурс: прагматический, когнитивный и лингвостилистический аспекты» [Самарина 2010]. Реклама есть такое важное явление, что она требует подробного изучения языковых и речевых реализаций своих целей. Исследованы концепты рекламного дискурса, способы усиления убедительности высказываний, авторские коды и речевые стратегии. Стилистика рекламы исследована со стороны корпоративной и других слоев лексики и фразеологии, типов выдвижения и фигур речи. Синергия рекламного дискурса в работе связана с тема-рематическим членением и ослаблением когезии рекламного текста.

О.Г. Сторчак в диссертации «Концепты ТЯЖЕЛЫЙ и ЛЕГКИЙ в современном англоязычном дискурсе» [Сторчак 2010] исследует языковую объективацию, содержание и структуру концептов на материале художественного, научного и теологического дискурсов. Описано последовательное наполнение содержания понятийной, ценностной и образной составляющих этих концептов на основе соматических представлений. Впоследствии на материале современного научного дискурса рассмотрена синергия концептов HEAVY \ LIGHT.

Н.В. Карпусенко в диссертации «Німецькомовний науково-лінгвістичний текст і дискурс: лінгвостилістичний і прагматичний аспекти» [Карпусенко 2011] исследует проявление этих аспектов в языковой плоскости. Исследован двойственный характер терминологии в этом типе текста – использование терминов для закрепления результатов познания (термины с прозрачной внутренней формой) и использование в качестве инструмента (научные термины-метафоры). Системная организация этих текстов исследована как связь прагматических функций текста с их лексико-стилистическими реализациями, как корреляция между прагматическими функциями и типами референции в тексте.

Разработка и использование научных парадигм синергетики и прагмастилистики происходит в дальнейших работах. О.Н. Гончарук в диссертации «Англомова проза байка: прагмастилістичний і лінгвокогнітивний аспекти» [Гончарук 2012] исследует системное взаимодействие этих факторов, а также лингвосинергетический аспект образования глубинного смысла басни. Прагматическая модель басни включает сатирический код и код иносказания, механизм создания которых детально изучен в работе. Описание речевых стратегий, концептов басни и их фреймовых схем, в которых выявляется механизм создания комического, высвечивает связь прагматического и когнитивного аспектов басни. Исследование композиционной структуры и стиливых черт басни становится основой прагматических и когнитивных разработок. Дано описание когнитивного механизма создания образа-символа басни, а также проведен анализ когнитивных операций и их реализации в англоязычной басне. Разработан синергетический аспект создания дискурса басни. На речевом уровне механизм самоорганизации смысла заключается во взаимодействии актуального членения текста и построения сверхфразового единства и их поляризации как противопоставления фактуальной информации в тексте и подтекстовой информации.

В диссертации И.М. Яремчук «Німецькомовна притча: лінгвостилістичний і прагматичний аспекти» [Яремчук 2013] исследование этих аспектов также объединено с изучением синергетических факторов создания притчи. Установлен лингвистический статус дискурса притчи, описано комплексное действие стилистических характеристик (лексика, композиционно-стилистические уровни текста), прагматических характеристик (речевые стратегии, прагматические функции) и синергетических механизмов создания подтекстового смысла. Исследовано контрактивное распределение языково-стилистических средств в немецкоязычной притче, за счет чего создаются образы, ассоциированные с объемными истинами, создается переход от плана выражения к плану содержания, что является признаком самоорганизации дискурса.

А.Н. Судья в диссертации «Функціонування контекстуальних синонімів-прикметників у німецькомовному художньому дискурсі: когнітивний і прагмастилістичний аспекти» [Судья 2013] исследует когнитивные механизмы создания контекстуальных синонимов и их прагмастилистические характеристики. Представлены критерии выделения контекстуальных синонимов в тексте, исследованы семантико-когнитивные основы сближения значений слов и механизмы изменения их семантического объема. Рассмотрены контекстуальные факторы, приводящие к модификации значений слова, описана синергетическая роль контекстуальных синонимов в создании текста. Описана синергетическая роль контекстуальных синонимов (на примерах контекстуальных синонимов-прилагательных) в самоорганизации смысла текста. Показано, как контекстуальные синонимы-прилагательные кристаллизуют эти смыслы в качестве аттракторов и репеллеров, приобретают роль точек бифуркации и создают множество интерпретаций текста.

С.Н. Коринь в диссертации «Метафора и метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе: когнитивный и прагмастилистический аспекты» [Коринь 2014]

исследует метафору и метаметафору в единстве лингвопрагматического, лингвостилистического и синергетического аспектов. Характеристики художественного дискурса рассмотрены сквозь призму использования метаметафоры, пронизывающей весь роман. Комплексная конструкция метаметафоры способствует самоорганизации художественного дискурса, создавая образы, концепты и ментальные пространства дискурса. Особенностью данной работы является использование специальной табличной формы фрейма, позволяющей определить атрибуты текстовых концептов, текстовые и внетекстовые источники знаний об атрибутах, а также объединять в концепт метафору и реалистическое описание. Метаметафора организует художественный дискурс, создавая его парадигматическую ось. По материалам диссертации издана одноименная монография [Пихтовникова, Коринь 2015], в которой расширен и систематизирован перечень средств создания пространственно-временных конструкций художественного дискурса.

Н.М. Пильгуй в диссертации «Англомовний науковий агротехнічний дискурс: лінгвостилістичний і прагматичний аспекти» [Пильгуй 2014] исследует эти аспекты в единстве с синергетическими характеристиками данного типа дискурса и текста. Выделены стилевые черты научного агротехнического дискурса, описано их лексическое наполнение. Описание прагматических функций и речевых стратегий этого типа дискурса составило основу классификации подтипов научного агротехнического дискурса. С синергетических позиций рассмотрен класс лексических единиц, служащих обратной связи коммуникантов. Определен комплексный параметр порядка научного агротехнического дискурса, исследовано проявление других параметров порядка – цитаций и ссылок, а также использование концептуальных метафор для обозначения неустоявшихся смыслов.

Е.В. Богатырева в диссертации «Прагмастилістичні характеристики англомовних передвиборчих політичних дебатів» [Богатырьова 2014] определяет лингвистический статус политического дискурса, а также предвыборных дебатов. Выявлена структура потенциала англоязычных политдебатов, установлена система базовых дискурсивных стратегий, тактик, приемов. Определены стилистические средства выразительности, которые используются ораторами при реализации стратегий и тактик, в частности, обращено внимание на важную роль типов выдвижения в публичной речи. Учтены специфические экстралингвистические факторы реализации дебатов в синергетическом аспекте. Их классифицировано как содержание аттракторов, репеллеров, а также как проявление комплексного параметра порядка.

В диссертации «Немецкоязычные публицистические тексты социально-критического направления: прагмастилістический и когнитивный аспекти», которая расширена и оформлена как монография [Пихтовникова, Мастерова, Кабусь 2016], рассмотрены основные жанры критического направления: фельетон, репортаж, глосса, памфлет, критическая статья. Разработаны когнитивно-прагматические модели этих типов текста, на основе моделей исследованы коды и речевые стратегии, стилевые средства обеспечения прагматических функций. Определена общая стратегия изучения комического в художественно-публицистических текстах.

В монографии приведена общая характеристика публицистических текстов, эксплицированы их определения, созданы системно-структурные модели репортажа, фельетона, памфлета, глоссы; в этих жанрах рассмотрены коды комического и авторские речевые стратегии. Особенности их лингвостилистической реализации соотнесены с наличием иерархии стилевых черт каждого жанра. С прагмастилістической и когнитивной точки зрения освещен общий вопрос о сути феномена комического и его речевой реализации в художественно-публицистических текстах. На перспективу поставлена проблема и начато исследование публицистических текстов критического направления как синергетического феномена.

Публицистический тип дискурса и его тексты используют элементы (само)организации иных типов дискурса, например, за счет явной и скрытой интертекстуальности. Последняя может быть свободно размещена в тексте по воле автора и таким образом служить одной из его наиболее подвижных характеристик, параметром порядка [Пихтовникова 2012: 31].

Изучение противоречивых требований к публицистическому тексту, способствующих его самоорганизации, в настоящее время только начато. Сформулированы ведущие противоречия отдельных типов публицистических текстов (в том числе, в монографии). Актуальным становится анализ ключевых точек текста, которые претендуют на роль аттракторов, концентрированно выражающих смысл текста. Предстоит анализ в текстах точек бифуркации, в которых происходит расслоение смысла, в частности, расслоение на буквальный, эксплицитный и подтекстовый, имплицитный. Такое расслоение характерно для публицистических текстов, содержащих комическое. Исчерпывающее исследование синергии публицистических текстов предполагает также изучение факторов его когерентности (соотношение актуального членения и сверхфразового единства), самосогласования текстовых концептов [Пихтовникова 2015: 124–133], синергетики стиля отдельных типов публицистического дискурса.

В диссертации В. П. Чередниченко «Прагмастилістичні характеристики німецькомовної новели» [Чередниченко 2016] определен лингвистический статус новеллы как типа текста и дискурса, рассмотрена композиция и типичные стилевые черты новеллы и их прагмастилистический потенциал. Уделено внимание эволюционному аспекту немецкоязычной новеллы с учетом изменений в обществе, которые генерируют экстралингвистические условия для создания дискурса. В синергетическом аспекте исследован фактор нелинейности и иерархичности текстового пространства новеллы, который отображается на содержательном уровне композиции. Описано, каким образом самоорганизация смысла новеллы происходит в «режиме с обострением» – благодаря наличию в сюжете так называемого пуанта – неожиданного поворота событий.

В работе О.А. Анастасьевой «Синергетический аспект исследования англоязычного афоризма» [Анастасьева 2015] рассмотрен принцип самоорганизации мини-дискурса этого типа. Указано ведущее противоречие, которое поляризует смыслы текста и подтекста, согласовывает требования аттракторов и репеллеров. Анализируются особенности действия параметров порядка на когнитивном, прагматическом и лингвистическом уровнях текста афоризма.

К **перспективным** прагмастилистическим и синергетическим исследованиям можно отнести приложение разработанных концепций и методики к изучению других типов текста и дискурса (народных примет, англоязычной новеллы, немецкой прозаической басни, стихотворной притчи, фацетии, немецкоязычного афоризма, научно-популярного дискурса, несобственно-прямой речи в художественном дискурсе и др.), а также дальнейшую глубокую переработку и согласование лингвистических и синергетических понятий и подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Прагматика текста различных функциональных стилей / Э.С. Азнаурова // Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам : сб. – М. : Наука, 1987. – С. 3–20.
2. Анастасьева О.А. Синергетический аспект исследования англоязычного афоризма / О.А. Анастасьева // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – С. 315–319.
3. Богатирьова Є.В. Прагмастилістичні характеристики англійських передвиборчих політичних дебатів : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Богатирьова Євгенія

- Віталіївна. – Запоріжжя, 2014. – 386 с.
4. Богатирьова Є.В. Специфічні екстралінгвальні фактори реалізації англомовних передвиборчих політичних дебатів у синергетичному аспекті / Є.В. Богатирьова // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 276–283.
 5. Волков В.В. Прагмастистика текста / В.В. Волков. – Кошіце : Р.Ј. Safarika, 1991. – 208 с.
 6. Гончарук О.М. Англомовна прозова байка: прагмастилістичний і когнітивний аспекти: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Гончарук Олег Миколайович. – Херсон, 2012. – 231 с.
 7. Домброван Т.И. Синергетическая модель развития английского языка : дис. ... докт. філол. наук : 10.02.04 / Домброван Татьяна Ивановна. – Одесса, 2013. – 462 с.
 8. Домброван Т.И. Синергетическая модель развития английского языка : монографія / Т.И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
 9. Домброван Т.И. История английского языка как объект исследования в диахронической лингвосинергетике / Т.И. Домброван // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 20–61.
 10. Ейгер Г.В. Язык и синергетика / Г.В. Ейгер // Вестник Харьковского государственного университета. – 1992. – № 372. – С. 131–137.
 11. Єнікеева С.М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : 10.02.04 / С.М. Єнікеева. – К., 2011. – 35 с.
 12. Еникеева С.М. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка / С.М. Еникеева // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л. [С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 62–87.
 13. Жук Л.Я. Приклад як тип тексту: лінгвостилістичні та прагматичні аспекти (на матеріалі англійської дидактичної літератури) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Жук Людмила Яківна. – Х., 2004. – 222 с.
 14. Залужная М.В. Лингвосинергетические аспекты реализации принципа неопределенности (на материале художественных текстов британских постмодернистов / М.В. Залужная // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 294–315.
 15. Карпусенко Н.В. Німецькомовний науково-лінгвістичний текст і дискурс: лінгвостилістичний і прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Карпусенко Наталія Вікторівна. – Харків, 2011. – 272 с.
 16. Коринь С.Н. Метафора и метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе: когнитивный и прагмастилистический аспекты : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Коринь Светлана Николаевна. – Харків, 2014. – 239 с.
 17. Лузина Л.Г. Проблемы стилистики в прагмастилистической интерпретации / Л.Г. Лузина // Прагматика и семантика. – М., 1991. – С. 67–81.
 18. Максименко Е.В. Прагмастилистические аспекты рекламного дискурса (на материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. філол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.В. Максименко. – Волгоград, 2005. – 18 с.

19. Мукатаєва Я.В. Німецький прозовий шванк: лінгвостилістичний, прагматичний та когнітивний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Мукатаєва Ярослава Василівна. – Х., 2008. – 206 с.
20. Ольховська Н.С. Прагматико-комунікативні та лінгвостилістичні характеристики драматургічних текстів Томаса Бернгарда : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ольховська Наталія Семенівна. – Х., 2007. – 202 с.
21. Пільгуй Н.М. Англomовний науковий агротехнічний дискурс: лінгвостилістичний та прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Пільгуй Наталія Миколаївна. – Запоріжжя, 2014. – 238 с.
22. Пільгуй Н.М. Синергетичний аспект дослідження англomовного наукового агротехнічного дискурсу / Н.М. Пільгуй // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др. ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой]. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 261–276.
23. Пихтовникова Л.С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13–20 ст. : монографія / Л.С. Пихтовникова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
24. Пихтовникова Л.С. Еволюція німецької віршованої байки: жанрово-стилістичні аспекти : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04, 10.01.04 / Пихтовникова Лідія Сергіївна. – К., 2000. – 427 с.
25. Пихтовникова Л.С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка / Л.С. Пихтовникова // Нова філологія. – 2002. – № 1 (12). – С. 33–39.
26. Пихтовникова Л.С. Стилістика і синергетика дискурсу / Л.С. Пихтовникова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. монографія ; за ред. проф. І.С. Шевченко; 200-річчю Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна присвячується. – Х., 2005. – С. 29–36.
27. Пихтовникова Л.С. Стилістика и прагматика художественного дискурса в аспекте синергетической концепции / Л.С. Пихтовникова // Актуальні проблеми германської філології в Україні та Болонський процес : матеріали другої міжнар. наук. конф. (20–21 квітня 2007 р.). – Чернівці : Чернів. нац. ун-т, 2007. – С. 265–270.
28. Пихтовникова Л.С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматистическом аспекте / Л.С. Пихтовникова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
29. Пихтовникова Л.С. Прагматистика і лінгвопоетика малих форм та синергетика дискурсу (один із напрямів Харківської лінгвістичної школи, германські мови) / Л.С. Пихтовникова // Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство та методика викладання філологічних дисциплін : матеріали міжвуз. конф. (28–29 травня 2010 р.). – Призов. держ. тех. ун-т, 2010. – С. 14–18.
30. Пихтовникова Л.С. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі української, російської та німецької байки) / Л.С. Пихтовникова // Незгасимий СЛОВОСВІТ : зб. наук. пр. на пошану проф. Володимира Семеновича Калашника. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 519–527.
31. Пихтовникова Л.С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений / Л.С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 180 с.
32. Пихтовникова Л.С. Самоорганізація дискурсу: синергетичні принципи і підходи до лінгвістичного аналізу / Л.С. Пихтовникова // Сучасні фундаментальні теорії та інноваційні практики навчання іноземної мови у ВНЗ : кол. монографія ; за ред. В.Г. Пасинок. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – С. 218–231.
33. Пихтовникова Л.С. Глоссарий основных понятий синергетики (для филологов) / Л.С. Пихтовникова // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф.

- Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 319–324.
34. Пихтовникова Л.С. Самоорганизация дискурса и отдельных типов дискурса / Л.С. Пихтовникова // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 88–102.
 35. Пихтовникова Л.С. Самоорганизация речевых произведений: информационно-когнитивный аспект / Л.С. Пихтовникова // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 102–135.
 36. Пихтовникова Л.С. Дискурс байки у синергетичному аспекті / Л.С. Пихтовникова, О.М. Гончарук // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 236–245.
 37. Пихтовникова Л.С. Дискурс притчі у синергетичному аспекті / Л.С. Пихтовникова, І.М. Яремчук // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 245–252.
 38. Пихтовникова Л.С. Дискурс и метаметафора в синергетическом аспекте / Л.С. Пихтовникова, С.Н. Коринь // Науковий вісник Волин. нац. ун-ту імені Лесі Українки. – Луцьк : ВНУ імені Лесі Українки, 2011. – С. 110–114.
 39. Пихтовникова Л.С. Метафора и метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе: когнитивный и прагматистический аспекты : монография / Л.С. Пихтовникова, С.Н. Коринь. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – 200 с.
 40. Приходько А.Н. Самоорганизация концептивных систем и межкультурный трансфер концептов / А.Н. Приходько // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 135–154.
 41. Самарина В.В. Немецкоязычный рекламный дискурс: прагматический, когнитивный и лингвостилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Самарина Виктория Викторовна. – Х., 2010. – 210 с.
 42. Семенець О.О. Синергетика поетичного слова / О.О. Семенець. – Кіровоград : Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
 43. Семенець О.О. Синергетика модальностей поетичної творчості / О.О. Семенець // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 154–179.
 44. Силантьева В.И. Феномен переходности в искусстве: литературоведческий и синергетический подходы к проблеме / В.И. Силантьева // Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 180–203.
 45. Синергетика в филологических исследованиях : монография / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – 340 с.
 46. Сторчак О.Г. Концепты ТЯЖЕЛЫЙ и ЛЕГКИЙ в современном англоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сторчак Олег Григорьевич. – Х., 2010. – 221 с.
 47. Суддя А.М. Функціонування контекстуальних синонімів-прикметників у німецькомовному художньому дискурсі: когнітивний і прагматистичний аспекти :

- дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Суддя Антон Миколайович. – Х., 2013. – 222 с.
48. Суддя А.М. Контекстуальна синонімія прикметників як синергетичний феномен (на матеріалі німецькомовного публіцистичного дискурсу) / А.М. Суддя // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 252–261.
 49. Тараненко Л.І. Просодичні засоби актуалізації фольклорних текстів малої форми (експериментально-фонетичне дослідження) : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Тараненко Лариса Іванівна. – Харків, 2016. – 661 с.
 50. Тюленев С.В. Перевод как инструмент стилистического анализа художественного произведения: Прагмастилистический аспект / С.В. Тюленев. – М. : Готика, 2000. – 79 с.
 51. Тюленев С.В. Вторичный текст как средство прагмастилистического изучения оригинала : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Тюленев Сергей Владимирович. – М., 2000. – 338 с.
 52. Фоменко Е.Г. Синергетическое напряжение в идиостиле Джеймса Джойса / Е.Г. Фоменко // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 204–228.
 53. Чередниченко В.П. Лінгвосинергетичні характеристики німецькомовної новели (діахронічний аспект) / В.П. Чередниченко // Синергетика в філологічних дослідженнях : монографія / [Т.И. Домброван, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова и др.] ; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 283–294.
 54. Чередниченко В.П. Прагмастилистичні характеристики німецькомовної новели : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Чередниченко Вікторія Павлівна. – Запоріжжя, 2016. – 271с.
 55. Яремчук І.М. Німецькомовна притча: лінгвостилістичний та прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. / Яремчук Інна Михайлівна. – Львів, 2013. – 286 с.
 56. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13–21 Jahrhundert / Ukrainische Beiträge zur Germanistik / L. Pichtownikowa. – Band 5. – Aachen : Shaker Verlag, 2008. – 322 S.
 57. Püschel, U. Stilpragmatik – Vom praktischen Umgang mit Stil / U. Püschel // G. Stickel (Hrsg.). Stilfragen. – Berlin, New York : de Gruyter, 1995. – S. 303–328.

REFERENCES

- Anastasiyeva, O.A. (2015). Sinergeticheskij aspekt issledovaniya anglojazychnogo aforizma [Synergetic aspect of English aphorism study]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah* [Synergetics in philological researches] (pp. 315–319). Kharkiv: V. N. Karazin National University Publ.
- Aznaurova, Ye.S. (1987) Pragmatika teksta razlichnyh funkcional'nyh stilej [Pragmatics of various functional styles]. In: M.Zh. Tcvilling (Ed.). *Obshhestvenno-politicheskij i nauchnyj tekst kak predmet obuchenija inostrannym jazykam* [Social political and scientific text as foreign language teaching subject] (pp. 3–20). Moscow: Nauka Publ.
- Bohatyрева, Ye.V. (2014). *Prahmastylistychni kharakterystyky anhlovnykh peredvyborchykh politychnykh debativ* [Pragmasylistic characteristics of English-speaking electoral political debate]. Candidate dissertation, Zaporizhzhia national university, Zaporizhzhia, Ukraine. (in Ukrainian).
- Bohatyрева, Ye.V. (2015). Spetsyfichni ekstralinhvalni faktory realizatsii anhlovnykh peredvyborchykh politychnykh debativ u synerhetychnomu aspekti. Sinergeticheskij aspekt

- issledovanija anglojazychnogo aforizma [Specific factors of extralingual implementation of the English-speaking electoral political debate in synergetic aspect]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 276–283). Kharkiv: V. N. Karazin National University Publ.
- Cherednichenko, V.P. (2015). Linhvოსynerhetychni kharakterystyky nimetskomovnoi novelty (diakhronichni aspekt) [Linguo-synergetic characteristics of German-language novel (diachronic aspect)]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 283–294). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Cherednichenko, V.P. (2016). *Prahmastylistychni kharakterystyky nimetskomovnoi novelty [Pragma-stylistic characteristics of German-language novel]*. Candidate dissertation, Zaporizhzhya national university, Zaporizhzhya, Ukraine. (in Ukrainian).
- Dombrovan, T.I. (2013). *Synerhetycheskaia model razvytyia anhlyiskoho yazyka [Synergetic model of the English language development]*. Doctoral dissertation, Odessa national university, Odessa, Ukraine. (in Russian).
- Dombrovan, T.I. (2013). *Synerhetycheskaia model razvytyia anhlyiskoho yazyka [Synergetic model of the English language development]*. Odessa: KP OGT Publ.
- Dombrovan, T.I. (2015). Istorija anglijskogo jazyka kak objekt issledovanija v diahronicheskoj lingvosinergetike [History of English as an object of study in diachronic linguosynergetics]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 20–61). Kharkiv: V. N. Karazin National University Publ.
- Eyger, G.V. (1992). Jazyk i sinergetika [Language and synergetics]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im.V.N. Karazina. – V. N. Karazin National Univ. Messenger*, 372, 131–137 (in Russian).
- Fomenko, E.G. (2015). Sinergeticheskoe naprjazhenie v idiostile Dzhejsma Dzhojsa [Synergetic tension in the idiostyle of James Joyce]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 204–228). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Honcharuk, O.M. (2012). *Anhlovna prozova baika: prahmastylistychni i kohnityvnyi aspekty [English prose fable: prahmastylistic and cognitive aspects]*. Candidate dissertation, Kherson National University, Kherson, Ukraine. (in Ukrainian).
- Karpusenko, N.V. (2011). Nimetskomovnyi naukovo-linhvistychnyi tekst i dyskurs: linhvostylistychni y prahmatychni aspekty. [German-Language Scientific Linguistic Text and Discourse: Linguistic-Stylistic and Pragmatic Aspects]. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Korin', S.N. (2014). Metafora i metametafora v nemeckojazychnom hudozhestvennom diskurse: kognityvnyj i prahmastilisticheskij aspekty. [Metaphor and Meta-Metaphor in the German-Language Literary Discourse: Cognitive and Pragmatic-Stylistic Aspects]. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Russian).
- Lusina, L.G. (1991). Problemy stilistiki v prahmastilisticheskij interpretacii [Problems of Stylistics in the Pragmatic-Stylistic Interpretation]. *Pragmatika i semantika. – Pragmatics and Semantics*, 67–81 (in Russian).
- Maksimenko, E.V. (2005). *Prahmastilisticheskie aspekty reklamnogo diskursa (na materiale tekstov ruskoj i anglijskoj kommercheskoj i nauchno-tehnicheskij reklamy). [Pragmatic-Stylistic Aspects of the Advertising Discourse (Evidence akucь Russian and English Commercial and Scientific-Technical Advertising Texts)]*. Candidate dissertation synopsis, Volgograd State University, Volgograd, Russia. (in Russian).
- Mukataieva, Ja.V. (2008). *Nimetskyi prozovyi shvank: linhvostylistychni, prahmatychni ta kohnityvnyi aspekty. [German Prose Shvank: Linguistic-Stylistic, Pragmatic and Cognitive Aspects]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).

- Ol'hovs'ka, N.S. (2007). *Pragmatyko-komunikatyvni ta lingvostylistychni kharakterystyky dramaturhichnykh tekstiv Tomasa Bergarda. [Pragmatic-Communicative and Linguistic-Stylistic Features of Thomas Bernhard's Dramaturgical Texts]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Pichtownikova, L. (2008). *Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13. – 21. Jahrhundert* (Band 5). Aachen: Shaker Verlag.
- Pikhtovnikova, L.S. (1999). *Synerhiia styliu baiky: nimetska virshovana baika 13–20 st. [Synergy of the Fable Style: German Poem Fable of 13th–20th Cent.]*. Kharkiv: Business Inform Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2000). *Evolutsiya nimetskoï virshovanoi baiky: zhanrovo-stylistychni aspekty. [Evolution of the German Poem Fable: Genre and Stylistics Aspects]*. Doctoral dissertation, Taras Shevchenko Kyiv National University, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Pikhtovnikova, L.S. (2002). Jazykovye fil'try: neravnovesnye sostojaniya i razvitie jazyka [Language Filters: Language Disbalance States and Development]. *Nova filologija. – New Philology*, 1(12), 33–39 (in Russian).
- Pikhtovnikova, L.S. (2005). Stylistyka i synergetyka dyskursu [Stylistics and Synergetics of Discourse]. In: I.S. Shevchenko (Ed.). *Dyskurs jak kognityvno-komunikatyvnyj fenomen [Discourse as a Cognitive-Communicative Phenomenon]* (pp.29–36). Kharkiv: Konstanta Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2009). Sinergeticheskij metod dlja issledovanija diskursa v pragmatylicheskomykh aspektykh [Synergetic Method for Studying Discourse within Pragmatic-Stylistic Aspect]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V. N. Karazin National Univ. Messenger*, 848, 48–52 (in Russian).
- Pikhtovnikova, L.S. (2010). Pragmatylystyka i lingvopoetyka malykh form ta synergetyka dyskursu (odyn iz naprjamiv Harkivs'koi' lingvistychnoi' shkoly, germans'ki movy) [Pragmatylystyka and Linguopoetics of Small Form Texts and Synergetics of Discourse (One of the Scientific Studies of the Kharkiv Linguistic School, Germanic Languages)]. *Materialy Mizhvuzivs'koi' konferencii: Aktual'ni problemy filologii: movoznavstvo, perekladnavstvo ta metodyka vykladannja filologichnykh dyscyplin. – Proceedings from Interuniversity Conference: Actual Problems of Philology: Linguistics, Translation Studies and Methods of Teaching Philological Disciplines*. Mariupol', 14–18 (in Ukrainian).
- Pikhtovnikova, L.S. (2011). Dyskurs baiky u synerhetychnomu aspekti (na materialy ukrainskoi, rosiiskoi ta nimetskoï baiky) [Discourse of a fable in a synergetic aspect (it is based on Ukrainian, Russian and German fables)]. In: M. Filon, T. Larina (Eds.). *Nezghasymyi SLOVOSVIT: Zbirnyk naukovykh prats na poshanu profesora Volodymyra Semenovycha Kalashnyka [Remembrance SLOVOSVIT: Collected Works in honor of Professor Vladimir Semenovich Kalashnik]* (pp. 519–527). Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2012). *Lingvosinergetika: osnovy i ocherk napravlenii [Linguistics and synergetics: bases and sketch of the directions]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2013). Samoorganizatsiia dyskursu: synerhetychni pryntsypy i pidkhody do lingvistychnoho analizu [Self-organization of discourse: synergistic principles and approaches to linguistic analysis]. In: V.G. Pasyuk (Ed.). *Suchasni fundamentalni teorii ta innovatsiini praktyky navchannia inozemnoi movy u VNZ [Modern basic theory and practice of innovative foreign language teaching in universities]*. (pp. 218–231). Kharkiv: V.N. Karazin National Univ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2015). Glossarii osnovnykh poniatii synergetiki (dlia filologov) [The glossary of the basic concepts of synergetics (for philologists)]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniiah [Synergetics in philological researches]* (pp. 319–324). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (2015). Samoorganizatsiia diskursa i otdelnykh tipov diskursa [Self-organization of discourse and its particular types]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v*

- filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 88–102). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. Samoorganizaciia rechevykh proizvedenii: informatsionno-kognitivnyi aspekt [Self-organization of speech product: information and cognitive aspect]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 102–135). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pikhtovnikova, L.S., & Korin S.N. (2011). Diskurs i metametofora v sinergeticheskom aspekte [Discourse and meta-metaphor in a synergetic aspect]. *Naukovii visnyk Volynskoho natsionalnoho universytetu imeni Lesi Ukrainky. – Lesa Ukrainka National Univ. Messenger*, 5(2), 110–114 (in Ukrainian).
- Pikhtovnikova, L.S., & Korin S.N. (2015). *Metafora i metametofora v nemeckoiazychnom khudozhestvennom diskurse: kognitivnyi i pragmatylicheskii aspekty [Metaphor and meta-metaphor in a German-language art discourse: cognitive, pragmatic and stylistic aspects]*. Kharkiv: V. N. Karazin National Univ. Publ.
- Pikhtovnikova, L.S., Honcharuk O.M. (2015). Dyskurs baiky u synerhetychnomu aspekti [Discourse of a fable in a synergetic aspect]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 236–245). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pikhtovnikova, L.S., Yaremchuk I.M. (2015). Dyskurs prytychi u synerhetychnomu aspekti [Discourse of a parable in a synergetic aspect]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 245–252). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pil'guy, N.M. (2014). *Anhlomovnyi naukovyi ahrotekhnichniy diskurs: linhvostylistychnyi ta prahmatychnyi aspekty. [English-Language Scientific Agrotechnical Discourse: Linguistic-Stylistic and Pragmatic Aspects]*. Candidate dissertation, Zaporizhzhja National University, Zaporizhzhia, Ukraine. (in Ukrainian).
- Pil'guy, N.M. (2015). Synergetychnyj aspekt doslidzhennja anglomovnogo naukovo agrotekhnichnogo dyskursu [Synergetic Aspect of the English-Language Scientific Agrotechnical Discourse Research]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 261–276). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Prikhodko, A.N. (2015). Samoorganizatsiia kontseptivnykh sistem i mezhkulturnyi transfer kontseptov [Self-organization of concept systems and cross-cultural transfer of concepts]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovanijah [Synergetics in philological researches]* (pp. 135–154). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Püschel, U. (1995). Stilpragmatik – Vom praktischen Umgang mit Stil. In: G. Stickel (Hrsg.). *Stilfragen* (S. 303–328). Berlin, New York: de Gruyter.
- Pikhtovnikova, L. S. (2007). Stilistika i pragmatika hudozhestvennogo diskursa v aspekte sinergeticheskoy koncepcii [Stylistics and Pragmatics of the Literary Discourse in the Aspect of Synergetic Conception]. *Materialy drugoi' mizhnarodnoi' naukovoi' konferencii': Aktual'ni problemy germans'koi' filologii' v Ukrai'ni ta Bolons'kyj process. – Proceedings from 2nd International Scientific Conference: Actual Problems of Germanic Philology in Ukraine and the Bologna Process*. Chernivtsi, 265–270 (in Russian).
- Samarina V.V. (2010). *Nemetskoiazychnyi reklamnyj diskurs: pragmaticheskii, kognitivnyi i lingvostilisticheskii aspekty. [German-language advertising discourse: pragmatic, cognitive, linguistic and stylistic aspects]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Russian).
- Semenets, O.O. (2004). *Synerhetyka poetychnoho slova [Synergetics of poetic words]*. Kirovohrad: Imeks LTD Publ.
- Semenets, O.O. (2015). Synerhetyka modalnostei poetychnoi tvorchosti [Synergetics of modalities

- in poetry]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in philological researches]* (pp. 154–179). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Silant'yeva, V.I. (2015). Fenomen perehodnosti v iskusstve: literaturovedcheskij i sinergeticheskij podhody k probleme [Phenomenon of transitivity in art: literary and synergetic approaches to the problem]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in philological researches]* (pp. 180–203). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Pikhtovnikova, L.S. (Ed.). (2015). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in Philological Researches]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- Storchak, O.G. (2010). *Koncepty TJAZHELYJ i LEGKIJ v sovremennom anglojazychnom diskurse. [Concepts HEAVY and LIGHT in modern English discourse]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Russian).
- Suddja, A.M. (2013). *Funktsionuvannia kontekstualnykh sinonimiv-prykmetnykiv u nimetskomovnomu khudozhnomu dyskursi: kohnityvnyi i prahmastylistychnyi aspekty. [The functioning of contextual synonyms in German discourse: cognitive and pragma-stylistic aspects]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Suddja, A.M. (2015). Kontekstualna sinonimiia prykmetykiv yak synerhetychnyi fenomen (na materialy nimetskomovnoho publitsystychnoho dyskursu) [Contextual synonymy of adjectives as synergistic phenomenon (based on German journalistic discourse)]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in philological researches]* (pp. 252–261). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Taranenko, L.I. (2016). *Prosodychni zasoby aktualizatsii folklornykh tekstiv maloi formy (eksperymentalno-fonetychne doslidzhennia). [Prosodical Means of Short Form Folklore Text Actualization (Experimental-Phonetic Research)]*. Doctoral Dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Tjulenev, S.V. (2000). *Perevod kak instrument stilisticheskogo analiza hudozhestvennogo proizvedenija: Pragmastilisticheskij aspek [Translation as a means of stylistic analysis of a work of fiction: Pragma-stylistic aspect]*. Moscow: Gotika Publ.
- Tjulenev, S.V. (2000). *Vtorichnyj tekst kak sredstvo pragmastilisticheskogo izuchenija originala. [Secondary text as a means of pragma-stylistic study of the original]*. Candidate dissertation, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. (in Russian).
- Volkov, V.V. (1991). *Pragmastilistika teksta [Pragmastilistics of text]*. Košice : P.J. Safarika Publ.
- Yaremchuk, I.M. (2013). *Nimetskomovna prytycha: linhvostylistychnyi ta prahmatychnyi aspekty. [The German Parable: Linguostylistic and pragmatic aspects]*. Candidate dissertation, Ivan Franko Lviv National University, Lviv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Yenikieieva, S.M. (2011). *Systema slovotvoru suchasnoi anhliiskoi movy: synerhetychnyi aspekt. [System of word formation in modern English: synergetic aspect]*. Doctoral dissertation synopsis, Kyiv National Linguistic University, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Yenikieieva, S.M. (2015). Sinergeticheskie parametry strukturnoj organizacii i razvitija slovoobrazovatel'noj sistemy sovremennogo anglijskogo jazyka [Synergistic parameters of structural organization and development of the formative system of modern English]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in philological researches]* (pp. 62–87). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.
- Zaluzhnaya, M.V. (2015). Lingvosinergeticheskie aspekty realizacii principa neopredelennosti (na materiale hudozhestvennykh tekstov britanskih postmodernistov) [Linguosynergetic aspects of the implementation of the principle of uncertainty (evidence from art texts of British post-modernists)]. In: L.S. Pikhtovnikova (Ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyah [Synergetics in philological researches]* (pp. 294–315). Kharkiv: V.N. Karazin National University Publ.

Zhuk, L.Ya. (2004). *Pryklad yak typ tekstu: linhvostylistychni ta prahmatychni aspekty (na materialy anhliskoi dydaktychnoi literatury)*. [Example as a type of a text: stylistic and pragmatic aspects (based on English didactic literature)]. Candidate dissertation, V.N. Karazin National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).

Пихтовникова Лидия Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: lpicht@mail.ru

Pikhtovnikova Lidiia Sergeievna – doctor of philological sciences, professor, German Language and Translation Dept., V.N. Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: lpicht@mail.ru

УДК 811.111-112'37'42

**ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ
И.С. Шевченко (Харьков, Украина)**

И.С. Шевченко. Эволюционные механизмы когнитивной семантики. В статье рассматриваются и систематизируются основные эволюционные механизмы трансформаций лексически представленных концептов. На базе когнитивно-дискурсивной парадигмы науки предлагается методика и алгоритм диахронического изучения когнитивных и лингвокультурных концептов, в частности, концептов коммуникативного поведения. В рамках исторической когнитивной семантики обобщаются данные диахронического варьирования когнитивных и лингвокультурных англоязычных концептов и определяются векторы их трансформаций: эволюция (кладогенез, анагенез), инволюция или развитие смешанного типа.

Ключевые слова: анагенез, диахроническая когнитивная семантика, инволюция, кладогенез, когнитивно-дискурсивная парадигма, методика анализа, типы концептов, эволюция.

І.С. Шевченко. Еволюційні механізми когнітивної семантики. У статті розглянуто і систематизовано основні еволюційні механізми трансформацій лексично представлених концептів. На базі когнітивно-дискурсивної парадигми науки запропоновано методику та алгоритм діахронічного вивчення когнітивних і лінгвокультурних концептів, зокрема, концептів комунікативної поведінки. У рамках історичної когнітивної семантики узагальнено дані діахронічного варіювання когнітивних і лінгвокультурних англійських концептів і визначено вектори їх трансформацій: еволюція (кладогенез, анагенез), інволюція або розвиток змішаного типу.

Ключові слова: анагенез, діахронічна когнітивна семантика, еволюція, інволюція, кладогенез, когнітивно-дискурсивна парадигма, методика аналізу, типи концептів.

Iryna Shevchenko. Evolutional mechanisms of cognitive semantics. In this article I reviewed and systematized the basic mechanisms of evolutionary transformations of lexically represented concepts. On the basis of cognitive-discursive research paradigm I suggest methods and algorithm for the diachronic study of cognitive and linguocultural concepts, in particular, concepts of communicative behavior. Within the framework of historical cognitive semantics I summarize the data for diachronic variation of cognitive and linguocultural English concepts and define vectors of their transformations as evolution (anagenesis, cladogenesis), involution or a mixed type development.

Keywords: anagenesis, cladogenesis, cognitive and discursive paradigm, concept types, diachronic cognitive semantics, evolution, involution, methods for analysis.

Введение

Изменчивость – неотъемлемое свойство материального и духовного мира, которое проявляется в вариативности по различным параметрам в плане синхронии и в диахронии. **Актуальное** в современной лингвистике обращение к диахроническому анализу когнитивной семантики свидетельствует о зрелости науки, которая накопила достаточно данных о современном состоянии концептов и нуждается в сведениях об их развитии. **Цель** статьи – осветить эвристические проблемы диахронической когнитивной семантики (как ее принято называть на Западе) или исторической когнитивистики (термин отечественных исследователей) и на основе апробированных методик диахронического анализа лексически

представленных концептов описать в первом приближении наиболее общие механизмы их эволюции.

В качестве **материала** использованы критически обобщенные данные об исторических трансформациях концептов, полученные в рамках продолжающегося исследовательского проекта «Эволюция концептов в английской языковой картине мира» в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина в кандидатских и докторских диссертациях, где автор была научным руководителем или консультантом: это данные о концептах БОГ / GOD (А.В. Полина [2004]), ДОБРО / GOOD (И.В. Змиёва [2006]), ГРЕХ / SIN (О.В. Ваховская [2013]), ИЗВИНЕНИЕ / APOLOGY (Т.Н. Буренко [2008]), СКРОМНОСТЬ / MODESTY (В.О. Турченко [2014]), ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS (Н.А. Олейник [2015]), о домене / концепте ВРЕМЯ / TIME (Е.В. Бондаренко [2012; 2014]) и др.

1. Механизмы эволюции концептов и методика их анализа

Универсальная философская трактовка развития позволяет рассматривать его как эволюцию – «необратимый процесс исторического изменения неживого и живого» [Ильин 2005: 52]. При этом все проявления эволюции постулируются через призму человека и связаны с развитием общества и культуры [там же: 54].

Важнейшее условие эволюции – сохранение накапливающихся изменений. Эту функцию в лингвокультурном сообществе осуществляют тексты, которые фиксируют изменения человеческой когниции и дискурса на определенных исторических этапах. В сущности, сами этапы скорее условны, так как развитие – постоянный процесс, длительность, динамика в противовес статике. По мнению теоретика эволюции Анри Бергсона, эволюция связана с разумом, поскольку разум – продукт эволюции, а эволюция – это непрерывно возобновляющееся творчество [Bergson 2007].

Важнейшее свойство эволюции – непрерывность. Историческое развитие протекает по законам диалектики, в частности, отрицания отрицания. Но при этом современные эволюционные учения исходят из наличия не только закономерных, но и случайных факторов в развитии саморазвивающихся систем [Ильин 2005: 58].

В естественных науках выработано представление о механизмах эволюции, среди которых для лингвистики, как показывает наш анализ, релевантны кладогенез и анагенез.

Кладогенез – это механизм эволюции, основанный на дивергенции. Дивергенция (расхождение) происходит в результате изменения направления отбора в разных условиях. В ходе дивергенции имеет место независимое образование различных признаков [Афонин 2016].

В процессе эволюции процесс дивергенции становится необратимым: различия между видами и таксонами высших рангов все более углубляются. При этом сохраняется общность признаков, что свидетельствует о происхождении таксонов от общего предка.

Анагенез – это эволюция, основанная на постепенном превращении одной группы в другую без увеличения числа групп. Такая эволюция предполагает плавное изменение путем постепенного накопления признаков. Этот принцип плавной, постепенной эволюции называют принципом градуализма [Афонин 2016].

Для развития характерно совмещение противоположенных процессов. По определению В.И. Карасика [2007: 179], «динамика смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта проявляется как эволюция и инволюция концепта, т.е. смысловое расширение и сжатие». Иными словами, вместе с расширением (лат. *evolution* – *развертывание*) лингвисты говорят и о «свертывании» – **инволюции**, когда понятие утрачивает часть своих когнитивных признаков в процессе исторического изменения. В философской трактовке это соответствует представлению об усложнении либо упрощении системы в ходе эволюции, когда результатом самоорганизации неравновесных систем является их прогрессивное либо регрессивное изменение.

Эволюция / инволюция концепта проявляется в изменении его различных параметров: номинативной плотности, оценочного знака, образной характеристики и т.п., причем она несколько отличается по своим параметрам и направлениям для концептов разных типов. Лексически представленные концепты принято разделять на **КОГНИТИВНЫЕ** и **ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ**. Первый тип – заместитель понятия, это «намек на возможное значение» и «отклик на предыдущий языковой опыт человека» [Слышкин 2004: 282], он основан на значении слова, но учитывает личный и общенародный опыт (например, КРИЗИС, ДОМ т.п.). Второй – **лингвокультурный** концепт – является концентратом культуры, это «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 40]; это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная составляющие [Карасик 2007: 5] (например, концепты этики и религии типа БОГ, ДОБРО, ГРЕХ, СКРОМНОСТЬ и др.). В их анализе используют как общие, так и различные параметры: когнитивный концепт, как правило, структурируют в виде концептуальной сети значения [Жаботинская 2013] или матрицы доменов [Бондаренко 2014], а в лингвокультурном концепте описывают его понятийный, образный, ценностный компоненты [Карасик 2007; Слышкин 2004]. Для концептов всех типов выявляют их когнитивные метафоры и способы метонимической номинации.

Становление когнитивной прагматики в XXI веке позволяет дополнить семантико-когнитивный анализ концепта его прагматическим исследованием. Когнитивную прагматику мы определяем как изучение ментальных операций, связанных со смыслами, которые конструируются в различных дискурсивных ситуациях. Когнитивная прагматика объединяет в единое целое когнитивное и коммуникативное (прагматическое) начала функционализма, что соответствует современному максималистскому подходу в лингвистике. По определению Робин Карстон, когнитивная прагматика изучает ментальные процессы как основу коммуникативного поведения [Carston 2002: 128–129]: интенции говорящего и слушающего, речевые акты, стратегии дискурса. При этом в зависимости от акцента анализа в отечественной науке сформировались два перспективных исследовательских вектора – коммуникативный и когнитивный, которые определяют отправную точку изучения, что соответствует двум ипостасям единой науки – когнитивной прагматики.

В русле когнитивной прагматики стало возможным выделить разновидность лингвокультурных концептов – концепты коммуникативного поведения. В отличие от представлений о предметах / сущностях они служат моделью речевой деятельности в сознании индивида, включая ее мотивы, интенции, стратегии, их характеристики и проч. Идеи моделирования представлений о речевых актах и дискурсивных событиях типа *criticize*, *blame* в виде динамичных этнокультурных скриптов восходят еще к Ч. Филлмору.

Лексические средства номинации концептов коммуникативного поведения также отличаются от когнитивных и лингвокультурных. С учетом языковой формы (имени концепта) выделяют знания о вещах – т.н. «основные» – и о процессах / отношениях – т.н. «процессуальные» и «реляционные» понятия [Кубрякова 2004: 252–267], соответствующие ономаσιологическим категориям (ср.: предметные / процессуальные / признаковые концепты [Langacker 1987; Кубрякова 2004: 259]).

Концепт коммуникативного поведения («поведенческий концепт» в терминологии И.И. Чеснокова [2009]) представляет собой «отраженную в сознании индивида модель поведения (деятельности)», которая описывается «в терминах социального взаимодействия – с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик ее достижения» [там же]. С учетом принципов когнитивной прагматики, применяемых в когнитивной дискурсологии, такой концепт требует рассмотрения в совокупности структур и способов его представления в языковом сознании и форм и средств актуализации в дискурсе.

Исходя из наличия процессуальных / признаковых понятий, среди концептов коммуникативного поведения выделяем **событийные** и **признаковые**. Примером первых

служит концепт типа МЕСТЬ, который соответствует ментальному представлению о разворачивании дискурсивного события отмщения [Чесноков 2009]. Примером признаков (реляционных) концептов коммуникативного поведения (термин И.С. Шевченко [2013]), служат ВЕЖЛИВОСТЬ, СКРОМНОСТЬ, ДЕРЗОСТЬ и т.п., которые характеризуют определенную коммуникативную ситуацию.

Событийные и признаковые разновидности концептов коммуникативного поведения выделяются по таким критериям [Шевченко 2013]:

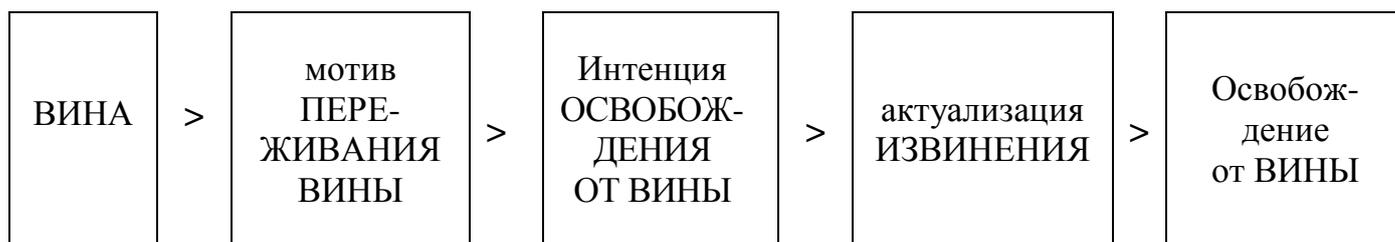
- (a) темпоральность (процессуальность) :: атемпоральность (признаковость);
- (b) моделируемость в виде отличающихся ментальных схем;
- (c) способы вербальной актуализации – лексический (слова) :: дискурсивный (речевые акты, стратегии дискурса, мена ролей);
- (d) первичность :: вторичность иллюкуции.

Первый критерий «темпоральность :: атемпоральность» задается онтологическими свойствами имени концепта; он позволяет разграничить событийные концепты типа ИЗВИНЕНИЕ, ОСУЖДЕНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ПРОСЬБА и признаковые концепты – ментальные представления о характере определенного коммуникативного действия или состояния (СДЕРЖАННОСТЬ, НАЗОЙЛИВОСТЬ и т.п.).

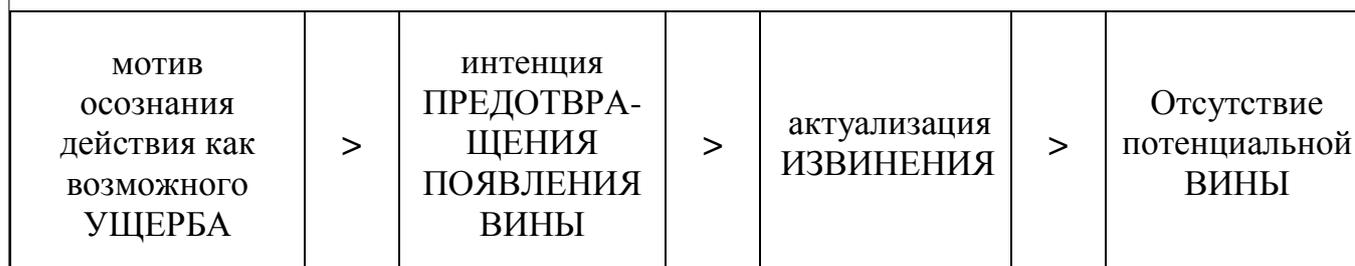
Второй параметр предполагает, что концепты моделируются в виде различных фреймов. Динамичные концепты-события (ментальные схемы определенных ситуаций, которые разворачиваются во времени) моделируются в виде фрейма-сценария – последовательности эпизодов по схеме:

[мотив → интенция → совершение РА → эффект].

Например, ИЗВИНЕНИЕ / APOLOGY корректирующего типа (интенция говорящего – избавиться от чувства вины за совершение малефактивного действия типа *Sorry, I am late!*) можно представить в виде когнитивного сценария, который включает концепты ВИНА, ИЗВИНЕНИЕ, объединенные проспективным вектором связи [Буренко 2008]:

Напротив, в речевых актах превентивного извинения (*Excuse me, can we talk?*) концепт ИЗВИНЕНИЕ предшествует гипотетической ВИНЕ [там же]:

В отличие от событийных, признаковые концепты коммуникативного поведения не имеют отдельного сценария разворачивания. Они относятся к слоту качества / способа в модели соответствующего событийного концепта [НЕКТО ДЕЛАЕТ НЕЧТО ТАК] и [НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ] характеризуют весь фрейм в целом (так, актуализацией концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY будут слот способа действия *I humbly ask you*, слот качества *I liked her modest talk*)).

В соответствии с параметром способа и средств номинации событийные концепты коммуникативного поведения, как правило, актуализированы речевым актом (например, концепт БЛАГОДАРНОСТЬ – бехабитивом) и определяют его первичную, ведущую иллокутивную силу (концепт ОСУЖДЕНИЕ – экспрессив). Напротив, концепты-признаки коммуникативного поведения могут быть представлены словом (как правило, прилагательным / наречием), предложением, в том числе пословицами и поговорками, а также актуализированы стратегиями и тактиками дискурса (например, стратегии вежливости дистанцирования *hedging* актуализируют концепт УКЛОНЧИВОСТЬ).

В отличие от событийных концептов, концепты-признаки коммуникативного поведения обуславливают вторичные, сопутствующие иллокуции соответствующего речевого акта (например, СДЕРЖАННОСТЬ (*I should say, a bit*) вторична в экспрессивах с первичной иллокуцией осуждения: *I should say you were a bit rude*).

С учетом различия в типах лексически представленных концептов, чтобы выявить их исторические трансформации и определить эволюционные механизмы в рамках нашего проекта «Эволюция концептов в английской языковой картине мира» выработан алгоритм анализа, который включает семь последовательных этапов (шестой этап – для анализа концептов коммуникативного поведения):

- (1) выявление доконцептуальных (архетипичных) признаков и установление понятийной основы концепта;
- (2) выяснение его категориальных характеристик;
- (3) определение имени концепта и структуры семантического пространства лексем-номинаций;
- (4) моделирование когнитивной структуры концепта в отдельные исторические периоды;
- (5) определение образных и ценностных характеристик концепта по данным метафор и метонимий;
- (6) в концептах коммуникативного поведения выявление механизмов дискурсивной актуализации в речевых актах (для концептов-событий) либо в стратегиях и тактиках вежливости (для концептов-признаков);
- (7) путем сравнения полученных данных для каждого из исторических периодов определение ведущих векторов развития как эволюционного / инволюционного типов трансформаций концепта.

2. Результаты исследования и дискуссия

Рассмотрим различные направления исторического развития на примерах трансформаций конкретных концептов. Эволюционные механизмы развития как «расширения» по типу **кладогенеза** прослеживаются в исторических трансформациях концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS. Семантические свойства имени концепта наделяют его ингерентной негативной оценочностью, что обуславливает единство понятийно-ценностной составляющей этого лингвокультурного концепта. По данным Н.А. Олейник [2015], моделирование когнитивной структуры концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS, лексически представленного в англоязычном экономическом дискурсе СМИ 1930-х и 2000-х годов, то есть двух периодов глобальных кризисов экономики – Великой депрессии 1930-х и современного кризиса 2010-х годов, и их сопоставление в аспекте микродиахронии показывает, что трансформация понятийно-ценностной составляющей заключается в варьировании когнитивных признаков концепта: количество и частотность значений в пределах схемы со временем возрастает вследствие акцентирования (проминантности) различных признаков концепта в разные исторические периоды.

В концепте ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS исторически стабильными остаются три слота – СПАД, НЕСТАБИЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ, ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ, однако их расширения изменяются: в слоте НЕСТАБИЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ в современный период появляется новое расширение БЕСПОРЯДОК, а в слоте ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ – расширения СЛУЧАЙ, ЗНАЧИМОЕ СОБЫТИЕ. Как проявление диахронического варьирования когнитивной структуры концепта растет частотность отдельных лексем – номинаций слотов и расширений [там же].

Базовой когнитивной метафорой двух исторических периодов служит модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS *есть* ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ. Диапазон метафор концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS включает коррелятивные домены – исторические константы: ОБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ, МЕДИЦИНА, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ и др., а диахроническое варьирование проявляется в снижении метафорического потенциала домена ОБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ (в частности, его субдомена ДВИЖЕНИЕ) и росте потенциала субдомена ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА [там же].

Обнаруженный вектор развития концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS демонстрирует стабильность структуры его понятийно-ценностной составляющей и увеличение степени метафоризации концепта (расширение диапазона и численности коррелятов метафорических и метонимических моделей) в современном дискурсе. Такой вектор изменений соответствует *кладогенезу* – дивергенции отдельных когнитивных признаков, образованию новых отличных признаков по мере исторического развития.

Другая разновидность эволюционного механизма – **анагенез** прослежена Е.В. Бондаренко [2012; 2014] в трансформациях концепта (матрицы доменов) ВРЕМЯ / TIME в английских дискурсах разных типов VII – XXI веков. Матрица доменов (domain matrix) понимается как комплекс доменов, в рамках которых объясняется определенный концепт [Langacker 1987: 152]. Концепт ВРЕМЯ / TIME и домены, в пределах которых он профилируется, представлены языковыми средствами, упорядоченными в виде лексико-семантических или функционально-семантических полей; в матрице доменов они объединены пропозитивными связями. По данным Е.В. Бондаренко [2012; 2014], концепт ВРЕМЯ / TIME организован в виде лексико-семантического поля, которое в качестве когнитивного основания имеет матрицу доменов, принадлежащих холодной или теплой картинам мира англичан (ХКМ, ТКМ).

Матричная модель ВРЕМЕНИ позволила не только выявить типичные для мировоззрения носителя языка определенной эпохи свойства понятия времени, но и представить их в виде отличающихся когнитивных структур, которые в разные эпохи демонстрируют различное соотношение компонентов научной и ненаучных картин мира [Бондаренко 2014]. Так, в современной картине мира эта матрица включает домены ХКМ: ТОЧНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, БЫТИЕ ВСЕЛЕННОЙ, ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ и др.; промежуточные между ХКМ и ТКМ домены: МОДУС ВРЕМЕНИ (НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЛОЕ и БУДУЩЕЕ), ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, ПОРА, ЭПОХА; домены ТКМ: РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ПЕРСОНА, РЕСУРС, ЭМОЦИЯ [Бондаренко 2014: 243].

В исторической ретроспективе средства обозначения времени претерпели определенные изменения, что имеет как социокультурные (десакрализация времени), так и лингвистические причины. В частности, в моделях времени, реализованных в кельтском и британском мифо-эпическом дискурсе (X в. до н.э. – XIV вв. н.э.), имеет место паритет научных и ненаучных компонентов, который в процессе исторического развития (до XIV в. н.э.) нарушается в пользу последних. В моделях времени, реализованных в британском философском дискурсе VII – XX вв. доминирование научных или ненаучных компонентов зависит от того, как понимается степень влияния человека или Бога

(компонентов ТКМ) на формирование темпоральных характеристик действительности. В целом же понятие времени, манифестированное в современном поэтическом и философском дискурсе, является продуктом *анагенеза* [Бондаренко 2012; 2014] – преобразования одной группы в другую без увеличения числа групп путем постепенного накопления соответствующих признаков; развития без разветвления.

Развитие по типу анагенеза демонстрирует не только метод сравнения матриц доменов для различных исторических периодов, но и моделирование изменений когнитивного пространства. Так, когнитивное пространство концепта ГРЕХ / SIN, структурированное на основе разноуровневых номинаций концепта (его имени, синонимов, фразеологических, текстовых, косвенных номинаций), дает схемное представление о том, как этот концепт укоренен в сознании. Представление о ГРЕХЕ соответствует двум областям опыта: с одной стороны, это домен РЕЛИГИОЗНОЕ (концепт БЕЗБОЖИЕ и др.), с другой – домен СВЕТСКОЕ (АМОРАЛЬНОСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ и иные концепты, связанные отношением спецификации и каузации) [Ваховская 2013].

Будучи лингвокультурным этическим концептом, ГРЕХ / SIN базируется на представлении о моральных ценностях определенной эпохи, которые определяют сущность этики и обуславливают внутреннюю неразрывность понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов в структуре таких концептов. В частности, в понятийно-ценностной составляющей концепта ГРЕХ / SIN исторически стабильны: связь с концептами БОГ и ЧЕЛОВЕК, гендерная маркированность. Исторически изменчивыми оказываются идеи всеобщности ГРЕХА, его связи с классом и расой, но наибольшие изменения претерпевает степень негативной оценки ГРЕХ / SIN, которая изменяется с негативной (библейской) оценки на нейтральную (*sins are so unromantically easy!* (R.L. Stevenson)) и даже положительную (*the beauty of their sin* (O. Wilde)) [Ваховская 2013]. В целом это свидетельствует о постепенном накоплении изменений когнитивных признаков вплоть до их превращения в противоположность, то есть развития по типу анагенеза.

Инволюция концепта, упрощение его схемного представления в ходе эволюции, прослеживается в регрессивном изменении концептуальной сети концепта БОГ / GOD в англоязычном светском дискурсе XIV – XXI веков. По данным А.В. Полиной [2004], концептуальная сеть прототипичных значений БОГ / GOD в религиозной картине мира служит основой для его исторического варьирования в светском дискурсе разных эпох. Сеть (по С.А. Жаботинской [2013]) состоит из пяти базовых фреймов: предметного, включающего слоты количества, качества, способа бытия, места и времени; акционального – [БОГ (агенса) действует на КТО (пациенс)], [БОГ (агенса) действует для НЕЧТО (цель)], [БОГ (агенса) действует с НЕЧТО (инструмент)], [БОГ (агенса) действует для КТО (бенефициант)], [БОГ (каузатор) творит КТО / ЧТО (результат)]; идентификационного – слот роль; посесивного – слот обладатель; компаративного – [БОГ (референт) является как бы КТО / ЧТО (коррелят)]. В ходе исторических трансформаций в концептуальной сети концепта меняется наполнение отдельных слотов в светском дискурсе вплоть до смыслов, противоположных библейскому (в том числе негативно оценочных). Начиная с XVII века отдельные слоты концептуальной сети полностью исчезают, в результате в XXI веке в концептуальной сети БОГ / GOD остаются только предметный и компаративный фреймы, то есть имеет место существенное сужение концептуальной сети, сопровождаемое искажением прототипических значений – наполнителей слотов [там же].

В целом, совокупность прототипических признаков концепта БОГ / GOD в светском дискурсе относительно стабильна и соответствует библейскому прототипу в XIV – XV и XVI – XVII вв., но проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., что соответствует культурно-исторической динамике общества. В частности, диахронически стабильными являются качества *loving, good, perfect*; роли *Lord, Father, Judge, Creator, Helper, Witness, Defender* и др.; компаративный фрейм – коррелят метафоры; диахронически

вариативные качества: *high, reliable, great, omnipresent* и др., роли *Redeemer, King, Leader, Lamb, Man*. По степени диахронического варьирования свойства концепта БОГ в светском дискурсе эпох Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени образуют области стабильности, колебаний, нестабильности, что приводит к сужению объема концепта, то есть его инволюции.

Наконец, развитие **смешанного типа**, изменение вектора в XIV – XXI веках с эволюционного на инволюционный, отмечается в таком концепте коммуникативного поведения как СКРОМНОСТЬ / MODESTY. В.А. Турченко [2014] определяет его как регулятивный признаковый концепт коммуникативного поведения, модель, отраженную в сознании индивида в соответствии с закрепленными в стереотипах этики нормами морали лингвокультурного социума. Этот концепт вербализуется лексически и актуализируется в дискурсе преимущественно стратегиями вежливости дистанцирования. Семантическое пространство его номинаций (имя концепта – прилагательного *modest* и его синонимы) варьируется с развитием общества, культуры, языка: происходит расширение объема импликационала в дискурсе XIV – XIX веков и его сужение в XX – XXI веках [там же].

Фреймовая структура концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY определяется двумя слотами НЕКИЧЛИВЫЙ и ДОБРОПОРЯДОЧНЫЙ – диахроническими постоянными, соответствующими микрополям «Humble» и «Decent», но их расширения, связанные схемами спецификации и каузации, диахронически изменяются. Изначально позитивно оценочный концепт в XVIII в. переосмысливается как антиконцепты ХАНЖЕСКИЙ, КОКЕТЛИВЫЙ, а в наше время способен полностью негативно переосмысливаться [там же].

Степень метафоризации концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY и способы его метонимической концептуализации членами микрополя «Moderate» также исторически трансформируются. Диахронические константы коррелятивных доменов – источников перекрестного картирования на референт СКРОМНОСТЬ / MODESTY – это ЧЕЛОВЕК, КОНТЕЙНЕР и др., а переменные – ВОЙНА, СМЕРТЬ, ЖИВОТНОЕ. Исторически постоянными референтными доменами в спектре метафор, на которые картируется коррелят СКРОМНОСТЬ, остается домен ЧЕЛОВЕК, а переменными служат ЖИЛЬЕ, ЕДА / НАПИТКИ, АРТЕФАКТ [там же].

Признаковый концепт коммуникативного поведения СКРОМНОСТЬ / MODESTY актуализируется в дискурсе стратегиями вежливости. Исторически постоянно доминируют стратегии дистанцирования (тактики «избегай вмешательства», «уважай желания слушателя»). Напротив, частотность тактик сближения растет в XIV – XVIII веках и снижается в XIX – XXI [там же].

В целом, по данным В.А. Турченко [2014], в эволюции концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY наблюдается два вектора: «расширение» с «пиком» в викторианскую эпоху и последующее «сужение». В дискурсе XIV – XIX веков концепт постепенно приобретает наиболее разветвленную структуру и наивысшую номинативную плотность, а в XX – XXI вв. этот вектор изменяется в направлении уменьшения числа расширений в структуре концепта, снижения числа доменов, в которых профилируются признаки СКРОМНОСТИ, то есть эволюция концепта сменяется его инволюцией в английской языковой картине мира [Турченко 2014], причем эволюция протекает в форме кладогенеза – расширения по типу ветвления, экстенсии, а инволюция – в форме компрессии, сжатия.

4. Выводы

Приведенные данные свидетельствуют, что историческое развитие в целом присуще концептам разных типов: и когнитивным, и лингвокультурным, в том числе событийным и признаковым концептам коммуникативного поведения. Их исторические трансформации соответствуют таким общим направлениям цивилизационных процессов, как эволюция, инволюция либо развитие смешанного типа, которое меняется на протяжении истории с эволюционного (экстензионного) на инволюционный (компрессионный).

Данная статья позволила выявить и систематизировать лишь наиболее общие закономерности эволюции концептов на основе выработанных на сегодняшний день методик диахронического анализа лексически представленных концептов. Вместе с тем, она продемонстрировала, что диахронические исследования в когнитивной семантике безусловно заслуживают продолжения, уточнения методик и алгоритмов анализа, углубления системного изучения эволюции концептов на материале английского, украинского и других языков. Сказанное будет способствовать становлению диахронической когнитивной семантики / исторической когнитивистики как нового и актуального направления когнитивных исследований в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонин А.А. Механизмы макроэволюции [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://afonin-59-bio.narod.ru/4_evolution/4_evolution_lec/evol_lec_13.htm.
2. Бондаренко Є.В. Еволюція поняття часу в англійській мові та у дискурсі : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Бондаренко Євгенія Валеріївна. – Харків, 2012. – 555 с.
3. Бондаренко Е.В. Матричное моделирование. Дуальность времени в англоязычной картине мира : монография / Е.В. Бондаренко. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 304 с.
4. Буренко Т.М. Когнітивно-прагматичні характеристики мовленнєвого акту вибачення в англomовному дискурсі XVI – XXI століть : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Буренко Тетяна Миколаївна. – Харків, 2008. – 208 с.
5. Ваховская О.В. Концепт ГРЕХ в англоязычной картине мира. Эволюция в дискурсе XIV – XXI веков / О.В. Ваховская, И.С. Шевченко. – Saarbrucken : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 313 с.
6. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2013. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>
7. Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Змиева Ирина Владимировна. – Харьков, 2006. – 228 с.
8. Ильин А.А. Философский анализ основных аспектов эволюции / А.А. Ильин, Н.Н. Кожевников // Вестник ЯГУ. – 2005. – Том 2, № 1. – С. 52–59.
9. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Институт языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
11. Олійник Н.А. Концепт ЕКОНОМІЧНА КРИЗА в англomовному економічному дискурсі 1930-х і 2000-х років : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Олійник Наталя Анатоліївна. – Харків, 2015. – 257 с.
12. Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV – XX вв. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Полина Анна Владимировна. – Харьков, 2004. – 205 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
15. Турченко В.О. Когнітивно-комунікативні характеристики концепту СКРОМНІСТЬ в англomовному дискурсі XIV – XXI століть : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Турченко Віра Олександрівна. – Харків, 2014. – 241 с.

16. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1072. – С. 15–20.
17. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / И.И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 44 с.
18. Bergson H. *L'Évolution créatrice* / H. Bergson. – Paris : PUF, coll. «Quadrige», 2007. – 696 p.
19. Carston R. *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication* / R. Carston. – Oxford : Blackwell, 2002. – 418 p.
20. Langacker R.W. *Foundation of Cognitive Grammar* / R.W. Langacker. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford CA : Stanford University Press, 1987. – 515 p.

REFERENCES

- Afonin, A.A. (2016). *Mehanizmy makroevoljucii [Mechanisms of macroevolution]*. Retrieved from: http://afonin-59-bio.narod.ru/4_evolution/4_evolution_lec/evol_lec_13.htm.
- Bergson, H. (2007). *L'Évolution créatrice*. Paris : PUF, coll. «Quadrige».
- Bondarenko, Ye.V. (2012). *Evoliutsiia poniattia chasu v anhliiskii movi ta u dyskursi. [The evolution of the concept of time in the English language and discourse]*. Doctoral dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Bondarenko, Ye.V. (2014). *Matrichnoe modelirovanie. Dual'nost' vremeni v anglojazychnoj kartine mira [Matrix modeling. Duality of time in the English language worldview]*. Kharkiv: Kharkiv Univ. Press.
- Burenko, T.M. (2008). *Kohnityvno-prahmatychni kharakterystyky movlennievoho aktu vybachennia v anhломovnomu dyskursi XVI–XXI stolit [Cognitive-pragmatic characteristics of the speech act of apology in the English discourse of the 14th – 21st centuries]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Carston, R. (2002). *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford: Blackwell.
- Chesnokov, I.I. (2009). *Mest' kak emotsional'nyy povedencheskiy kontsept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoy lingvokul'tury [Revenge as Emotional Behavioral Concept]*. Dr. diss. Synopsis, Volgograd State Pedagogic University, Volgograd, Russia (in Russian).
- Ilyin, A.A., & Kozhevnikov, N.N. (2005). *Filosofskij analiz osnovnyh aspektov jevoljucii [Philosophic analysis of the main evolutionary aspects]*. *Vestnik YaGU. – Yakutsk State Univ. Messenger*, 2, № 1, 52–59 (in Russian).
- Karasik, V.I. (2007). *Yazykovye kl'uchi [Linguistic clues]*. Volgograd: Paradigma Publ.
- Kubryakova, Ye. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge]*. Moscow: Yazyki slavianskoj kultury Publ.
- Langacker, R.W. (1987). *Foundation of Cognitive Grammar* (Vol. 1. Theoretical prerequisites). Stanford CA: Stanford University Press.
- Olyinyk, N.A. (2015). *Kontsept EKONOMICHNA KRYZA v anhломovnomu ekonomichnomu dyskursi 1930-kh i 2000-kh rokiv [The concept ECONOMIC CRISIS in the English economic discourse of the 1930s and 2000s]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Polina, A.V. (2004). *Jazykovaja obektivacija koncepta BOG v anglijskom diskurse XIV–XX vv. [Linguistic objectivization of the concept GOD in the English discourse of the 14th – 20th centuries]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Russian).

- Shevchenko, I.S. (2013). Kontcepty komunikativnogo povedeniia i diskurs [Concepts of communicative behavior and discourse]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin Kharkiv National Univ. Messenger, 1072*, 15–20 (in Russian).
- Slyshkin, G.G. (2004). *Lingvovokulturnye kontcepty i metakontcepty [Linguocultural concepts and metaconcepts]*. Volgograd: Peremena Publ.
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty: Slovar russkoi kultury [Constants: A Glossary of Russian Culture]*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kultury” Publ.
- Turchenko, V.O. (2014). *Kohnityvno-komunikatyvni kharakterystyky kontseptu SKROMNIST v anhlomovnomu dyskursi XIV – XXI stolit [Cognitive-communicative characteristics of the concept MODESTY in the English discourse of the 14th – 21st centuries]* Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Ukrainian).
- Vakhovskaya, O.V., & Shevchenko, I.S. (2013). *Koncept GREH v anglojazychnoj kartine mira. Jevoljucija v diskurse XIV-XXI vekov [Concept SIN in the English World View. The Evolution in the 14th-21st Centuries Discourse]*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Zhabotynskaya, S.A. (2013). Imia kak tekst: kontseptualnaia set leksicheskogo znacheniiia (analiz imeni emotcii) [The name as a text: conceptual network of lexical meaning (analysis of the name of emotion)]. *Kognitsia, kommunikatsia, diskurs – Cognition, communication, discourse, 6*, 47–76. Retrieved from: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no6-2013/zabotinskaa-s-a>. (in Russian).
- Zmiyova, I.V. (2006). *Lingvokognitivnye kharakteristiki sredstv verbalizatsii kontcepta DOBRO v angliiskom iazyke [Linguocognitive characteristics of the means verbalizing the concept GOOD in English]*. Candidate dissertation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (in Russian).

Шевченко Ирина Семеновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

Shevchenko Irina Semenovna – doctor of philological sciences, professor, Department of Business Foreign Language and Translation, V.N. Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

РЕДАКТОР

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Седа Керобовна Гаспарян, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Ереванского государственного университета, Армения; e-mail: sedagasparyan@yandex.ru

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, Украина; e-mail: saz9@ukr.net

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, Россия; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"), Россия; e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, професор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, Украина; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара, Украина; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, Украина; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия; e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США; e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Россия; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

СЕКРЕТАРЬ

Котов Михаил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: mykhailo.kotov@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРАМ ЖУРНАЛА «КЖД»

Рекомендации по оформлению статей научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования

Материалы принимаются в объеме не менее 0.5 авторского листа (10 стр.) на русском, английском или немецком языках в текстовом редакторе Microsoft Word (.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева и справа – 2 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются инициалы и фамилии авторов, в скобках – город, страна. Например:

ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В КОГНИЦИИ И ДИСКУРСЕ

А.Н. Петренко (Киев, Украина)

Далее 11 кеглем приводятся аннотации на русском и украинском языках. Авторам рекомендуется структура аннотации, повторяющая структуру статьи, однако, предмет, тема и цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Текст резюме должен быть максимально информативен, не повторять формулировки в названии статьи, не содержать вводных предложений, типа «В статье автор рассматривает...». Результаты работы представляются максимально точно и информативно. При этом предпочтение отдается новым результатам, и данным долгосрочного значения, важным открытиям и выводам, которые опровергают или дополняют существующие теории. Разрозненные положения в тексте должны логично вытекать одно из другого. Допускаются только общеизвестные аббревиатуры, либо дается расшифровка авторских аббревиатур при первом их употреблении. Объем аннотации – минимум 100 слов (670 знаков / 770 знаков с пробелами). В конце аннотации с новой строки после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Ключевые слова» в алфавитном порядке перечисляются основные понятия из статьи (в единственном числе). Не рекомендуется приводить термины, не употребленные в аннотации.

Далее – аналогичная (близкий перевод) аннотация на английском языке (11 кегль). Авторам следует помнить, что такая аннотация является, практически, единственным источником, на основании которого иностранный читатель может составить представление о сути и ценности статьи. Поэтому главными требованиями к ней являются: информативность (отсутствие общих и вводных фраз), оригинальность (не «калькированный» перевод аннотации на русском языке), содержательность (отражение основного содержания статьи и результатов исследований), структурированность (следование логике аргументации статьи), аутентичность (качественный английский язык), компактность. В тексте авторского резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Рекомендуется включение в аннотацию следующих структурных компонентов: Purpose (цели и задачи исследования), Results (результаты и выводы) и Discussion (практическое значение и перспективы). Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in this study» (частая ошибка российских аннотаций).

В конце после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Key words» в алфавитном порядке перечисляются основные термины, употребляемые в статье. Желательно употребление терминологии, общепринятой в мировой науке. См. рекомендации зарубежных издательств (Emerald Publishing, <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

Структура статьи после аннотаций различается для эмпирической и теоретической статей.

Эмпирическая статья (Empirical/Case Study)

Статья представляет результаты экспериментального исследования, иллюстрации выявленной проблемы; анализ способов решения проблемы; обоснование необходимости исследований в какой-либо сфере. Структура эмпирической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация эмпирического исследования должна отражать: проблему исследования; его гипотезу; полное описание выборки; основные особенности методологии и метода исследования; краткое описание полученных результатов, их надежности и сферы применения.

1. Введение (Introduction): постановка и обоснование проблемы, анализ последних исследований и публикаций; выявление нерешенных проблем и предложение пути их решения; актуальность исследования; определение цели (теоретической и практической) и гипотезы исследования; описание хода изложения материала в статье.

2. Методология исследования (Methods) – описание степени разработанности проблемы в научных публикациях, методологических основ и методов, процедуры проведения исследования, описание выборки, возможные погрешности результатов. Этот раздел призван дать четкое представление об объективности полученных результатов.

3. Результаты исследования (Results) – описание результатов (с иллюстрациями, таблицами, которые нумеруются и снабжаются названием) и их анализ. Этот раздел статьи можно дополнительно структурировать на подразделы. Результаты проведенного исследования оформляются в виде списков.

4. Обсуждение и дискуссия (Discussion) – интерпретация полученных результатов; их сравнение с аналогичными результатами других исследований по тематике статьи; предложения по применению собственных выводов; предложение дальнейших направлений исследований. Этот раздел всегда насыщен ссылками. Задача автора – подготовить в дискуссионной части статьи обоснованную поддержку всем выводам, которые он планирует сделать по результатам исследования.

5. Выводы (Conclusions) – важнейшая часть статьи, краткое изложение тезисов, которые автор предлагает на профессиональное обсуждение по результатам проведенного исследования, имея целью показать важность своего исследования и его перспективы.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

Теоретическая статья (Theoretical article)

В статье на основе существующей литературы разрабатываются имеющиеся / выдвигаются новые теоретические положения. Она содержит анализ развития теории, уточнение теоретических конструктов, представление новой теории, сравнение нескольких теорий, демонстрация преимуществ одной теории по сравнению с другой. Структура такой статьи зависит от ее содержания. Эмпирические данные вводятся, если они важны для решения теоретической проблемы.

Структура теоретической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация для теоретической статьи должна описывать: как теория или модель работает; принципы, на которых она основана; основные особенности представленной теории / метода, какие явления она учитывает и объясняет; ее надежность и связи с эмпирическими результатами.

Введение (Introduction). Постановка проблемы; актуальность исследования; краткий анализ последних исследований и публикаций для выделения нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; определение цели, задач (как правило, нескольких) (Aims / tasks / objectives).

В основной части (под соответствующим теме названием) статья может иметь дальнейшие подразделы (Sections and subsections). Как правило, она начинается с детального изложения и всестороннего анализа известных результатов и теорий. Далее приводится нужное количество подразделов, отражающее ответы на каждый поставленный автором вопрос и дискуссию с обоснованием полученных результатов. При необходимости свои доводы автор подкрепляет нумерованными примерами, таблицами, рисунками.

Выводы (Conclusions) суммируют полученные результаты и дают ответы на все поставленные ранее вопросы (в соответствии с целью и заданиями статьи). Намечаются конкретные перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

Перечень обязательных элементов любой статьи включает:

Введение (Introduction), актуальность, цель, задачи (Aims / tasks / objectives) исследования, его объект, предмет, материал; подзаголовки статьи (Sections and subsections), выводы (Conclusions) и перспективы исследований в этом направлении.

Все структурные элементы необходимо выделять полужирным шрифтом.

Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное в них подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

Рекомендуемое среднее число ссылок в статье составляет 10–30 публикаций (аналогично SCOPUS). Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Leech 1985: 373].

В конце статьи приводится список литературы.

Для русскоязычной статьи **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) дается как список со сплошной нумерацией в алфавитном порядке, где по требованиям ДАК Украины публикации размещаются сначала те, что написаны в кириллице, затем – на латинице и других языках. Тире и дефис различаются.

Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность нтерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Смуцинська І.В. Модальність французького художнього тексту: типи та засоби вираження : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.05 / Смуцинська Ірина Вікторівна. – К., 2003. – 478 с.
3. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
4. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова. – М. : АСТ: «Восток – Запад», 2007. – 314 с.

Для статьи, написанной по-русски, список литературы приводится дважды: сначала ЛИТЕРАТУРА, затем ее дублирование в латинице REFERENCES. Для статьи, написанной по-английски или на другом европейском языке, дается только REFERENCES.

После слова **REFERENCES** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список всех источников по образцу APA style 6th (порядок авторов в двух списках может быть разным в соответствии с конкретным алфавитом).

Оформление транслитерированной библиографии по стандарту APA style 6th ed.:

При перечислении нескольких авторов перед фамилий последнего ставится знак & после запятой.

В названии журнала после запятой том приводится курсивом, номер выпуска в скобках – ровно, например: *10* (2)

Названия журналов, издательств транслитерируются латиницей и не переводятся.

Для изданий на восточнославянских языках:

Статья:

Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina*. – *V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33-38 (in Russian)

Электронный источник:

Zagurenko, A.A. (2002). Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]. *Neftyanoie khozyaistvo – Oil Industry*, 11. Available from: <http://www.opus>

Материалы конференции:

Zagurenko, A.A. (2002). Osobennosti proektirovaniya [Features of design]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma: *Novye tekhnologii – Proceedings from 6th Int. Symposium: New technologies*. Kyiv, 267-272 (in Russian).

Книга:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]*. Kyiv: Nauka Publ.

Диссертация:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine (in Ukrainian)

Автореферат диссертации (сокращения: dokt./ kand.):

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation synopsis, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian)

Для изданий на иностранном европейском языкеКнига одного автора:

Lakoff, G. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

Книга БЕЗ автора, под. редакцией:

Lakoff, G. (Ed.). (1980). *Title of the book*. Chicago: Chicago University Pres.

Книга нескольких авторов:

Jung, C., & Franz, M. (1964). *Man and his symbols*. New York: Doubleday Publ.

Статья:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. (2005). Title of the article. *Title of the journal*, 10 (2), 49-53.

Глава в книге:

Shuman, A. (1992). Entitlement and authoritative discourse. In: J.H. Hill, & J.T. Irvine (Eds.). *Responsibility and evidence in oral Discourse* (pp. 135-160). Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Обязательно указывать идентификаторы DOI для тех источников, где они есть, например:

Brownlie, D. (2007). Toward effective poster presentations. *European Journal of Marketing*, 41, 1245-1283. doi:10.1108/03090560710821161

Транслитерированную часть названий статей и фамилий авторов во избежание ошибок рекомендуется делать автоматически на сайтах <http://translit.kh.ua/> (для украинского языка) и <http://www.translit.ru> (для русского), а затем переносить в текст библиографии.

В конце статьи после библиографии дается информация об авторе на русском и английском языках: ФИО (полностью), степень и звание автора, место работы (полное название так, как оно дано на сайте, и почтовый адрес организации), город, страна, электронный адрес для корреспонденции.

Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение двух недель после их получения.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2016, № 13

Напрямок «Філологія»

Російською, українською, англійською, німецькою, арабською мовами

Комп'ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп'ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,
тел.: 362-01-52

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.